

2025

ТОМ: 6

■
ГОМЕР: 2

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том VI. № 2. 2025.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том VI. № 2. 2025.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том VI. № 2. 2025.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том VI
№ 2.2025**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Руджеро Леви

Подростковый возраст: символическая реконструкция,
взгляд и нарциссическое равновесие

6

ПСИХОАНАЛИЗ ТРАВМЫ

Бенджамин Килборн

Травма и мудрый младенец

18

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ичеткина В. Р.

Антэдип Ракамье. Инцестуальность изнутри,
или Диверсия Нарцисса против Эдипа

41

ПСИХОАНАЛИЗ ФАНТАЗМА

Бенгина Е. Р.

«Восприятие глубины», или Путь к репрезентации пары

57

Ружникова Е. А.

Связь между первофантазмами/фантазмами и структурой личности,
а также психопатологией на примере пограничной структуры личности

73

ПСИХОАНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ

Овчинникова А. Д.

Зависимые отношения: перверсия, меланхолия
и работа горя в зависимых отношениях

80

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ КОУЧИНГ

Раковская А. Ю.

Применение методов психоаналитического консультирования
для работы с феноменом самозванца

91

ПСИХОАНАЛИЗ И КУЛЬТУРА

Вранеш Д. Д., Чекунова О. В.

Адаптация иностранца в новой культуре через формирование
нового культурного и языкового конверта

117

ПСИХОАНАЛИЗ БИЗНЕСА

Колесник Е. В., Коробкина Д. А., Офёркина Е. М.,

Ситковская М. Г., Цимбалюк Е. Г.

Психоаналитические аспекты формирования бизнес-партнерств

133

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Подростковый возраст: символическая реконструкция, взгляд и нарциссическое равновесие

Руджеро Леви

(Пер. с фр.: О. В. Чекункова)

Руджеро Леви – бразильский психоаналитик, психиатр, тренинг-аналитик SPPA («Психоаналитическое общество Порто-Алегре»), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

В этой статье исследуются превратности процесса субъективации у подростков в связи с трудностями символизации, характерными для современной культуры. В подростковом возрасте нарциссическая стабильность зависит от реконструкции репрезентаций Я и объектов. Это включает в себя весь процесс символической реорганизации. В статье подчеркивается важность взгляда – возможности видеть и быть увиденным – в этот период, особенно для того, чтобы можно было проделать работу по реконструкции самовосприятия. Для этого будет представлена клиническая виньетка. Кроме того, автор предлагает концепцию особых отношений между «разумом и телом», характерных для этого периода жизни. Наконец, он соотносит этот процесс с современным феноменом блогов в интернете, пытаясь связать его с центральной темой данной статьи, а именно с тем, что этот феномен может служить потребности быть замеченным для завершения самовосприятия.

Ключевые слова: подростковый возраст и нарциссизм, подростковый возраст и символизация, тело подростка и символизация, подростковый возраст и взгляд; подростковый возраст и современная культура.

Введение

Подростковый возраст – это процесс, который, по сути, развивается на пересечении множества границ. Именно поэтому нам необходимо изучать эти границы и узнавать их как можно лучше. Подростковый процесс развивается на границах между психическим и соматическим, внутренним и внешним миром, индивидуальным и семейным, личным и культурным, а также на постоянно присутствующей границе между нормальным и патологическим.

Поскольку наша культура сейчас переживает период больших перемен, когда модернизм сильно пошатнулся из-за воздействия постмодернизма, необходимость понять его влияние на подростковый процесс очень велика. Поскольку подросток является субъектом, переживающим настоящие перемены и находящимся в непосредственном контакте с культурной границей, мы видим, что культурные изменения четко проявляются в нем самом. Мы наблюдаем, что подростковый процесс меняется, начинается раньше времени, продлевается и усиливается. Одним словом, подростковый возраст как будто растягивается, деформируется и перестраивается на наших глазах.

Более того, даже если мы будем изучать подростковый возраст исключительно с внутриспсихической точки зрения, мы можем рассматривать его с разных сторон: с точки зрения процесса сепарации и индивидуации; с точки зрения реактивации прегенитальных влечений и появления генитальных влечений, с последующей реактуализацией эдипова комплекса; и с точки зрения превратностей нарциссизма, как я уже делал в других работах (Levy, 1994; 1996).

В этом тексте я вновь рассмотрю подростковый процесс с точки зрения нарциссизма, на этот раз сосредоточившись на конкретном явлении: символической реорганизации, происходящей в этот период жизни, связанной с тревогами, возникающими в результате этого процесса, и влиянии этой реорганизации на нарциссическую структуру субъекта и точки соприкосновения нарциссизма с нашей культурой.

На основе более детального исследования я попытаюсь показать, что существует особый тип тревоги, характерный для этого процесса символической реорганизации, а именно тревога аннигиляции. Подростковый возраст – и связанный с ним процесс субъективации – как сложное явление не может быть рассмотрен с одной точки зрения. Не существует единой теории или точки зрения, которая могла бы объяснить это настолько сложное событие.

Символическая реорганизация в подростковом возрасте

Человек главным образом развивается в символическом мире (Levy, 2000), что позволило Кассиреру (Cassirer, 1997) сказать, что человека следует описывать не как рациональное животное, а скорее как символическое животное. По мнению Кассирера, главное отличие человека от других видов животных заключается в существовании символической

системы, промежуточной между системой, принимающей импульс, и двигательным механизмом. Мышление представляет собой символическую систему, которая опосредует непосредственную реакцию, как уже говорил Фрейд в статье «Положение о двух принципах психической деятельности» (1911).

«Человек живет в символической вселенной. Язык, миф, искусство и религия являются частью этой вселенной. Эти различные нити сплетаются в символическую сеть, в которой сплетается человеческий опыт... Человек больше не может сталкиваться с реальностью непосредственно, видеть ее лицом к лицу, он может соприкоснуться с реальностью только через эту сеть, созданную им самим» (*Cassirer, 1997, p. 48*).

Те же самое происходит и в подростковом возрасте. Этот процесс характеризуется отказом от прежних систем репрезентаций, созданных self (*Cahn, 1999*) на протяжении всего детства, в пользу создания новой системы репрезентаций, которая учитывает новое тело, изменяющееся Я, объекты и мир. В этом мучительном процессе деконструкции и реконструкции системы репрезентаций мы наблюдаем появление новой субъективности в символической вселенной субъекта со всеми вытекающими отсюда процессами изменений.

Но почему в данном случае я не говорю о построении новой идентичности в подростковом возрасте? На самом деле я хочу сосредоточить свое исследование на том, что происходит на метапсихическом уровне, в фантазматическом мире субъекта, и сопроводить вас на пути исследования этого важнейшего процесса символизации, которым является подростковый возраст, а также сделать акцент на особых видах тревоги, которые из него вытекают.

Новое подростковое тело, появившееся в результате полового созревания, с его новыми формами, влечениями и потенциалом, требует от психики необходимости проделать беспрецедентно огромный объем работы. Из-за своего нового тела у подростка появляется ощущение тревожащей странности (*Cahn, 1999*), репрезентацию которой необходимо создать внутри, для того чтобы воссоздать привычное ощущение знания и признания самого себя. Для Пьеры Оланье (2004) символизировать – значит ассимилировать «чужое тело» в заданную систему репрезентаций. Я, конечно, в данном случае имею в виду «чужое тело» в двойном смысле: как инородный элемент, который должен быть ассимилирован, и как биологическое тело, чуждое самому субъекту.

Этот феномен нарушает привычный порядок, поскольку тревожащая странность ощущается как что-то незнакомое как для самого субъекта, так и для его окружения; это объясняет, почему удивленные взгляды окружающих усиливают ощущение странности, которое очень распространено в этот период жизни. По мнению Кан (1999), именно это ощущение чуждости по отношению к себе и другим придает подростковому возрасту глубину и определяет специфику психических трансформаций. Поскольку речь идет о реорганизации системы репрезентаций, представлений о себе и других, о разрушении одной системы и построении другой, то помимо уже упомянутого чувства странности мы также обнаруживаем

присутствие глубинной аннигиляционной тревоги, страха уничтожения и распада и часто сталкиваемся с ощущением неизбежной смерти – именно эту тревогу я хочу рассмотреть в данной работе, как я уже упоминал. Будучи символической конструкцией, самость (self) ощущает в отношении себя угрозу.

В детстве субъект выстроил систему репрезентаций Я и объектов, которая обеспечивала определенную стабильность в отношении самовосприятия. Однако радикальный процесс символической реорганизации приводит не только к потере детства и тела ребенка, но и к потере репрезентаций Я и объектов. Этот опыт вызывает чувство ужаса. Винникотт (1951) говорил нам, что самые серьезные психические страдания появляются тогда, когда мы теряем не объект, а его репрезентацию. В конце этого же текста Винникотт вводит тему негатива в психоанализе, подчеркивая, что при утрате репрезентации единственной возможной реальностью объекта иногда становится его отсутствие: единственное присутствие объекта – это его негатив. Такие люди привязываются к нехватке, отсутствию, а значит, и к страданию как к единственной реальной вещи. Какое отношение это имеет к теме, о которой я говорю? В действительности, столкнувшись с потерей репрезентации себя и ощущением, что они больше не существуют, некоторые подростки часто обращаются к негативу как к единственной ощутимой реальности: страдание, боль, самодеструктивность – все это становится способом существования.

Ранее Ботелла (2002) показал, что травматическая ситуация возникает из-за неспособности субъекта создать репрезентации данного опыта, которые могли бы связать аффекты, вызванные этим опытом. В этом смысле можно сказать, что подростковый возраст становится травматичным, когда субъект не в состоянии воссоздать систему репрезентаций для учета этого нового опыта и терпит неудачу перед лицом этого нового неприсвоенного, несубъективированного опыта.

Я предлагаю гипотезу, которая напрямую связана с вышесказанным: результате этой символической реорганизации в подростковом возрасте неизбежно возникает дефицит ментализации (Marty, 1990; 1992) – в большей или меньшей степени, и тело играет центральную роль в попытках контролировать тревоги, характерные для этого периода.

На этом этапе жизни устанавливается особая связь между психикой и телом, поскольку, с одной стороны, телу требуется новая репрезентация (Aisenstein, 2009), а психика должна будет контейнировать символические репрезентации нового тела, новые эмоциональные переживания, которые оно вызывает, и новое восприятие мира; с другой стороны, ввиду вышеупомянутого дефицита ментализации тело часто должно «контейнировать» несимволизованные эмоции, чтобы предотвратить их выбрасывание в бесконечность внешней реальности (Lutemberg, 2005) и их последующее возвращение в форме галлюцинаций, типичных для психоза. Таким образом устанавливаются отношения «контейнер – контейнируемое», характерные для подросткового возраста. Тело рассматривается как промежуточное пространство между психикой и бесконечной вселенной

(Idem) внешней реальности, когда психика еще не в состоянии символизировать бесконечность нового опыта, возникающего в подростковом возрасте.

Попытка достичь нарциссического равновесия

Несколько своих работ (1966, 1973, 1978, 1989, 1992) Мельтцер посвятил исследованию ментальной географии; другими словами, он изучал ментальные пространства, циркуляцию между ними, их секции, их характеристики, а также их значение в подростковом возрасте. Он стремился изучить различные типы проективной идентификации в объектах, а также их коммуникативные, структурирующие и защитные цели.

В своей книге «The Claustrium» («Клауструм. Исследование феномена клаустрофобии») (1992) Мельтцер описывает последствия этих фантазий для психики. Он различает проективную идентификацию, которая является более адаптивной и коммуникативной, и интрузивную идентификацию, которая менее обратима и при которой человек присваивает объект, превращая его – в своих фантазиях – не в контейнер, а в клауструм, который заключает его в тюрьму. Ситуации, когда в функционировании self доминируют такие фантазии о внедрении, вторжении, ставят под угрозу все чувство идентичности человека. Когда Мельтцер обращается к подросткам, он пишет: «Явление клауструма подсвечивает это изменение в чувстве идентичности, позволяя осознать, что они отличаются не только от тех, кем были раньше, не только по своим психическим качествам, но и по отношению к миру, в котором они живут» (Meltzer, 1992, p. 147).

В другой работе, «Нарциссические убежища в подростковом возрасте» (Levy, 1996), я подробно описываю эти психические пространства и их формирование в подростковом возрасте с присущими им структурирующими и защитными функциями.

Я попытался описать деструктивные аспекты, связанные с этими психическими организациями, и их влияние на психоаналитическую технику, в частности на контрперенос.

Пытаясь защититься от депрессивных, параноидальных и деструктивных тревог и прежде всего от чувства спутанности и деперсонализации, возникающих в результате символического «демонтажа» подросткового процесса, который я пытаюсь здесь изучить, подростки физически перемещаются между множеством сообществ (семья, мир взрослых, группа и изоляция; Meltzer, 1979) и между множеством объектов. С помощью более или менее внедряющихся проективных идентификаций части self будут «циркулировать» в пространстве сложной географии, создавая более или менее преходные идентификации с более или менее вредными последствиями для self. Другими словами, по мере того как подростки теряют свою собственную саморепрезентацию, они стремятся «присвоить» себе некий self, некую идентичность.

Следует подчеркнуть, что эти защитные маневры направлены на защиту от вышеупомянутых тревог; но они также направлены – в том подходе,

который я здесь развиваю, – на создание чувства нарциссической стабильности, то есть субъект должен признать себя прежде всего существующим. Как нечто, как некто.

Важность взгляда

В очень интересной статье «Роль матери и семьи в развитии личности младенца» (1975), вдохновленной работами Лакана, Винникотт подчеркивает важность взгляда другого – прежде всего матери – в становлении субъекта. Он утверждает, что предшественником зеркала является лицо матери, и справедливо замечает, что младенцы видят себя, когда смотрят на лицо матери. Мать, которой удастся «взглянуть» на ребенка, уподобляется тому, кого она видит. Ощущения младенца приобретают смысл благодаря лицу матери. Именно в этой игре, в которой субъект показывает себя и на него смотрят, формируется его самовосприятие, которое и станет его собственной «правдой». Этот обмен обогащает, поскольку то, что чувствуется, обретает смысл «в мире видимых вещей». Винникотт добавляет, что, когда матери не могут смотреть на своих детей, последние смотрят на своих матерей и не видят себя. В норме, глядя на мать, ребенок ищет и находит смысл, который должен быть там.

Винникотт предлагает четкую формулу, очень похожую на хайдеггеровское описание конституирования истины бытия: «Когда я смотрю, меня видят, следовательно, я существую» (с. 157). Иными словами, именно в динамике смотреть на другого и быть увиденным зарождается чувство существования/бытия. В близких человеческих отношениях мы видим и находим свою «истину» в лицах других людей. Мы создаем в другом и через другого наше эмоциональное состояние, которое отражается в том образе, который нам показывают.

В книге «Первая помада» (1988) Курню-Жанин рассказывает о ситуациях насилия, выявленных французскими лечебными заведениями, с которыми сталкивались девочки пубертатного возраста в собственных семьях, когда они начинали наносить макияж и представлять себя в более женственном образе. Это происходило из-за тревог, которые они вызывали у своих родителей. Можно было бы сказать, что эти тревоги связаны с инцестуозными либидинальными фантазмами, пробудившимися в родителях, и, возможно, отчасти так оно и было. Однако интересны именно оригинальный взгляд автора, гипотезы, полученные в ходе этого исследования: было замечено, что наибольшую тревогу вызывало то, как девушку видели другие мужчины. Становясь женственной и привлекательной, девушка вызывала желание и притягивала взгляды мужчин. Но последствия были двоякими: с одной стороны, это было фундаментально важно для укрепления женской идентичности девочки, через развитие ее собственных репрезентаций, представлений о себе как о женщине; с другой стороны, это вызывало гомосексуальную тревогу у родителей.

Небольшая клиническая иллюстрация

Чиро обратился за помощью в возрасте 15 лет, потому что испытывал интенсивное ощущение деперсонализации, нереальности, что вызывало приступы тревоги и даже паники, связанные с ужасом потерять свою идентичность и психически утратить себя. У него было ощущение, по его словам, «быть и не быть». Можно сказать, что он сомневался даже в своем материальном, физическом существовании, в том, что его тело занимает какое-то место в мире. Когда он ехал один по городу, он боялся потерять ощущение себя, запутаться, не знать, спит он или бодрствует, видит сон или нет, и таким образом из-за невнимательности или неосторожности совершить какое-то действие, которое может привести к его смерти.

Это привело к фобии, которая обездвижила его, не позволяя ходить в школу, гулять с друзьями и спокойно спать одному по ночам. Он крепко держался за мать, считая, что только она может предотвратить худшее. Он прибежал к самым крайним мерам, чтобы она была с ним 24 часа в сутки. Для Чиро было важно не то, что говорит его мать, а то, что она просто находится рядом и смотрит на него.

Больше всего нас интересует его потребность быть увиденным. Если он не чувствовал, что на него смотрят, он боялся, что перестанет существовать, что его собственное тело перестанет быть видимым. Чтобы быть замеченным, увиденным, он каждый день менял что-то в своей внешности, волшебным образом заставляя свое тело «существовать»: цвет волос, серьгу, пирсинг, бритую голову; словом, он постоянно менял облик своего тела, вызывая удивление окружающих.

То, что на него смотрели с удивлением, успокаивало его, потому что давало ощущение того, что он существует, что он реален. По мере того как ему становилось лучше и он чувствовал себя увереннее, его существование и идентичность обретали новые формы.

Он начал испытывать любопытство, хотел узнать, что способен увидеть взгляд другого. Другими словами, как описывает это Винникотт, он хотел поставить себя на место объекта и посмотреть на себя с его позиции. Самость (self) существует как субъект – то есть у нее есть собственное чувство существования, – но она может принимать себя за объект – то есть занимать место объекта и смотреть на себя (Ogden, 1996). В случае с Чиро очевидно, что это изменение позиции по отношению к объекту приняло довольно интрузивную форму, которая была представлена в работах Мельцера. Чиро, заинтересовавшись фотографией, придумал проект. Он знал одного бездомного, который часто бывал в его районе и с которым он общался. Сначала он спросил, можно ли сфотографировать его лицо; постепенно он приблизился, чтобы сфотографировать только глаза. Затем он дал бездомному свой фотоаппарат и попросил его самого сделать снимки, потому что хотел «увидеть то, что видел Марко».

Он сделал еще несколько интересных работ со своей камерой в одном из бедных районов Порту-Алегри. Он сказал мне: «Я понял, что у этих бедных людей дома нет семейных фотографий». Он начал ходить по выходным в этот район и фотографировать семьи. Он был в восторге от того,

что они его ждали в лучшей одежде. Чиро помогал им развить семейную идентичность через создание визуальной, фотографической репрезентации семьи. Он подарил им их собственный образ. Через свой взгляд, запечатленный фотоаппаратом, он дал им семейную идентичность. Они смогли увидеть себя. Очевидно, что Чиро был чувствителен к потребностям этих людей и к их нехватке семейных репрезентаций, потому что он сам сталкивался с этим. Он также использовал взгляд, в его многочисленных раздвоениях, чтобы попытаться создать репрезентации себя, которые его успокаивали.

Современная культура и вопрос образа

Повторим сказанное в начале: подростковый процесс и психопатология подросткового возраста, имеющие множество границ, постоянно открыты для культуры и находятся в контакте с ней. Постмодернистская культура характеризуется изменчивостью человеческих отношений и новым типом недомогания, отмеченным именно непоследовательностью и хрупкостью отношений (*Baumann, 2004*). В современной культуре мы также наблюдаем кризис и сомнение в функциях власти – в частности, в Бразилии, – ценностей и идеологий (*Cahn, 1999*), а также размывание границ, которое приводит к этической и моральной дезориентации.

Конечно, предыдущие культурные периоды тоже никогда не были потерянным раем, но в них царил определенный порядок, статус-кво, против которого молодые люди восставали, отстаивая идеологию, дающую им четко определенную идентичность.

Раймонд Кан (*Cahn, 1999*) дает четкое описание некоторых конфликтных полюсов современного подросткового возраста: все более полная свобода нравов против все более строгих требований в плане навыков; поощрение потребления все более привлекательных товаров против растущих трудностей в их получении; раскрепощение сексуальности в поведении против все большего отдаления от супружеской жизни и родительства. Эти полярности конфликта, лежащие в основе зачастую неразрешимых тревог, часто приводят к патологическому поведению. К этим полярностям конфликта добавляется семейная ситуация, в которой молодые люди сталкиваются с трудностями своих родителей в распознавании и установлении границ между полами, поколениями, «правильным» и «неправильным», истинным и ложным. Более того, эти современные родители часто разделяют с подростками то же чувство неуверенности в будущем, неустроенности, материального неблагополучия и сомнения в институтах.

Столкнувшись с тревогой, вызванной потерей самопрезентаций, подросток укрывается во внутреннем мире, чтобы попытаться восстановить их. Но в то же время он прибегает к внешним объектам, которые использует как зеркала, помогающие ему воссоздать свой собственный образ, отразить нечто, что руководит им, будь то прекрасный образ или отталкивающий, но все-таки образ. С другой стороны, в описываемом нами случае подросток смотрит на объект, и тот отражает его, путаясь в образе

взрослого и молодого человека, которым он является; фактически он не может определить, является ли то, что он видит, истинным или ложным, хорошим или плохим; что еще хуже, иногда никакой образ не отражается, потому что родители не могут «увидеть» своего ребенка, погружая его в пустоту небытия.

Эта неспособность символической реорганизации построить самовосприятие, обеспечивающее нарциссическую стабильность, приводит к незавершенности процесса субъективации и, как следствие, к нарциссическим патологиям, влияющим на поведение и тело (делинквентность, анорексия, булимия, наркотики и т. д.). Нарциссические защиты стремятся исправить неадекватность психической проработки (Cahn, 1999).

То, что мы описываем, проиллюстрировано в одном из номеров (Askolovitch, 2006) французского журнала «Le Nouvel Observateur», где было опубликовано исследование под названием «Вся правда о жестокости в среде молодежи – когда удары заменяют слова». Название говорит само за себя, но содержание работы касается именно замены символического на поведенческое, проявляющейся у французских подростков. Более конкретно, автор описывает недостатки процесса субъективации (о которых говорилось выше), то, как они выражаются в поведении и в какой степени молодые люди нуждаются в помощи для построения образа себя. В этом материале описываются бесчисленные акты насилия, совершенные молодыми людьми по всей Франции (Ницца, Орлеан, Орли, Париж и т. д.). Эти акты насилия имеют некоторые общие элементы и бывают всех типов: сексуальные, физические и т. д., без какого-либо реального осознания того, что было сделано. Можно привести пример группы подростков 13–14 лет из Ниццы, участвовавших в акте группового насилия, которые, несмотря на сексуальное насилие, не увидели в этом проблемы, потому что девушку не били...

Еще один элемент, общий для множества подобных насильственных действий – наиболее яркий для описываемого мной случая, – это то, что происходящее фотографируется или снимается на мобильные телефоны. Эта практика уже получила название «счастливая пощечина» («happy slapping»). Другими словами, агрессоры являются главными героями, протагонистами в снятых фильмах, как будто им необходимо запечатлеть свой собственный образ в акте насилия. Повторю сказанное ранее: это представляет собой нарциссическую попытку построить самовосприятие, включая обращение к реальному внешнему образу и насилию как положительному доказательству своего существования. Разрушительность – это, похоже, единственная часть их Я, которой они обладают. Мишель Редон, заместитель прокурора в суде Ниццы, отмечает: «У этих молодых людей создается впечатление, что изображение – это единственный способ существования перед лицом ощущения небытия. Жертва становится статистом в их фильме, она нереальна. Для них самое важное – иметь возможность показать, используя образ в качестве доказательства, что они являются мужчинами».

Есть еще один элемент, свидетельствующий обо всем этом, – присутствие интернета в жизни современного подростка и особенно всех

существующих сегодня социальных сетей, где молодые люди выкладывают в сеть свои фотографии, а также фотографии своих родных и друзей. Тысячи и тысячи молодых людей подключены к этим сетям, и они выставляют себя, своих друзей и свои семьи на всеобщее обозрение. Разве это не похоже на то, что делал Чиро с семьями из бедного района Порту-Алегри? Это явление выглядит как способ показать себя и быть замеченным и, самое главное – проявить себя. Мы знаем, что это способ облегчить чувство одиночества, которое так часто встречается в подростковом возрасте и в нашей культуре в целом. Во многих отношениях наша культура переживает ряд явлений, очень похожих на те, с которыми сталкиваются подростки (и именно поэтому она не предоставляет им никаких средств для контейнирования): одиночество, потеря ориентиров, диффузия идентичности, использование тела, отреагирование (acting) и так далее.

В социальных сетях привлекает внимание то, что там очень часто можно увидеть молодых людей в нижнем белье или полуобнаженными, в позах, напоминающих знаменитостей или проституток. Фотографии обнажающихся молодых людей часто путают с фотографиями предлагающих себя проституток. Даже девочки, достигшие половой зрелости, выставляют себя в нижнем белье напоказ перед одноклассниками через веб-камеры. Я думаю, что в культуре нарциссизма, где образ возведен на престол, где поверхностные ценности предпочтительнее более глубоких, эстетика – этики, культ образа предлагается как попытка усилить ощущение существования в качестве субъекта, часто путем обнажения собственного тела, что как раз и привлекает внимание. Формула Винникотта «меня видят, следовательно, я существую» занимает это виртуальное пространство постольку, поскольку отношения с реальными объектами, как мы уже отмечали, очень изменчивы. «Знаменитости» рождаются и исчезают со скоростью интернета. Они мгновенно создаются практически из ничего: достаточно появиться в парламентской комиссии по расследованию, мыльной опере или просто в реалити-шоу. Таким образом, винникоттский афоризм превращается в «Я симулякр знаменитости, следовательно, я существую».

Заключительные комментарии

В процессе пубертата подросток стремится, помимо прочего, к нормальной символической реорганизации, то есть к реконструкции репрезентаций Я и объектов, необходимой для создания новой субъективной конфигурации, обеспечивающей нарциссическую стабильность в конце подросткового возраста. Мы находимся на территории нормального нарциссизма: субъект может посмотреть на себя и сказать: «Я существую, это я». Однако – раз уж мы заговорили о границах – когда этот процесс субъективации не удастся, единственным способом существования для субъекта становится обращение к нарциссическим решениям, которые уже относятся к области психопатологии. Прежде всего, эти решения позволяют молодым людям уверить себя в том, что они действительно существуют.

Эти нарциссические убежища, которые должны быть преходящими, часто становятся консолидированными структурами.

К концу подросткового процесса эта символическая реконструкция Я, предпринятая субъектом, должна быть в состоянии обеспечить его образами себя и своих объектов, которые не только дают ему спокойствие по поводу его существования, но и обеспечивают ощущение ясности и стабильности в отношении себя. Благодаря этой символической реконструкции должны быть созданы репрезентации объектов субъекта, которые служат ориентиром. Согласно Мельтцеру (*Meltzer, 1979*), это объекты для вдохновения. Для того чтобы личность была правильно структурирована, эта реконструкция должна дать ответы на следующие вопросы: «раз я существую, то кто я? кому принадлежит это тело? каковы мои объекты и какой цели они служат?» Если образ себя оказывается слишком диссоциированным, тревоги слишком интенсивными, а образы объектов слишком расщепленными, заряженными ненавистью или другими тревожными эмоциями, этот процесс будет нарушен. Другими словами, если субъект обращается к своим реальным объектам и не находит отношения, способствующего этой символической реорганизации, не находит взгляда или находит взгляд, который усиливает замешательство, риск патологических нарциссических последствий очень высок. В поисках нарциссического самоутверждения тело может стать чрезмерно сверхинвестированным, как либидо, так и деструктивностью; или же объект может быть отвергнут, поскольку его признание может спровоцировать чувство аннигиляции самости.

Я надеюсь, что мне удалось достаточно ясно изложить важность процессов символической реконструкции в подростковом возрасте, их связь с важностью взгляда, ролью тела и тем, как это происходит в нашей культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Askolovitch C.* (2006). «La vérité sur la violence des jeunes – Quand les coups remplacent les mots». Le Nouvel Observateur. Numéro 2168, du 24 au 31 mai.
2. *Botella C. e S.* (2002). Irrepresentável: Mais além da representação. Porto Alegre, Sociedade de Psicologia. Criação Humana.
3. *Cahn R.* (1999). O adolescente na psicanálise – a aventura da subjetivação. Rio de Janeiro. Companhia de Freud.
4. *Cassirer E.* (1997). Ensaio Sobre o Homem. Ed. Martins Fontes. São Paulo.
5. *Castoriades-Auglanier P.* (2004). La violencia de la interpretación: del pictograma al enunciado. Buenos Aires, Amorrortu.
6. *Cournut-Janin M.* (1988). Le premier rouges à lèvres ou La peur de la féminité chez les parents de l'adolescente. La Psychiatrie de l'enfant. Vol. XXXI, 2/1988. P. 301–311.
7. *Levy R.* (1994). As relações amorosas na adolescência. XVII Jornada Sul-Riograndense de Psiquiatria Dinâmica, Gramado.

8. *Levy R.* (1996). Refúgios narcisistas na adolescência: entre a busca de proteção e o risco de destruição – dilemas na contratransferência. *Revista Brasileira de Psicanálise*, 30(1), 1–18.
9. *Levy R.* (2000). Do símbolo à simbolização. Mémoire présenté en janvier 2001 en vue de l'obtention du titre de membre de la Société Psychanalytique de Porto Alegre.
10. *Meltzer D.* (1979). *Os Estados Sexuais da Mente*. Ed. Imago, Rio de Janeiro.
11. *Meltzer D.* (1992). *The Claustrophobia – An Investigation of Claustrophobic Phenomena*. The Clunie Press for The Roland Harris Trust Library.
12. *Ogden T.* (1996). *Os sujeitos da Psicanálise*. São Paulo. Casa do Psicólogo.
13. *Winnicott D. W.* (1975). *Objetos transicionais e fenômenos transicionais*. In: *O Brincar e a Realidade*. Imago Editora. Rio de Janeiro.
14. *Winnicott D. W.* (1975). *O papel da mãe e da família no desenvolvimento emocional infantil*. In: *O Brincar e a Realidade*. Imago Editora. Rio de Janeiro.

Adolescence: symbolic reorganisation, the gaze and narcissistic balance

Ruggero Levy

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Ruggero Levy, a Brazilian psychoanalyst, psychiatrist, SPPA («Sociedade Psicanalítica de Porto Alegre») training analyst, and head of the International Psychoanalytic Association (IPA) Working Group Coordination Committee.

Summary: This article explores the vicissitudes of the subjectivation process in adolescents in relation to the difficulties of symbolisation characteristic of contemporary culture. In adolescence, narcissistic stability depends on the reconstruction of representations of self and objects. This involves the whole process of symbolic reorganisation. The article emphasises the importance of looking – seeing and being seen – during this period, and the extent to which the work of self-image reconstruction is based on it. To this end, a clinical vignette will be presented. In addition, the author proposes the concept of a special relationship between "mind and body" characteristic of this period of life. Finally, the author relates this process to the contemporary phenomenon of blogging on the Internet, attempting to relate it to the central theme of this paper, namely that this phenomenon can serve the need to be noticed in order to complete self-perception.

Keywords: Adolescence and narcissism, adolescence and symbolisation, adolescent body and symbolisation, adolescence and the gaze; adolescence and contemporary culture.

ПСИХОАНАЛИЗ ТРАВМЫ

Травма и мудрый младенец¹

Бенджамин Килборн

(Пер. с англ.: Д. Гладких)

Бенджамин Килборн – доктор клинического психоанализа, доктор этнопсихологии, магистр литературы, психоаналитик, тренинг-аналитик и супервизор Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

В этой статье расширяется концепция Ференци о мудром младенце и исследуется динамика неведения и компенсаторных идеалов мудрости как реакции на травму и как проявления «двойственного сознания», динамики стыда и эдипального стыда. Сосредоточившись на ощущениях неведения, знания и незнания и их связи с травмой, автор подробно рассматривает динамику фантазий о мудрости, делая общие выводы для психоаналитической техники.

Ключевые слова: травма, мудрый ребенок, стыд, эдипальный стыд, двойственное сознание, Шандор Ференци.

В нескольких своих работах Ференци (1923, 1931, 1932а, б, с, 1933) использует концепцию мудрого младенца – младенца, чья мудрость помогает взрослым оставаться в безопасности, чье понимание делает мир постижимым. Это представление, как отмечает Ференци, является защитой от реального положения ребенка: он один в мире, который не может постичь, не может собрать воедино какое-либо ощущение связности, окружен взрослыми, которые не могут или не хотят протянуть ему руку

---

¹ Kilborne B. Trauma and the Wise Baby. (2011). The American Journal of Psychoanalysis. Vol. 71. P. 185–206. <https://doi.org/10.1057/AJP.2011.14>

помощи, оставленному, униженному своей собственной беспомощностью и стыдящемуся своего детства.

Для Ференци концепция мудрого младенца косвенно выражает его теорию травмы, исследующую, как всемогущество травмированного ребенка ищет убежища в идеалах «мудрости» (о концепции мудрого ребенка Ференци см. также: *Frankel, 1998; Vida, 2005; Boschan, 2008*). Это особенно актуально сегодня в психоанализе, когда *знание*² часто считается признаком компетентности и, наоборот, когда *неведение* отвергается как постыдное и обычно замалчивается. Многие презентации случаев и статьи в психоаналитических журналах создают впечатление, что авторы настолько совершенны, что их способность к пониманию не знает границ. Идея Ференци о мудром младенце, как мне кажется, может напомнить нам, клиницистам, о том, что нам, возможно, нужно знать больше о невежестве, о динамике знания и незнания, чем принято считать.

Представления Ференци о мудром младенце помогают нам понять, как идеалы мудрости становятся частью суждений и оценок Суперэго. Такие понятия, как «*мудрость*» и «*неведение*», развиваются в контексте человеческих отношений и оценок. Повзрослевшие мудрые младенцы склонны нетерпимо относиться к тому, что они считают собственным неведением, и поэтому их чувство неведения становится источником токсичного стыда. Только тогда, когда мы, как аналитики, можем понять мотивы идеализации мудрости и защиты от незнания, стыд за неведение может стать доступным для аналитического процесса и прорабатываться. В этом процессе аналитик будет в более выгодном положении, если он или она помнят о мудром младенце внутри каждого из нас и чувствительны к тому, что я называю динамикой неведения.

У меня когда-то был друг в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, который преподавал средневековую историю и раннюю историю церкви. Студенты считали его особенно образованным. Они часто говорили о том, как много он знал и как трудно им было с этой разницей в знаниях, какими невежественными они себя чувствовали. Однажды после очередного комментария о том, насколько он невероятно образован, он молча подошел к доске и нарисовал два круга, большой и маленький. «Это, – сказал он, указывая на большой круг, – мои знания». И, указывая на маленький круг, добавил: «А это ваши знания». Все согласились. «Но теперь посмотрите на это, – продолжил он. – Окружность каждого круга – место, где он определяет то, что исключает, – представляет собой незнание. Таким образом, вы можете легко понять, насколько я более невежественен, чем вы. Мое невежество намного больше вашего». Фон нашего понимания, как и фон картины или рисунка, никогда не может быть ничем иным, кроме пространства или фона, на котором изображена фигура³.

² Здесь и далее курсив автора. – Прим. пер.

³ Такие отношения между фигурой и фоном являются обычным делом в дискуссиях о восприятии со времен гештальтистов, но в области психоаналитических знаний они встречаются гораздо реже. – Здесь и далее прим. авт.

Этот пример напоминает нам о том, что мудрость и определяется, и приобретается благодаря психологической мотивации и что такая мотивация никогда не может быть чем-то большим, чем надлежащее изучение неведения⁴. Мы стремимся понять так много, потому что чувствуем, что понимаем так мало.

Мудрый младенец реагирует на травму

В своем первом эссе 1923 года о сновидении мудрого младенца Ференци описывает сны, в которых младенцы бегло и красноречиво говорят, поучая старших в вопросах морали и мудрости. Ференци отмечает, что этот сон скрывает желание противостоять чувствам беспомощности и незнания. «Желание стать ученым и превзойти "великих" в мудрости и знаниях, – заключает он, – это лишь изнанка обратной ситуации ребенка» (Ferenczi, 1923, p. 350).

Ференци обращает наше внимание на чувства знания и неведения, которые могут серьезно расходиться с тем, что человек знает или не знает. Ребенок, который считает себя «мудрее» взрослых, реагирует на чувство унижения, стыд за то, что он ребенок, стыд за незнание и стыд за неведение и безразличие родителей к его чувствам и состоянию. Однако полезно признать, что эти чувства являются формой понимания и могут обозначать реальные эмоциональные явления, какими бы запутанными они ни были.

Когда на чувства и голос ребенка (а также младенца, малыша и растущего ребенка) не реагируют, ребенок завидует тем олимпийским богам, чья сила зависит от иллюзии, созданной ими [и от которой они (олимпийские боги) могут зависеть], что они «знают» то, что недоступно ребенку или младенцу. Такая динамика затрагивает, но не совпадает с рассуждениями Фрейда о первосцене. Представления Фрейда о первосцене и о том, что он называет эдипальной динамикой (например, Freud, 1905, 1909, 1910), кажутся мне существенно отличающимися от той, которую я буду обсуждать здесь в отношении мудрого ребенка. Хотя Фрейд затрагивает детское ощущение исключенности из «знания», он также подразумевает, что то, что надо «знать» – это что-то сексуализированное. Если бы это было действительно так, то у ребенка не было бы «мудрости», и этот вывод явно был в голове у Ференци, когда он предложил эту концепцию.

---

⁴ Неведение оказывается плодотворной темой для размышлений. Возьмем, к примеру, роман Милана Кундеры «Неведение». Кундера пишет об иллюзиях, порождаемых незнанием. Например, рассмотрим следующий отрывок: «В течение того, что я называю первым 20-летним периодом (с 1918 по 1938 год), чехи верили, что их республике предстоит бесконечное будущее. Они ошибались, но именно потому, что они ошибались, они прожили эти годы в состоянии радости, которая привела к небывалому расцвету их искусства. После вторжения России, поскольку они не подозревали о неизбежном крахе коммунизма, они снова поверили, что живут в бесконечности, и не боль от их нынешней жизни, а пустота будущего высасывала из них силы, лишала их мужества и делала эти третьи 20 лет такими жалкими, такими несчастными» (Kundera, 2000, p. 13).

Более того, понятие знания в психоанализе более проблематично, чем может показаться на первый взгляд, поскольку нет простого соотношения между тем, что неизвестно, и бессознательным, с одной стороны, и тем, что известно, и сознанием, с другой.

В конце XIX века Шарко и другие (*Janet*, 1889 [2005]; *Azam*, 1887 [2004]) размышляли о концепции «двойственного сознания», подразумевающей одновременно *двойственную совесть* и *двойственное сознание*. Другими словами, понятие «двойственного сознания»⁵ обозначает *одновременное знание и незнание*. Кроме того, во французском языке термин «двойственная совесть» (как и в английском) обозначает две совести, предполагая неустранимые конфликты в отношении ценностей, этических суждений и идеалов. Парадоксально, но концепция бессознательного Фрейда затмила важность и неоднозначность, присущие понятию «двойственного сознания». Психоанализ никогда по-настоящему не исследовал этические конфликты, присущие понятию бессознательного, поскольку Фрейд считал, что этика находится в сознании. В современном психоанализе многие аналитики отрицают значимость конфликтов Суперэго, отчасти из-за путаницы в отношении того, насколько «бессознательными» они являются. Однако если мы рассмотрим понятие «двойственного сознания», то, что является сознательным, а что бессознательным, становится менее значимым, чем то, что мы знаем и не знаем одновременно. Другими словами, бессознательное не обязательно является чем-то неизвестным (хотя оно может быть недоступным), так же как сознательное не обязательно является чем-то известным.

«Двойственная совесть» по-французски обозначает одновременно сознание (осознанность, мышление) и совесть (этическую осознанность, осознание своей ответственности перед другими и перед самим собой). Определение бессознательного, данное Фрейдом, полностью исключает этическую плоскость и одновременно упрощает концепцию Жана, поскольку Жане подразумевает, что мы можем одновременно знать и не знать что-то. Затем Фрейд, следуя за Ницше, исключает этику из мышления и утверждает, что бессознательное можно познать с помощью психоанализа, то есть сделав пациента (недумающего, бессознательного) объектом познания, а не сложным источником мышления, который может включать в себя как то, что человек знает, так и то, чего он не знает, одновременно.

Недумание тогда занимает место этики и становится «интерпретируемым» кем-то другим (если только этим человеком не является сам Фрейд). Другими словами, концепция бессознательного Фрейда, если воспользоваться фразой Ницше, «по ту сторону добра и зла». Если бессознательное находится по ту сторону добра и зла, то как это соотносится с концепцией

---

⁵ Здесь также важно учитывать игру слов при переводе этого термина: придерживаясь более классического понятия, я перевела «double conscience» как «двойственное сознание» (двойственное, раздвоенное), о чем писал Жане. Но этот термин также будет равен «двойной/двойственной совести», о которой упоминает Килборн. – Прим. пер.

мышления, сознания? Подразумевается, что мышление как осознанность и рациональность является единственным фокусом внимания и противопоставляется «бессознательному». Таким образом, бессознательное требует интерпретации, чтобы психоаналитическая теория была понятной, то есть подлежала «научному» исследованию.

Это сбивает с толку, поскольку теории Фрейда утверждают, что для понимания мышления необходимо выйти за рамки рациональности и обратиться к иррациональному. Но в то же время эти теории опираются на рационалистическое определение бессознательного (иррационального), чтобы объяснить важность и ценность психоанализа. Чтобы психоаналитическая интерпретация стала научной, она должна расшифровывать то, что могут знать только посвященные в культ интерпретации, только те, кто владеет языком бессознательного. В этом и заключается суть теорий Лакана, поскольку для него бессознательное структурировано как язык, и поэтому он подобен тем, кто интерпретировал линейное письмо Б, – ученым, чья наука позволяет им расшифровывать коды. Лакан и другие стремились защитить науку Фрейда, опираясь на лингвистические теории, как Бион стремился сделать то же самое, взяв за основу альфа- и бета-частицы.

Однако эти защитники фрейдистских/психоаналитических предположений в значительной степени сосредоточены на одном человеке, пациенте, без учета взаимодействия между толкователем и пациентом. Психоаналитические теории (например, кляйнианцы) пытались компенсировать это, постулируя связь между бессознательным толкователя и бессознательным пациента, но это лишь устраняет фундаментальную эпистемологическую трудность, связанную с тем, что пациент и толкователь могут знать и как их отношения влияют на то, как они об этом думают.

Бессознательное Фрейда кажется мне глубоко ошибочным. Оно должно быть достаточно неясным, чтобы его мог «интерпретировать» кто-то другой. Конечно, цель психоанализа – позволить пациенту стать толкователем своего бессознательного. Но ценность психоанализа заключается в предположении, что без помощи психоанализа пациенты никогда не смогут стать толкователями своего бессознательного. Поэтому, чтобы представить психоанализ как науку, Фрейду нужно было стать первичным двигателем (*prima mobile*) бессознательной интерпретации. Этого нельзя было сделать, не убедив общественность в том, что их мышление – это не то, чем они его считали, а что Фрейд и психоанализ знали, как воспользоваться недоверием к мышлению, постулируя бессознательное, которое затем можно было интерпретировать. Таким образом, психоаналитические интерпретации могли обращаться к обману и ошибочному мышлению, устраняя из них этические противоречия, представляя бессознательное как то, что пациенты должны были знать, но не могли знать сами.

Эта путаница становится понятнее, когда понятие бессознательного ставится рядом с «двойственным сознанием». Понятие «бессознательное» у Фрейда искусственно изолирует мышление, отделяет его от этических соображений. Цена, которую мы заплатили за то, что поместили

бессознательное вне этики, – это серьезные упущения, которые нанесли ущерб нашей профессии. Напротив, концепция «двойственной совести» позволяет понять то, что знают пациенты, аналитики и все мы, потому что мы люди, подверженные ошибкам и этическим ограничениям, которые заложены в нашем мышлении, а не навязаны обществом. Наши потребности как людей ощущаются и включают в себя потребности друг в друге⁶.

Возможно, из-за своего интереса к травмам Ференци, пожалуй, является единственным крупным психоаналитиком, который косвенно допускает возможность одновременного знания и незнания, двусмысленность «двойственного сознания». Ференци (1931) возвращается к теме мудрого младенца в своей статье «Детский анализ в анализе взрослых», где он говорит о травматическом расщеплении. В другом месте (*Kilborne, 1998*) я описал феноменологический подход Ференци к травмам и его важность для современных теорий травм и психического распада. Здесь достаточно упомянуть два момента. Во-первых, перед лицом травмы ребенок или младенец отказываются от части себя из-за отчаяния, вызванного невозможностью почувствовать связь (с отцом или матерью). Ференци пишет: «Часть личности берет на себя роль отца или матери по отношению к остальным, тем самым как бы отменяя факт покинутости» (*Ferenczi, 1931, p. 135*) С одной стороны, ребенок может исправить ситуацию, в которой он был брошен, но для этого он должен подавлять и отрицать собственные чувства покинутости и изоляции, заменяя их идентификацией с безучастным родителем. Такое подавление чувств покинутости способствует возникновению бессознательных чувств беспомощности и гнева и может привести к дальнейшему расщеплению личности⁷.

Ференци также упоминает о склонности травмированных младенцев и детей пытаться превратить части своего тела в противоядие от чувства покинутости. Таким образом, само тело – руки, пальцы, голова, нос, глаза, гениталии – может стать центром внимания в попытке установить своего рода замещающую связь. В такой травмирующей ситуации ребенок или младенец подавляет чувство покинутости, представляя, что сосредоточенность на какой-либо части тела может заполнить пустоту, образовавшуюся из-за отсутствия родителя. Таким образом ребенок создает для себя иллюзию контроля: он может управлять пальцем, а не родителем. Однако, когда контролируемая часть тела начинает заменять неконтролируемого, непонятого родителя, когда пережитая потеря родителя (или страх потери) может быть компенсирована частью тела, неизбежно возникают искажение тела и соответствующие искажения в объектных отношениях, а также склонность к мастурбационным фантазиям и путаница в сексуальной идентичности. Такое отношение к собственному телу

---

⁶ Начиная со слов «двойственная совесть» весь фрагмент добавлен по просьбе автора из личной переписки. – Прим. пер.

⁷ Это особенно верно, если страх остаться в одиночестве сохраняется во взрослом возрасте и сочетается с другими видами тревожности.

приводит к переживаемому разделению между разумом и телом, которое иногда выражается в фантазиях и снах, в которых голова отделяется от тела и, кажется, живет собственной жизнью.

В своей известной статье «Путаница языков» (1933), в которой Ференци говорит о путанице, травмирующей психику, он делает еще один намек на сон о мудром младенце. Он поднимает эту тему в контексте своего рассуждения о *«травматическом развитии, преждевременной зрелости»*. Это можно сравнить с преждевременным созреванием плода, поврежденного птицей или насекомым. Травма может привести к зрелости не только эмоционально, но и *интеллектуально»* (1933, р. 165, курсив авт.).

Другими словами, безудержный, неконтролируемый страх взрослого заставляет младенца или ребенка идеализировать мудрость и фантазировать о ней. Ребенок компенсирует свою беспомощность перед лицом тревог родителей, погружаясь в фантазии о знаниях; вместо того чтобы чувствовать себя растерянным, встревоженным, одиноким и беспомощным, он чувствует, что «знает». В своем «незрелом» состоянии он нащупывает и расширяет границы своего понимания и интуиции, которые, по его мнению, настолько недостаточны, что для изменения картины приходится прибегать к фантазиям. Это проявление «двойственного сознания». Ребенок знает и не знает одновременно.

Таким образом, усилия ребенка и иллюзии понимания прикрывают непонимание, растерянность и беспомощность, которые, будучи невыносимыми для взрослого, не могут не пугать ребенка. Однако при таких обстоятельствах ребенок вообще не осознает, что испытывает страх. Напротив, он чувствует себя Великим Распределителем Мудрости, оплотом своих родителей. Однако страх не знать наверняка и неудача в преждевременных попытках «созреть» могут усугубить чувство беспомощности и привести к разрушительному расщеплению личности.

Ситуация может также усложниться тем, что в таких случаях дети могут начать верить, что родители зависят от них и что они должны защищать их (родителей) от реальности или даже от осознания ужаса. Таким образом, силы подавления, которые приводят к неизбежному ощущению незаконченности, могут также способствовать воплощению грандиозных фантазий: ребенок сам не является хрупким, не подвергается угрожающему жизни страху, а скорее защищает хрупкого родителя; ребенку не нужно бояться полагаться на родителя, поскольку он (ребенок) поддерживает родителя. Ребенок не беспомощен, он настоящий кукловод.

Таким образом, ребенку не нужно беспокоиться о ненадежности родителя, а родитель, в свою очередь, избавлен от необходимости сталкиваться с чувством беспомощности ребенка. И последнее, но не менее важное: ребенок может верить, что его мудрость всемогуща, даже если одна из функций такой веры – отрицать чувство стыда за свое незнание и беспомощность, а также обесценивать беспомощность и стыд своих родителей, делая их зависимыми от своей мудрости, в результате чего они перестают быть беспомощными и пристыженными. Снова «двойственное сознание».

Пример из практики

Позвольте мне привести здесь короткую виньетку, чтобы проиллюстрировать динамику развития мудрого младенца, чья мудрость служит противовесом от невыносимых чувств беспомощности и стыда. В этом случае «мудрость» проявляется в том, что ребенок понимает, когда взрослый терпит неудачу. Такая смена ролей (см., например, *Borgogno & Vignataglianti, 2008*) типична для травмированных пациентов и людей, которым нужно верить, что их мудрость и сила в заботе о родителях (в данном случае о матери и бабушке) могут компенсировать асимметрию отношений. Кроме того, когда ребенок начинает зависеть от фантазий о всемогуществе и мудрости внутри семьи, эти фантазии становятся частью нарциссических защит.

Такой ребенок может попытаться позаботиться о себе, заботясь о своих родителях. В этом семейном микрокосме, в этом террариуме есть ощущение безопасности, пусть и иллюзорное. Однако когда мудрый ребенок выходит во внешний мир и обнаруживает, что его фантазии пусты, что его мудрость – иллюзия, что его собственное развитие затормозилось и что он совершенно не готов справляться с конфликтами и отношениями в мире за пределами своей семьи, то шок и травма от такого осознания могут вызвать всепоглощающую тревогу и фрагментарность.

Ольга

Ольга – красивая, энергичная женщина в возрасте около 40 лет, чьи профессиональные достижения в области дизайна принесли ей известность. Тем не менее она страдает от проблем с кожей (например, псориаза) и сильной тревожности.

Родители Ольги родились в Санкт-Петербурге, который во времена СССР назывался Ленинградом, а после распада Советского Союза снова стал Санкт-Петербургом. Там они пережили блокаду Ленинграда во время Второй мировой войны⁸, когда сотни тысяч людей умерли от голода и

---

⁸ Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года и длилась 867 дней до 29 января 1944 года, включая годы суровых зим. Во время блокады город, окруженный и осажденный немецкой армией, был полностью отрезан от остальной части страны. Около трех миллионов жителей города ужасно страдали от нехватки продовольствия, воды и электроэнергии. Рацион питания в ту суровую зиму составлял 125 граммов хлеба на человека в день, или примерно 1/4 фунта. Сотни тысяч людей умирали от голода, только за два месяца, январь и февраль 1942 года, от голода умерло более 200 тысяч человек. По некоторым оценкам, общее число жертв блокады превысило 800 000 человек, почти треть населения города. В 1942 году население составляло примерно три миллиона человек, а к концу блокады – едва ли 500 000. Великолепное и ужасающее описание Ленинградской блокады можно найти в книге «900 дней» Харрисона Солсбери. Солсбери пишет: «Ничто не может умалить заслуг мужчин и женщин, которые сражались, несмотря на голод, холод, болезни, бомбы, снаряды, отсутствие тепла и транспорта в городе, который, казалось, был обречен на смерть. История тех дней – это эпос, который будет волновать сердца людей, пока человечество существует на Земле» (*Salisbury, 1969, p. 7*).

холода. В результате невообразимой травмы мать Ольги стала шизофреничкой и к моменту рождения Ольги была совершенно неспособна быть матерью или реагировать на другого человека.

У Ольги была бабушка по материнской линии. Когда она была подростком, родители бабушки (прадедушка и прабабушка Ольги) и ее старшие братья и сестры умерли от голода во время блокады и были похоронены в одной из братских могил; большая часть ее большой семьи умерла от голода и холода. Выжила только бабушка Ольги вместе с ее младшими братом и сестрой, которые потеряли с ней связь, когда их вывезли из Ленинграда.

Когда брат и сестра вернулись примерно через год после снятия блокады в 1944 году, бабушка Ольги отвергла свою младшую сестру и отказалась признавать ее. Люди, пережившие травму, часто отвергают тех, кто не пережил ее, и полностью от них закрываются. Для них те, кто не пережил эту травму, «несведущи» и неспособны сопереживать или понимать; это относится и к их детям. Однако в таких случаях «незнание» детей также является следствием того, что их родители считают невозможным выразить. Ленинградская писательница Вера Инбер написала в своем дневнике 17 января 1944 года: «Величайшее событие в жизни Ленинграда: полное освобождение от блокады. И у меня, профессионального писателя, нет слов, чтобы выразить это. Я просто говорю: Ленинград свободен. И это все» (цитата из *Salisbury*, 1969, p. 568).

Для детей травмирующие последствия такого молчания, такого опыта без слов невозможно недооценить. Дети «знают», не зная; и молчание хрупких, израненных родителей заставляет детей бояться, что они «знают» то, о чем нельзя говорить. Из такой динамики вырастает заговор молчания. Взрослые могут молчать из стыда и беспокойства, но дети воспримут такое молчание как вотум недоверия к их способности быть достойными того, чтобы с ними разговаривали, быть достаточно ценными, чтобы им рассказывали истории.

Ольга чувствует, что была отвергнута бабушкой, что в России еще более травматично из-за исключительной важности бабушки как члена семьи, от которого дети зависят в плане заботы и воспитания, а также представления о семье. Ее бабушка не готовила для нее, как это принято. Скорее, наоборот, Ольга с самого детства приносила бабушке еду (сосиски и пироги).

Позже выяснилось, что бабушка Ольги, искалеченная травмой, мучимая стыдом и чувством вины за то, что выжила, смогла пережить блокаду в Ленинграде потому, что, будучи подростком, ушла из дома и жила на фабрике, где ежедневно получала небольшой кусочек хлеба, которого хватало на жизнь. Она работала на фабрике по 14–16 часов в сутки без отпусков и выходных. Если бы она опоздала на пять минут, ее отправили бы в тюрьму. Если бы она поделилась своим хлебом, она могла бы умереть от голода, будучи лишенной дальнейшего питания. Поэтому она всегда боялась делиться тем, что у нее было, с другими.

Бабушка не только не смогла воспитать ее, сделав из Ольги материнскую фигуру, но и регулярно водила ее на братскую могилу своих родителей,

братьев и сестер, в место, где ее предки лежали неприкаянными, затерянными среди десятков тысяч безымянных мертвых, что сделало Ольгу свидетельницей потери бабушки. Этот пример еще раз указывает нам на смену ролей и обладание Ольгой невыразимыми знаниями.

Отца Ольги отправили в элитную школу-интернат для художников, где, как его мать (бабушка Ольги по отцовской линии) надеялась, он будет защищен от пьянства отца, скандалов и насилия. Ему было очень стыдно за своего отца и семью. Хотя школа дала ему хорошую профессию, это было для него проклятием и символом его собственного одиночества, а также напоминало ему о разобщенности и разорванности связей в его семье. Как и его отец, он тоже стал алкоголиком. В обеих семьях Ольги (мать-шизофреничка, отец-алкоголик) были случаи тяжелых травм, отчужденности, стыда и безразличия. Обе семьи страдали от трансгенерационных травм.

Сны Ольги

Несколько снов могут лучше проиллюстрировать тревогу Ольги из-за *чувства знания* и *чувства неведения*, из-за «двойственного сознания». В начале лечения Ольге снится: она идет по модной улице со своим парнем. Затем она понимает, что улица меняется, поднимается вверх, становится более перпендикулярной. Идти становится все труднее и труднее. Она видит машину, которая пытается проехать по улице. Она с большим трудом пытается доехать, но становится все труднее и труднее. Машине грозит опасность соскользнуть с дороги; она соскальзывает назад и исчезает. Затем улица превращается в стену. Ольга начинает карабкаться вверх, а затем легко взбирается без посторонней помощи.

Казалось бы, этот сон олицетворяет ужас Ольги – разрыв между модной улицей, где она непринужденно беседует со своим парнем, и ужасающей улицей, которая переворачивается и превращается в стену, по которой съезжают автомобили. Конец сна, в котором она чувствует себя легко, по-видимому, символизирует желание избавиться от страха и снова почувствовать себя сильной.

Представьте на мгновение, как ужасающее неведение может защитить от того, чего нельзя знать, потому что это слишком страшно. Сон можно рассматривать как выражение тяжелой борьбы⁹, которая способна одолеть ее в любой момент и перед которой она чувствует себя совершенно беспомощной; этот сон символизирует внутренний конфликт с подавляющими чувствами ужаса. Она может соскользнуть назад и исчезнуть так же легко, как тела членов ее семьи в братской могиле. Эти внутренние конфликты усугубляются конфликтами из-за знания или незнания. Следовательно, ей нужно представить, что она легко взбирается (уверенная в своей мудрости и силе) и без чьей-либо помощи.

---

⁹ Здесь автор использует фразу *uphill battle*, что значит «борьба в гору» или просто «тяжелая борьба», таким образом как бы продолжает метафору сна Ольги. – Прим. пер.

Ольге снится второй сон: у меня был ребенок, но я забыла об этом. Он живет с моей мамой. Без имени. Я его не помню. Не знаю, родился ли он на самом деле или нет. Потом я нашла фотографию как доказательство того, что он существует. Я испытала облегчение от того, что он жив. Страх и чувство вины из-за того, что я забыла о нем. Он живет с моими родителями, которые боятся дать ему имя. Я надеюсь, что мы (я и мой парень) сможем сами дать ему имя. Я должна что-то дать нашему ребенку. Однако я не знаю, что я могу ему дать, если даже не могу дать ему имя. Я ехала к родителям, чтобы сказать им, что они должны что-нибудь дать ребенку. У меня должно быть молоко в груди. Но его нет. Я не знаю, как кормить ребенка, и не знаю, что с ним делать.

Мы можем представить, что ребенок может олицетворять борьбу с осознанием семейной травмы, с воспоминаниями и забыванием, со знанием и незнанием, с мудростью и невежеством. Если она «знает», то это ошеломляет; но если она «не знает», то становится изолированной и неузнаваемой для своей семьи. Младенец существует (есть фотография), но у него нет имени; травма ее матери-шизофренички и ее семьи существует, но о ней нельзя думать. Во сне родители Ольги боятся дать этому имя. Тем не менее ребенка нужно кормить, чтобы он не умер. Ольга не знает, что с ним делать. Травмирующая идентичность семьи Ольги не может быть «познана», но без нее у Ольги вообще нет идентичности. Поэтому, чтобы существовать, ребенок должен быть накормлен, даже если она не представляет, как это можно сделать. В этом случае я говорю, что ребенок «может олицетворять», что, по-видимому, подразумевает, что это мои, а не ее ассоциации.

Ольге снится третий сон. Я иду с вами (аналитиком). Вы мой сосед. Это квартал, в котором я родилась и прожила первые пять лет своей жизни в Ленинграде. Ряды домов. Дворы между ними. Скрытая тропинка во дворе, соединяющая его с другими дворами в других кварталах. Не знаю, кто показывает дорогу, вы или я. Мы находим эту тропинку, но она перекрыта большими трубами. Не видно ничего, приходится пробираться на ощупь. Трубы хаотично навалены друг на друга. Большие газовые трубы, ведущие в никуда. Когда мы прошли, я показала вам, где жила до шести лет. Потом вы показали мне дом, где жили вы. И я хотела обойти это место, но вы решили пройти через арку (ворота?). Вы хотели пройти по маленькой тропинке, по которой могут ходить только дети. Взрослые по ней не могут ходить. Только дети могут пролезть. Из-за этого я очень давно не ходила по этой тропинке. Ольга добавляет: «Трубы напоминают мне о странном месте, которое я нашла во время прогулки со своим парнем. Там трубы уходили в пустоту. Бессмысленно. Рядом с трубами была поврежденная стена; из отверстия вытекал небольшой фонтанчик воды. Как будто кто-то помочился изнутри стены».

Говоря о своем страхе, что она не сможет обеспечить ребенку заботу/любовь/еду, Ольга упомянула французский фильм, в котором бедной девушке из провинции (или откуда-то еще), у которой есть собственный ребенок, приходится оставить его, чтобы стать няней для ребенка из богатой семьи. Бедная девушка поет этому ребенку песню, которую не могла

спеть своему собственному. Ольга плакала, рассказывая эту историю. И позже, на том же сеансе, она рассказала о том, как однажды, когда лежала в больнице, ее бабушка принесла ей дыни «колхозницы» (маленькие, не очень сладкие). Это был единственный случай, который запомнился Ольге, когда бабушка давала ей что-то, – еще одно свидетельство ее незначительности в глазах бабушки и еще одно свидетельство того, что она считала Ольгу недостойной заботы. Вспомните ее сон о том, что она не может кормить грудью своего ребенка и забывает о нем.

Если сначала рассматривать чувства, которые Ольга описывает в своих рассказах, как ассоциации со снами, то можно сказать, что есть чувство брошенности (бедной девушке пришлось оставить собственного ребенка, чтобы заботиться о ребенке из богатой семьи) и чувство огромной печали из-за того, что она не может спеть песню своему собственному ребенку. Что это за песня? Она явно очень грустная и выражает глубокую печаль и беспомощность. Мы можем представить, что это песня, которую бабушка Ольги не могла ей спеть, потому что была слишком занята теми, кто потерян в братской могиле; это песня, которую не могла спеть ее мать-шизофреничка; это (возможно) невысказанная история ее семьи, которая существует, как младенец в предыдущем сне, но не может «родиться»; которого нужно кормить, но нет молока; никто «не знает», что с ним делать. Это песня, которую Ольга не может спеть сама себе. (Возможно, если бы она это сделала, то беспомощность ее семьи и ее собственная беспомощность как младенца одолели бы ее.)

Символизм того единственного, что бабушка дала ей (маленькие дыни), становится еще более пронзительным, если мы вспомним, что бабушка пережила блокаду Ленинграда, когда еды было очень мало и по меньшей мере треть города голодала. И ей удавалось наесться только потому, что она берегла то немногое, что у нее было, и не делилась этим со своей голодающей семьей. (Возможно, ее бабушка была готова уморить Ольгу голодом, потому что злилась на Ольгу и наказывала ее за то, что она «не была там», за ее «незнание» из-за собственной вины и стыда за то, что сама бабушка выжила, когда погибло так много других.)

Случай Ольги показывает, как ребенок может пытаться компенсировать травму, борясь со своей потребностью не знать. Это сложная динамика, в которой знание и незнание как чувства вписываются в семейную динамику и модели трансгенерационной травмы. Личность Ольги зависит от связи с историей блокады Ленинграда и гибелью стольких людей в ее семье. Тем не менее те самые люди, от которых зависит ее чувство непрерывности (ее бабушка), относятся к Ольге как к символу разрыва. Поэтому мы можем представить, что Ольга становится архитектором, который «строит» и чья «мудрость» и достижения во взрослой жизни связаны со строительством, а не с разрушением и сносом (поврежденная стена с трубами в ее ассоциациях). За образом поврежденной стены с трубами трудно не увидеть разрушенный Ленинград.

Взрослая «мудрость» Ольги перекликается с «мудростью» мудрого младенца, который властвует в мире беспомощных; который «знает» в мире, где ничего не имеет смысла, а то «ничего», что имеет смысл, скрывает

невыразимый ужас. Таким образом, Ольга пыталась контролировать свою тревогу, которая проявлялась в виде псориаза и необъяснимого волнения.

Такие внутренние конфликты травмированных пациентов увековечивают динамику взаимоотношений между поколениями – между бабушкой и дедушкой, родителем и ребенком – и приводят к тому, что ребенок отказывается от чувства страха, поскольку именно родитель более открыто страдает от тревоги, превращая ребенка в контейнер. А также определяют, что то, что должно быть «узнанным», находится под запретом. Это то, о чем ребенку не стоит рассказывать, что в свою очередь усиливает его страх собственной никчемности и изоляции, когда ему ничего не говорят.

В случае Ольги провал контейнера тем более шокирует, потому что ее мать была шизофреничкой, отец – алкоголиком, а бабушка – швеей, которая не умела шить достаточно ровно настолько, сколько нужно для соединения всех частичек вместе. Точно так же кожа Ольги, разрываясь и покрываясь сыпью, не могла сдерживать противоречивых чувств, которые она испытывала по отношению к себе, и указывала на идентичности, которые невозможно было связать; что-то жгучее, что-то уродливое, что нельзя было скрыть, что-то, вырывающееся из неизвестного внутри (сравните с поврежденной стеной в ее сне). Когда разум перегружен, тело начинает думать, как метко заметил Ференци (*Ferenczi, 1932a, p. 5–6*).

Как понял Ференци, ситуация, в которой травмированный родитель начинает полагаться на внешнюю видимость спокойствия и мудрости младенца или ребенка, может иметь травмирующие последствия для ребенка, размывать границы и вызывать у ребенка настоящее замешательство по поводу его личности и роли, а также по поводу собственного тела. Может ли второй сон о ребенке, который был забыт и не родился, также относиться к чувствам Ольги по отношению к самой себе?

Короче говоря, концепция Ференци о сновидении мудрого младенца сводится к тому, что фантазии могут компенсировать детские чувства растерянности, незнания и беспомощности как самого ребенка, так и его родителей. Сны Ольги затрагивают темы ужаса, стыда выжившего и противоречивой преданности, которые испытывали все, кто был свидетелем блокады. Желание, выраженное во сне мудрого младенца, – о противодействии от невежества и смятения, а сновидец – не ребенок, incapable понять, что происходит вокруг, а скорее господин, мудрец, способный успокаивать других, делаясь мудростью и собирая воедино осколки сошедшего с ума мира.

«Клинический дневник» и мудрый младенец

В своем «Клиническом дневнике» Ференци (1932a) подробно описывает, что происходит при травме, и, можно добавить, как фрагментарность и стирание чувства собственного Я и личности могут быть связаны с его понятием мудрого младенца. Ференци объясняет, что на травму травмированный человек реагирует в крайней степени, буквально находясь не в себе. Он «с интересом относится к тому, что его уничтожают или калечат,

как будто за этими мучениями стоит уже не он сам, а другой человек». Другими словами, тогда со стороны пострадавшего может возникнуть вызывающая реакция: он может сделать своего обидчика бессильным, если его (ее) просто не будет. Таким образом, «в той мере, в какой мотивом нападавшего был садизм, жертва мстит ему через эту новоприобретенную бесчувственность, поскольку садист не может причинить боль мертвому, бесчувственному телу и поэтому должен чувствовать свое бессилие» (Ferenczi, 1932a, p. 7). Эта динамика иллюстрируется примером особенно жестокого пациента, который насмеялся над своим абьюзивным отцом, когда тот избивал его, демонстративно говоря: «Ударь меня еще раз, я еще не истекаю кровью». Точно так же Ференци замечает: «Я вообще не чувствую боли, которую мне причиняют, потому что меня не существует» (Ferenczi, 1932a, p. 104)¹⁰.

В этих описаниях Ференци не отличается от Кьеркегора своим интересом к бездушной части личности (см., например, *Kierkegaard*, 1844, см. также *Kilborne*, 1998b). И, как отмечал Кьеркегор (1844), исчезновение Я часто остается ужасающе незамеченным¹¹. Ференци пишет о «теле, постепенно лишаящемся души, распад которого либо вообще не воспринимается, либо рассматривается как событие, происходящее с другим человеком, за которым наблюдают со стороны» (Ferenczi, 1932a, p. 104)¹².

---

¹⁰ «Исчезновение собственной личности, в то время как другие люди все еще присутствуют в этой сцене, таким образом, лежит в основе мазохизма (в противном случае столь загадочного), самопожертвования ради других людей, животных или вещей, а также отождествления с внешними напряжениями и болью, что бессмысленно с психологической или эгоистической точки зрения. Если это так, то никакое мазохистское действие или эмоциональный импульс подобного рода невозможны без временного умирания собственной личности. Следовательно, я вообще не чувствую причиняемой мне боли, потому что меня не существует. С другой стороны, я чувствую удовольствие нападающего, которое я все еще способен воспринимать...» (Ferenczi, 1932a, p. 104). «Если надежда на помощь со стороны какого-то третьего лица потеряна и если человек чувствует, что все его собственные силы для самозащиты полностью исчерпаны, то остается только надеяться на милосердие нападающего. Если я подчинюсь его воле настолько, что перестану существовать, то есть если я не буду сопротивляться ему, то, возможно, он пощадит мою жизнь; по крайней мере, если я не буду оказывать никакого сопротивления, у меня будет больше надежды на то, что нападение будет менее разрушительным...» (Ferenczi, 1932a, p. 104). «Однако такое объяснение предполагает, что в моменты крайней опасности разум может отделиться от Эго и, возможно, даже от всех чувств...» (Ferenczi, 1932a, p. 105).

¹¹ Кьеркегор пишет в «Болезни к смерти»: «Самая большая опасность – потерять себя – может пройти в мире так незаметно, что ее как будто и не было; любая другая потеря – руки, ноги, пяти долларов, жены и так далее – обязательно будет замечена» (p. 62).

¹² (После травмы и отсутствия реакции.) «Человек отказывается от всех ожиданий помощи извне, и происходит последняя отчаянная попытка приспособиться, возможно, аналогичная имитации смерти у животных. Человек расщепляется на психическое существо, состоящее из чистого знания, которое наблюдает за происходящим со стороны, и полностью бесчувственное тело. Поскольку это психическое существо все еще доступно для эмоций, оно обращает внимание на единственные чувства, оставшиеся после процесса, то есть на чувства нападавшего. Как будто психика, единственная функция которой состоит в том, чтобы снижать эмоциональное напряжение и избегать боли, в момент смерти собственного Я автоматически переключает свои функции по облегчению боли на боль, напряжение и страсти нападающего, единственного человека, обладающего чувствами, то есть отождествляет себя с ними» (Ferenczi, 1932a, p. 104).

Ференци развивает свои идеи о последствиях травмы, описывая одну пациентку, которая «всю свою эмоциональную жизнь искала убежища в регрессии, так что теперь она полностью не испытывает никаких эмоций; на самом деле с ней никогда ничего не происходит; она идентифицирует себя только с другими людьми». Таким образом, идентификация с другими людьми служит для нее отвлечением от собственной жажды чувствовать. Ференци продолжает: «Таким образом, пока ее эмоциональная жизнь погружается в бессознательное и регрессирует до уровня чистых телесных ощущений, ее интеллект, отделенный от всех эмоций, совершает колоссальный, но, как уже упоминалось, совершенно безэмоциональный скачок в адаптации и исполнении посредством идентификации с объектами ужаса. Пациентка становится ужасно умной» (Ferenczi, 1932a, p. 203).

Здесь мы видим, как *идентификация с агрессором* соединяется с *динамикой двойственного сознания и мудрого младенца*; чем больше пациенты цепляются за иллюзии мудрости, тем больше они подавляют свои телесные ощущения и состояния и тем меньше способны взаимодействовать с другими и устанавливать с ними связь, потому что они заставили себя исчезнуть. Таким образом, иллюзии (и ощущения) мудрости отделяют травмированных детей от самих себя.

Ференци пронизательно отмечает разрушительную природу такого травматического отделения. «Всякий раз, когда эмоциональная реакция подавляется, прерывается или сдерживается, в нас на самом деле что-то разрушается. Уничтоженная часть личности приходит в упадок и разлагается» (Ferenczi, 1932a, p. 88). Ференци продолжает свои размышления. «Вместо того чтобы ненавидеть мать или отца, она настолько глубоко проникла своим мышлением в их психические механизмы, мотивы и даже чувства (в последнее с помощью своих знаний), что смогла совершенно ясно осознать доселе невыносимую ситуацию – что сама перестала существовать как эмоциональная личность». И Ференци завершает свои наблюдения. «Травма сделала ее эмоционально *недоразвитой*. Однако в то же время она была мудра в интеллектуальном плане, как абсолютно объективный и лишенный эмоций пронизательный философ» (Ferenczi, 1932a, p. 203).

Ференци объясняет, что, когда младенец или ребенок получает травму, он расщепляется на различные части, четыре из которых можно выделить в динамике: во-первых, это «способный, активный человек с четко, возможно, даже чересчур точно регулируемым механизмом»; во-вторых, «то существо, которое не хочет больше иметь какого-либо отношения к жизни»; в-третьих, «за этим стоит убитое Эго, пепел прежних душевных мук, который каждую ночь вновь разжигается огнем страдания»;

и, в-четвертых, «само это страдание как отдельная масса аффектов, бессодержательных и бессознательных, – останки реального человека» (Ferenczi, 1932a, p. 30)¹³.

Я думаю, что здесь скрывается теория паранойи, которая звучит примерно так. Травмированный человек отстраняется от себя, делая себя безжизненным, чтобы ничего больше нельзя было разрушить и чтобы он мог бросить вызов своему мучителю. В результате он заставляет другого нести ответственность за опасности, которые сам на себя навлек.

Мудрость мудрого младенца – прямое следствие травм и недоверия; мудрый младенец проявляет свое недоверие к родителям и взрослым, от которых он зависит, наделяя себя силой. Фактическое бессилие мудрого младенца, чья мудрость – лишь замена веры в защиту и связи с родительскими фигурами, становится благодаря магическому мышлению источником силы точно так же, как уязвимость ребенка, подвергающегося насилию, становится, благодаря отрицанию, источником непокорной силы, которая мешает жестокому и садистскому поведению тех, кто причиняет ему вред (причиняя ему еще больший вред, потому что он зависит от них).

Если мы вспомним, что наше слово «паранойя» происходит от греческого «*paranoos*», от «*para*» + «*noos*» (разум) = «вне разума», то мы увидим, как Ференци использовал свое понимание параноидальных процессов для описания последствий травмы. Когда человек травмирован, он находится «вне» себя, «за пределами» себя, «далеко от» себя, не в себе. Здесь Ференци предусмотрительно связывает деперсонализацию с паранойей, нахождение вне себя – с недоверием к другим¹⁴.

Мудрый младенец и позор Эдипа

Я думаю, что существует прямая связь между сном мудрого младенца и позором Эдипа (и трагической динамикой пьесы Софокла) (*Sophocles*, 1991). Оба они, как отмечает Пиранделло, подобны плодам, созревшим под ударами. Подобно тому как Фрейд считал участь Эдипа касающейся всех людей, мы так же можем рассматривать концепцию мудрого

¹³ На с. 10 («Клинического дневника». – Прим. ред.) Ференци объясняет, что нужно исходить из того, что все, что вы не хотите чувствовать, знать или помнить, гораздо хуже, чем симптомы, от которых вы убегаете. «Невротическое страдание относительно менее болезненно, чем страдания тела и души, которых таким образом избегают... Сильная боль в этом смысле оказывает анестезирующий эффект: боль без содержания недоступна сознанию» (Ferenczi, 1932a, p. 30).

¹⁴ «Не исключено, – размышляет Ференци, – что "мудрый младенец" с его удивительным инстинктом принимает ненормальное и безумное как нечто, навязанное ему силой, но с самого начала отделяет свою личность от ненормального (здесь мы имеем доступ к постоянному разделению личности на две части). Компонент личности, вытесненный из собственной структуры, представляет собой эту реальную, первичную личность, которая упорно протестует против любой ненормальности и ужасно страдает от нее. Этот страдающий человек защищает себя, формируя галлюцинации, исполняющие желания, от осознания печальной реальности, а именно того, что злая, чужая воля завладела всей его психикой и физическим телом (он одержим)» (Ferenczi, 1932a, p. 82).

младенца Ференци. Обе концепции затрагивают тему знания и понимания, незнания и слепоты, а также конфликты, связанные со знанием и незнанием, видением и слепотой. Но только концепция мудрого младенца Ференци сохраняет неясность понятия «двойственное сознание».

«Двойственное сознание» может быть связано с понятием эдипального стыда, отличного от эдипальной вины. В сновидении о мудром младенце есть как «незнание», частью которого является страх перед знанием (каким бы оно ни представлялось), так и страх перед незнанием, перед тем, чтобы быть пешкой, когда считаешь себя хозяином мира. Мудрый младенец не хочет знать, кто он такой – беспомощный, растерянный и охваченный страхами. У него «двойственное сознание», он знает и не знает одновременно.

Точно так же, хотя он и представляется царем Фив, великим и могущественным человеком, Эдип не знает, кто он такой, и боится того, чего не хочет «знать»: что он тот, кто был брошен родителями в младенчестве, с проколотыми ступнями и порученный пастуху, который, не сумев выполнить свою задачу, оставил его беспомощным в дикой природе.

Когда Эдип осознает свою роль в распространении фиванской чумы, от которой, как он публично заявил как царь, он избавится, он ослепляет себя. Объединяя психическую и физическую слепоту, самонаказание Эдипа выражает его стыд за отказ «знать». Ему невыносимо видеть, каким обманщиком он является в глазах других. До тех пор пока он мог демонстративно занимать позицию неведения, он сам мог бы исчезать, вместо этого оставаясь всемогущим королем.

Подобно травмированным пациентам, о которых говорит Ференци и которые исчезают из-за чувства протеста, Эдип не может вынести стыда быть увиденным. Когда он говорит «отсель в кромешном мраке», он выражает суицидальную, разрушительную ярость по отношению к тем, кто «видит его насквозь» или, наоборот, не может увидеть его таким, какой он есть. Тем самым он нападает на то, что связывает его с обществом и другими людьми (см., например, классическую статью Биона 1959 года, посвященную нападением на связи). И его атака на свои глаза – это выражение невыносимых страданий, направленных на то, что он сам не «видит» и «не знает» (см. *Kilborne, 2002*).

Психоаналитическая традиция связывает эдипальную динамику с чувством вины и, что еще более очевидно, с влечениями и агрессией (влечение убить отца и овладеть матерью для мальчиков и наоборот для девочек). Однако мне кажется, что трагедия Эдипа проистекает не только из ужаса и стыда за совершенные по незнанию поступки (убийство отца и женитьба на матери). Помимо трудностей, связанных с возложением вины и ответственности на Эдипа, который не «знает», что его отец – это его отец, а мать – это его мать, трагедия, на мой взгляд, в большей степени связана со стыдом, слепотой и замешательством, «двойственным сознанием» и конфликтом из-за «знания», чем с виной, инцестом и агрессией.

Фрейд и многие другие психоаналитики не объясняют, почему Эдип виновен в желании убить своего отца и заняться сексом со своей матерью, поскольку, если верить сюжету, он не мог «знать» ни своего отца,

ни свою мать. Он был младенцем, когда его бросили в лесу. Однако если рассматривать Софокла с точки зрения концепции «двойственного сознания», то противоречия между знанием и незнанием становятся более понятными.

Эдип серьезно заблуждается относительно самого себя и намеренно создает ложную жизнь. Это высокомерие. Поражения, которые он, казалось бы, терпит от рук других, отражают его собственную пустоту. «Эдипальный стыд» – это стыд перед пораженческими силами, которые человек не может контролировать или познать, и, что еще более фундаментально, перед высокомерием того, чего человек не хочет знать, а также того, чего он боится. Эдип не хочет знать того, что он на самом деле «знает» (и Тиресий говорит ему об этом). Это подвергает его невыносимому позору, когда его горделивый отказ «знать» (высокомерие) становится известен всем (*Kilborne, 2002, 2003; Sophocles, 1992*).

Эдип должен отгадать загадку Сфинкса. Считается, что загадки связаны со «знанием» и «мудростью». Однако Эдип – это мудрый младенец, который лишь притворяется, выдавая себя за «мудрого» и могущественного, чтобы утешить тех, от кого он зависит (свой народ), сбивая их с толку своей беспомощностью.

Но такая тактика, будь то Эдип или мудрый младенец, подобна домам, построенным на песке: они не выдерживают невзгод, и, как известно, они легко могут рухнуть. Оба втягивают в себя динамику конфликтов Эго-идеала, иллюзий идентичности и тревожных реакций. Оба рискуют заявить миру о силе, которой не существует, что затем делает их склонными к токсичному стыду и суицидальной ярости. И потом есть ярость по отношению к другим за то, что они «не видят», «не знают», не останавливают неизбежное падение.

Позвольте мне здесь ненадолго прерваться. Многое из того, что подразумевается и обозначается терминами «кастрация», «расщепление» или «фрагментация», не соответствует тому, что мы наблюдаем в клинической практике. В нашей работе страх фрагментации сталкивается со взрослыми Эго-идеалами и страхом уязвимости. У Суперэго Эдипа есть свои представления о том, что делает его могущественным и вызывает восхищение: он царь Фив, на которого все равняются. В этом смысле он реализовал свой идеал самого себя. Но что ему делать с неопределенностью и тревогой, вызванными тем, что его бросили в детстве? Все это вступает в противоречие с его представлениями о том, кто он такой и каким ему нужно быть, чтобы защититься от пережитого в детстве. Что ему надо «знать» в этом «двойственном сознании»?

Быть охваченным эмоциональными бурями и не иметь контроля над противоречивыми эмоциями – это состояние неизбежно приводит к стыду. Чем слабее исполнительные функции, регулирующие аффекты, тем сильнее стыд из-за той уязвимости и тщетных компенсаторных фантазий о всемогуществе, которые они могут вызывать. В таких случаях стыд может быть признаком невыносимого конфликта между Эго-идеалами и Идеалами Эго, тревогой и реальностью, а также возникать из-за путаницы, вызванной «двойственным сознанием».

Как могущественный, защищающий свой народ царь Эдип должен был найти причину фиванской чумы, все это время чувствуя и «не зная» себя – покинутого, беспомощного младенца, которого оставили умирать? Такое несоответствие между взрослыми образами (и идеалами) себя, с одной стороны, и детской уязвимостью и беспомощностью – с другой, вызывает сильное, всепоглощающее беспокойство. Реальная власть Эдипа как царя дает простор его всемогущим фантазиям, что, как ни парадоксально, показывает нам, насколько он нарушен, насколько он не способен познать себя таким, какой он есть. И насколько он совершенно беспомощен именно потому, что кажущаяся реальность его положения противоречит его беспомощности.

Другими словами, стыд и тревога могут быть вызваны неосознанными оценками собственной несостоятельности в борьбе с переполняющими чувствами, оценками, которые могут быть невольно связаны с осуждениями Суперэго. Здесь мы имеем дело с ранним опытом беспомощности и уязвимости, проявляющимся в виде страха беспомощности у взрослых. На этот страх накладывается осуждающее Суперэго. Моя концепция эдипального стыда обозначает эти несоответствия. Она также перекликается с идеей Кьеркегора о том, что меланхолия связана с эстетикой и человеческой трагедией. «В меланхолии есть, – пишет он, – что-то необъяснимое... Если меланхолического человека спросят, в чем причина его меланхолии, что его тяготит, он ответит: "Я не знаю, я не могу это объяснить". В этом и заключается бесконечность меланхолии» (*Kierkegaard*, 1959, p. 193).

Когда младенец или ребенок чувствуют, что не могут соперничать с родителями или сиблингами (и/или травмированы сексуальными домогательствами со стороны родителя или заменяющей его фигуры), такие чувства порождают токсичный стыд. Вместе с этим ребенок или младенец также испытывают стыд из-за того, что он подавлен тревогой (поприцание Суперэго). Эти взаимодействия ярко описаны в статье Ференци (1933) «О смещении языков». Ни в коем случае не являясь равноценным сексуальным партнером, ребенок, переживший сексуальную травму со стороны члена семьи, часто чувствует себя безнадежно неполноценным и неспособным к конкуренции.

Что же мы можем назвать отличительными признаками эдипального стыда? До сих пор мы испытывали чувство, что не можем (не достойны) конкурировать, что нас постоянно превосходят, что нам мешают и как будто останавливают на полпути. Что мы неудачники. Здесь мы можем вспомнить маленького мальчика, чья «пипика» (термин, использованный Маленьким Гансом, *Freud*, 1909) сильно отличается от отцовской по причинам, которые он не может понять; маленький мальчик знает, что он бессилен, но не может понять почему. Хотя эту динамику часто путают с кастрационной тревогой, я считаю, что они совершенно разные.

Подобный опыт телесной неполноценности есть и у девочек, которые сравнивают себя со своими матерями. Но является ли это «кастрационной» тревогой? Я склонен думать, что нет. В конце концов, не только родитель «заставляет» ребенка чувствовать себя неполноценным, как предполагает термин «кастрация». Неполноценность также подразумевается

в сравнениях, которые неизбежно проводит ребенок, задаваясь вопросом, насколько он лучше (или хуже) родителя. Таким образом, именно реакция родителей может либо усугубить, либо ослабить стыд от таких сравнений. И тогда получается, что то, что было названо «кастрационной тревогой», гораздо меньше связано с агрессией и чувством вины и гораздо больше – со стыдом, сравнением, идентичностью и беспомощностью. То, что было названо кастрационной тревогой, как мне кажется, гораздо больше связано с отношениями (и реакцией человека, от которого они могут зависеть), чем с врожденными влечениями и агрессией.

Переход от диадических отношений к триадическим можно лишь частично объяснить с помощью психоаналитических представлений об эдипальной динамике (согласно определению Фрейда), которая «прорабатывается» (то есть человек берет на себя ответственность за агрессию по отношению к родителю своего пола и сексуальное влечение к родителю противоположного пола). Фрейд связывает «переход» от диадических отношений к триадическим с отцом. Однако, как предполагает концепция мудрого младенца Ференци, переходу от диадических отношений к триадическим может препятствовать нарциссическая регрессия, связанная с травмой и динамикой эдипального стыда. И наоборот, то, что может способствовать развитию объектных отношений, может иметь мало общего с отцом.

Представления Фрейда об эдипальном триумфе, эдипальном поражении и эдипальном разрешении могут быть полезны, но лишь до определенного момента. Ибо «регресс» происходит не к тому, что было когда-то, а к некоему неблагоприятному сочетанию подавляющих (часто противоречивых) чувств с беспомощностью, которую они вызывают, и осуждением этих чувств взрослым. Регрессивные состояния могут быть вызваны непреодолимым эдипальным стыдом, от которого человек пытается избавиться через своего рода исчезновение Я и самоуничтожение. Такие состояния делают объектные отношения любого рода чрезвычайно проблематичными и часто кажутся нам, клиницистам, более нарциссичными и/или более параноидальными, чем они есть на самом деле.

Младенцы, которые не могут смириться с чувством уязвимости и зависимости от тех, кто причиняет им боль, идентифицируют себя с агрессором¹⁵. Такая идентификация с агрессором служит мазохистским целям, а также компенсирует пережитое исчезновение Я (см. *Kilborne*, 2002). Как отмечает Ференци, «слабая и неразвитая личность реагирует на внезапное неудовольствие не защитой, а тревожной идентификацией и интроекцией угрожающего человека или агрессора». Поэтому в сознании возникает глубокий стыд из-за соучастия, в которое невольно вовлекается пациент, с теми, кто несет непосредственную ответственность за его гибель (*Ferenczi*, 1933, p. 163).

---

¹⁵ Ференци пишет в своем «Клиническом дневнике»: «Отказ в любви и полное одиночество в своих требованиях любви в противовес сплоченному и подавляющему большинству приводят к стыду и подавлению (неврозу) у так называемых нормальных детей» (p. 104).

Когда с беспомощным ребенком плохо обращаются и его страдания выходят за рамки того, что он может понять, он теряет самообладание, впадает в состояние «не-бытия», исчезновения (*Ferenczi, 1932a, p. 32–33*). Страх самоотказа и исчезновения опирается на те защитные механизмы, которые перестали существовать или воспринимаются как крайне недостаточные. Детская травма нарушает развитие сексуальных конфликтов, что иногда приводит к фантазиям о психическом исчезновении и тревоге по поводу внешнего вида.

Подводя итог, можно сказать, что сон о мудром младенце влечет за собой отрицание чувства беспомощности, всепоглощающую тревогу и компенсаторную грандиозность, как и история об Эдипе, который становится царем Фив. Мудрый младенец и Эдип, как и Ольга, верят, что могут править и все будут восхищаться их мудростью, уравновешенностью и силой. Однако за этим фасадом скрываются детские переживания, связанные с травмами, уязвимостью и хаосом, которые угрожают разрушить даже самую искусно созданную маску.

Когда представление о мудрости как о силе опережает человеческое понимание (и принятие уязвимости), его нельзя надолго скрыть за внешним видом. В результате возникает гордыня и постыдная нестабильность; человек в напряжении ждет развития событий. Гениальность образа мудрого младенца Ференци в том, что он соединил противоречивые образы мудрости и младенца, как образ сфинкса соединяет противоречивые образы льва и женщины. Поэтому кажется уместным сравнить образ мудрого ребенка Ференци с Эдипом, разгадавшим загадку Сфинкса. Он был достаточно «мудр», чтобы дать правильный ответ. Однако в глубине души он был травмированным, покинутым ребенком, неспособным понять, что с ним случилось, слепым по отношению к себе и другим и трагически не осознающим свою слепоту. Это и стало его гибелью.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта статья была значительно улучшена благодаря вкладу Кэтлин Килборн, Жизель Гальди, Джанни Гуасто, Карло Бономи, Франко Боргоньо и Алексея Одолламского, которым я бесконечно благодарен. Я также благодарен итальянскому Обществу Ференци, члены которого также поделились своими мыслями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Azam E. E.* (1887 [2004]). *Hypnotisme, double conscience et altérations de la personnalité.* Paris: L'Harmattan.
2. *Bion W. R.* (1959). Attacks on linking. *International Journal of Psychoanalysis*, 40, 308–315.
3. *Borgogno F. & Vigna-Taglianti M.* (2008). Role-reversal: A somewhat neglected mirror of heritages of the past. *American Journal of Psychoanalysis*, 68, 313–324.
4. *Boschan P. J.* (2008). Childhood and trauma. *American Journal of Psychoanalysis*, 68, 24–32.

5. *Ferenczi S.* (1923 [1955]). The dream of the “Clever Baby”. In J. Rickman (Ed.), J.I. Suttie et al. (Trans.). Further contributions to the theory and technique of psychoanalysis (pp. 349–350). New York: Basic Books.
6. *Ferenczi S.* (1931 [1955]). Child analysis in the analysis of adults. In M. Balint (Ed.), E. Mosbacher et al. (Trans.). Final contributions to problems and methods of psychoanalysis (pp. 126–142). New York: Basic Books.
7. *Ferenczi S.* (1932a [1988]). The clinical diary of Sándor Ferenczi. Cambridge, MA & London: Harvard University Press.
8. *Ferenczi S.* (1932b [1955]). Exaggerated sex impulse and its consequences. In M. Balint (Ed.), E. Mosbacher et al. (Trans.). Final contributions to problems and methods in psychoanalysis (271–272). New York: Basic Books.
9. *Ferenczi S.* (1932c [1955]). On Lamaism and Yoga. In M. Balint (Ed.), E. Mosbacher et al. (Trans.). Final contributions to problems and methods in psychoanalysis (p. 274). New York: Basic Books.
10. *Ferenczi S.* (1933). Confusion of tongues. In M. Balint (Ed.), E. Mosbacher et al. (Trans.). Final contributions to problems and methods in psychoanalysis (pp. 156–167). New York: Basic Books.
11. *Ferenczi S.* (1994). First contributions to psychoanalysis. London: Karnac Books.
12. *Ferenczi S.* (1994). Further contributions to the theory and technique of psycho-analysis. London: Karnac Books.
13. *Ferenczi S.* (1994). Final contributions to the problems and methods of psycho-analysis. London: Karnac Books.
14. *Frankel J. B.* (1998). Ferenczi’s trauma theory. *American Journal of Psychoanalysis*, 58, 41–61.
15. *Freud S.* (1905). Three essays on the theory of sexuality. Standard Edition (Vol. 7, pp. 123–243).
16. *Freud S.* (1909). Analysis of Phobia in a five-year-old boy. Standard Edition (Vol. 10, pp. 115–156).
17. *Freud S.* (1910). A special type of choice of object made by men. Standard Edition (Vol. 11, pp. 163–175).
18. *Janet P.* (1889 [2005]). *La médecine psychologique*. Paris: L’Harmattan.
19. *Kierkegaard S.* (1843). *Either/Or*, L. Walter (Trans.). New York: Anchor Books (Doubleday) (original work published in 1959).
20. *Kierkegaard S.* (1844). *The sickness unto death*, H. Alistair (Trans.). London: Penguin (original work published in 1989).
21. *Kilborne B.* (1998a). Ferenczi, regression and shame. *International Forum of Psychoanalysis*, 7, 225–228.
22. *Kilborne B.* (1998b). The disappearing who: Kierkegaard, shame, and the self. In J. Adamson & H. Clark (Eds.), *Scenes of Shame; Psychoanalysis, Shame and Writing* (pp. 35–52). Albany, NY: State University of New York Press.
23. *Kilborne B.* (1999). When trauma strikes the soul: Shame, splitting, and psychic pain. *American Journal of Psychoanalysis*, 59(4), 385–402.
24. *Kilborne B.* (2002). *Disappearing persons: Shame and appearance*. Albany, NY: SUNY Press.
25. *Kilborne B.* (2003). Oedipus and the oedipal. *American Journal of Psychoanalysis*, 63, 289–297.

26. *Kundera M.* (2000). *Ignorance: A novel*. New York: Harper Collins.
27. *Salisbury H. E.* (1969). *The 900 days. The siege of Leningrad*. New York: DaCapo Press.
28. *Sophocles* (1949). *The Oedipus cycle*. F. Dudley & F. Robert (Trans.). New York: Harcourt Brace (Harvest).
29. *Sophocles* (1991). *Oedipus, Oedipus at Colonus, Antigone*. D. Greene (Ed.), D. Green (Trans.). Chicago University of Chicago Press.
30. *Sophocles* (1992). *Ajax, The women of Trachis, Electra, Philoctetes*. R. Lattimore and D. Greene (Eds.), J. Moore and M. Jameson (Trans.). University of Chicago Press.
31. *Vida J. E.* (2005). *Treating the Wise Baby*. *American Journal of Psychoanalysis*, 65, 3–12.

Trauma and the Wise Baby

Benjamin Kilborne

(Translation from English by Dina Gladkikh)

Benjamin Kilborne, holds a Ph.D., is a training and supervising analyst, International Psycho-analytic Association. Visiting professor, Moscow State University. Associate editor, American Journal of Psychoanalysis.

This paper expands upon Ferenczi's concept of the wise baby and explores the dynamics of ignorance and compensatory ideals of wisdom as reactions to trauma and as manifestations of "double conscience", shame dynamics and Oedipal shame. Focusing on feelings of ignorance, of knowing and not knowing and their relation to trauma, the author elaborates on the dynamics of fantasies of wisdom, adumbrating implications for psychoanalytic technique.

Keywords: trauma, wise baby, shame, Oedipal shame, double conscience, Sándor Ferenczi.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Антэдип Ракамье. Инцестуальность изнутри, или Диверсия Нарцисса против Эдипа

В. Р. Ичеткина

Ичеткина Вероника Робертовна – психолог, психоаналитически ориентированный терапевт, журналист.

Отношения с матерью закладывают фундамент психического функционирования человека. Но не всегда эти отношения складываются благополучно. И один из патологических сценариев – симбиотические отношения слияния, окрашенные тонами инцестуальности.

О пагубности затянувшихся отношений слияния между матерью и ребенком написано немало работ выдающихся психоаналитиков. В предлагаемой статье рассмотрена концепция инцестуальности и нарциссического соблазна Поля-Клода Ракамье и связанного с ней феномена Антэдипа – так Ракамье назвал примитивный, архаичный, характеризующийся игнорированием различий и границ, антиконфликтностью и парадоксальностью уровень отношений с первичным объектом.

В работе представлено развитие идей Ракамье, дан сравнительный анализ Антэдипа и Эдипа, проведенный французским психоаналитиком в его последней прижизненной книге «L'inceste et l'incestuel» («Инцест и инцестуальное»). Кроме того, впервые сделан перевод написанного Ракамье в качестве «прелюдии и развлечения» текста «Миф об Антэдипе» (по аналогии с мифом об Эдипе). «Миф» образно описывает все основные составляющие этого феномена – отрицание происхождения и фантазм-не-фантазм о самопорождении, антиконфликтность, парадоксальность, замалчивание истины, слияние с первичным объектом, изгнание третьего. Перевод с иллюстрациями сделан по изданию 1980 года от Petite Bibliothèque Payot. Ключевые слова: Поль-Клод Ракамье, Антэдип, инцестуальность, нарциссическое соблазнение, фантазм-не-фантазм, самопорождение, миф об Антэдипе.

Концепцию Антэдипа как примитивной, архаичной (или даже доархаичной) стадии в отношениях индивида с первичным объектом (прежде всего с матерью) Поль-Клод Ракамье впервые упомянул в книге «Les schizophrènes» («Шизофреники») 1980 года. До этого в ряде статей, по замечанию самого автора, он использовал словосочетание «шизофренический Эдип» или «Эдип шизофреников». Эту специфическую структуру французский психоаналитик выявил в ходе работы с шизофреническими пациентами, обратив внимание на то, как часто отношения таких психических больных с их матерями заражены симбиотическим слиянием, инцестуозностью и специфическим соблазнением. Его Ракамье определяет как нарциссическое соблазнение.

«Шизофренический Эдип – это не столько вторжение в самые примитивные слои Эдипа, сколько выход за пределы эдиповой ткани; инстанция Я в таком случае открывается горизонтам настолько далеким, что они упраздняются. Я предлагаю назвать Антэдипом эту оригинальную и специфическую организацию», – пишет Ракамье (*Racamier, 1980, p. 135*).

Рассуждая о том, как он пришел к термину «Антэдип», Ракамье не исключил влияния работы «Эрос и Антерос» Дениз Брауншвейг и Мишеля Фэна¹ (1971), в которой Эрос, олицетворяющий любовные либидинальные отношения, противопоставлен Антеросу, имеющему нарциссическую природу. В древнегреческой мифологии Антерос – бог-антагонист Эроса, отрицающий любовь, насмехающийся над любовными чувствами и покровительствующий ненависти, вызванной любовью. Важно и то, что, согласно древнегреческим представлениям, Эрос не может развиваться и расти без Антероса.

В 1980 году, впервые описывая концепцию Антэдипа, Ракамье отмечает, что эта специфическая организация одновременно и доэдипова, и антиэдипова: *ante* (до-) потому, что занимает позицию до Эдипа, на уровне, где актуализируются вопросы поколений, происхождения; и *anti* (противо-, анти-) потому, что радикально противостоит тревогам, присущим Эдипу. Однако со временем он пересматривает этот подход, и в работе 1995 года мы видим такое пояснение: «Мне не хотелось бы, чтобы Антэдипа считали простым противником Эдипа, приравнивали бы его к пред-Эдипу или ультрараннему Эдипу. Антэдип не является ни *anti*, ни *ante*. В худшем случае они вступают в противоборство, но именно отношения взаимодополняемости для них наиболее естественны» (*Racamier, 2021, p. 17*).

Психоаналитик подчеркивает, что Антэдип не является просто прегенитальной стадией, сверххранним предшественником эдипова комплекса, потому что уходит значительно глубже. В одной из работ он сравнивает дистанцию между Антэдипом и пред-Эдипом с дистанцией

---

¹ Примечательным пересечением является и то, что для Брауншвейг и Фэна, авторов концепции цензуры любовницы, предметом исследовательского интереса, как и для Ракамье, была в том числе тема ранних отношений ребенка и матери.

между пренатальным и догенитальным периодами развития. Антэдип, по словам Ракамье, будет не просто регрессией, а чем-то совершенно иным – «одним словом, это трансгрессия» (термин, в философии обозначающий феномен перехода границы возможного. – Прим. авт.) (Racamier, 1980, p. 138).

Антэдип, по мнению аналитика, проявляет себя в результате нарушения невротических защит Я – как защитное бегство от конфликтности. Собственно, антиконфликтность, по Ракамье, и является одной из характеристик Антэдипа.

Эдипальные конфликты разыгрываются в пределах сцены, очерченной дифференциацией полов и первосценой, и не выпадают за эти границы. Антэдип же (или шизофренический Эдип) выпадает за эти рамки, не признавая ни разницы полов (и даже поколений), ни происхождения в результате первосцены. Антэдип устанавливает перевернутый треугольник, в котором субъект, находясь в инцестуально-нарциссических отношениях соблазнения с матерью, занимает и свое место, и место своего отца, а исключенная фигура отца принимает вид абстрактного «прародителя». Таким образом, как изящно отметил Ракамье, *Нарцисс (нарциссическое соблазнение матерью) устраивает диверсию против Эдипа (эдипальной триангуляции)*.

Эдип и Антэдип: лицом к лицу

В работе «L'inceste et l'incestuel» Ракамье проводит своего рода «очную ставку» Эдипа и Антэдипа, сравнивая эти два явления психической жизни по таким параметрам, как конфликтующие силы, персонажи конфликта, заложенная в нем двойственность, энергии, запреты, внутренние организаторы и конфигураторы, преимущественные функции и соответствующие области тела, судьбы и наследие (Racamier, 2021, p. 18–28).

Так, эдипов **конфликт** возникает в отношениях с обоими родителями в генитальном регистре сексуальности: в классической версии это любовь к родителю противоположного пола, ненависть к родителю своего пола. Антэдипальный конфликт же Ракамье называет «конфликтом истоков», который противопоставляет друг другу силы, направленные на нарциссическое слияние с «первичной матерью», и силы, направленные на сепарацию, а затем на автономию. В отличие от эдипального конфликта, антэдипальный не может развернуться (и тем более разрешиться) без активного участия взрослого партнера – матери.

Говоря о **персонажах** изучаемых конфликтов, Ракамье напоминает, что в Эдипе их трое – отец, мать и ребенок (как исключенный из первосцены). Антэдип же сокращает число участников до двух или даже одного. Двое – это ребенок и мать, один – это мать, вобравшая в себя ребенка. Эта конфигурация несет в себе образ отца только в виде «прародителя», как наследие предыдущих поколений (Минасян, 2018).

Эдип устанавливает **табу** на инцест, в Антэдипе природа табу и самого его существования менее ясны. Запрет, вводимый Антэдипом, Ракамье

определяет как «запрет, который препятствует смешению индивидов и поколений, табу на недифференцированность индивидов» (*Racamier*, 2021, p. 20). Это табу запрещает смешение индивидов, полов и поколений, тем самым устанавливая организующую необходимость первичного горя, указывает аналитик.

Эдипальный комплекс **организован** вокруг страха кастрации, именно он формирует в психике запрет на инцест и побуждает сексуальное влечение находить объекты, отличные от инцестуозных. В свою очередь Антэдип организуется вокруг *первичного горя*, того, «благодаря чему с первых дней жизни и до самой смерти субъект, движимый ростом, развивается, отходит от слияния, основанного на силах нарциссического соблазна, и таким образом обращается к обещанной ему индивидуализации» (*Racamier*, 2021, p. 21). Субъект может получить это, только потеряв что-то – такова суть первичного горя – речь идет именно о внутренней потере, понесенной изнутри, а не просто навязанной внешними обстоятельствами. Именно благодаря первичному горю устанавливается разница между Я и другим. Это открытие, оплаченное ценой потери, не позволит субъекту вернуться к недифференцированности.

И в Эдипе, и в Антэдипе, по замечанию Ракамье, заложена **двойственность**. В случае Эдипа речь идет о психической бисексуальности (*bisexualité*), которая позволяет индивиду вбирать в себя идентификации от обоих родителей. И хотя половая идентичность определяется анатомически, «все же ее необходимо выбрать психически», при этом по общему закону избирается идентичность с родителем своего пола, а гетеросексуальный потенциал (идентификации с родителем противоположного пола), дополняя основные идентификации, остается скрытым.

Антэдипальную же двойственность можно определить как ту, при которой присутствуют и находятся во взаимных отношениях смешения по крайней мере два поколения. Такое положение Ракамье назвал *bigenerie* (бигенерационность/бигенеративность или бигенерация – в одном из переводов (Минасян, 2018)). По его замечанию, «вы никто, пока вы не узнаете своего происхождения, пока не узнаете поколение, которое было до вас, и не выберете свое собственное» (*Racamier*, 2021, p. 22).

Как и любой конфликт, Эдип заряжен **энергией**, и это сексуальная энергия, которой соответствуют известные **эрогенные зоны**. В Антэдипе такой энергией, движущей силой являются силы самосохранения, определяющие рост тела и психическое развитие, при этом специфические антэдипальные зоны более диффузны, и одной из важных является кожа, «она обтягивает, она отделяет, ее функция – дифференцирующая». Ракамье указывает на тесную взаимосвязь границ тела, представленных кожей, и границ психики, отсылая к работе Дидье Анзье «Я-кожа». При этом он отмечает, что граница – не только то, что окружает, но и то, через что внутреннее соприкасается с внешним. Подобно тому как тело опирается на свои опоры (и таким образом чувствует, что существует), так и психика знает свои пределы (и таким образом также чувствует, что существует). «Нет души и нет тела без очертаний, только они являются гарантиями идентичности», – отмечает Ракамье (*Racamier*, 2021, p. 23).

Эдип **конфигурируется** фантазмом в его классическом понимании. Овладение родителем противоположного пола, первосцена, кастрация – основные эдипальные фантазмы. Антэдип же конфигурируется не собственно фантазмом, а тем, что Ракамье называет «*фантазм-не-фантазм*» – нечто в психической жизни, что занимает место фантазма, не обладая всеми его чертами (не связывается с другими фантазмами, не разворачивается по характерному для фантазмов сценарию). Главный фантазм-не-фантазм Антэди́па – это *фантазия о самопроисхождении, самопорождении*. Этот грандиозный фантазм основан на сущностном отрицании происхождения, что отражается и в специфике объектов, по сути своей психотических. При этом он идет рука об руку с фантазмом о самовырождении, который выступает для первого своего рода контрапунктом. Эти две фундаментальные фантазии, по словам Ракамье, вытекают из двойного принципа выживания и уничтожения.

Говоря о негативных **судьбах** Эдипа, Ракамье упоминает о неврозе как о неудаче Эдипа и психозе как наиболее серьезном осложнении провалившегося Эдипа. В отношении же Антэди́па речь идет о разрушении, насилии, всемогуществе и гибели. «Зарождение и распад, связанные друг с другом и доведенные до белого каления, в итоге оставляют психику обескровленной и подавленной: шизофрения стучится в дверь сырого Антэди́па, который я предпочитаю называть *яростным*», – описывает Ракамье (Racamier, 2021, p. 25).

Есть и позитивный, *умеренный сценарий развития Антэди́па*, который подразумевает постепенное установление идентичности Я и мысли о происхождении, появление не только нарциссических, но и объектных инвестиций, подготавливает фантазмы – все это вскоре позволит Эдипу прочно утвердиться.

«Яростный» вариант Антэди́па имеет нарциссическую природу, а умеренному, напротив, свойственна необходимая для развития двойственность. При этом в «яростном» (и фатальном по своему исходу) Антэди́пе субъект желает быть единоличным автором своей жизни, тогда как в умеренном варианте он видит себя и переживает себя соавтором – вместе со своими родителями. Только хорошо темперированный Антэди́п, по замечанию Ракамье, позволяет индивиду чувствовать себя наделенным жизнью, которая является его собственной, при этом являясь плодом совместного производства его родителей и его самого, а также результатом плодотворного союза между объектным и нарциссическим либидо, между либидо и агрессивностью.

И Антэди́п, и Эдип возникают, разворачиваются, организуются, а затем затихают, оставляя свое **наследие**, которое впредь станет частью свойств психики. Наследник эдипова комплекса – Сверх-Я – выполняет двойную функцию, не только запрещая, но и защищая. Известно, что, например, у шизофреников Сверх-Я значительно ослаблено или отсутствует. Наследником Антэди́па Ракамье называет идею о Я, равно как и идею о другом – идею о том, что «я просто человек среди других, но я – один из них». И эти установки – продукт совместной работы с родительскими

объектами (в случае умеренного Антэдипа), также выполняющие двойную функцию ограничения и защиты.

Ракамье подчеркивает, что «жизнь психики основывается на всегда сложном согласии между полюсами Эдипа и Антэдипа», добавляя при этом, что «Эдип необходим, но его недостаточно» (*Racamier, 2021, p. 27*). По его утверждению, спутником Антэдипа является Эдип, и естественная судьба (умеренного) Антэдипа – это Эдип, который устанавливает связь субъекта с имаго двух родителей и вводит первосцену. Но верно и обратное: Эдип не был бы жизнеспособен, если бы Антэдип не был организован таким образом. Первосцена, по его словам, становится терпимой для субъекта только в том случае, если Антэдип достаточно подготовлен и является достаточной поддержкой: «Эдип без Антэдипа стал бы ужасом».

Ракамье настаивает, что Антэдип не является анти-Эдипом, хотя в своей яростной версии он противостоит приходу Эдипа; не является он и пред-Эдипом, хотя в своей смягченной версии и готовит пришествие Эдипа. Их отношения он предлагает рассматривать как взаимодополняемость. Важно отметить, что если не соблюдается табу на смешение индивидов (барьер Антэдипа), то не будет соблюдаться и табу на инцест (барьер Эдипа) – и результатом станет инцестуальность.

Элементы Антэдипа

Нарциссическое соблазнение. В работе «*Le génie des origines: psychanalyse et psychoses*» (которую можно перевести как «Дух истоков» или «Дух происхождения») Ракамье пишет, что, хотя традиционно соблазнение – это «привилегия, зарезервированная за невротиками», оно имеет место и в отношениях психотиков, но есть два различия: в его интенсивности, которая ярко проявляется в контрпереносе; и в его природе – не сексуальной, а нарциссической. Фактически Ракамье говорит о присутствии «яростному» Антэдипу *нарциссическом соблазнении*. Такого рода соблазнение исходит от матери субъекта с ранних его лет и, если вовремя не угасает, приводит к психозу. Однако и ребенок – участник этого процесса, он желает быть и соблазнителем, и соблазненным (*Racamier, 1992, p. 126*).

Функция нарциссического соблазнения состоит в том, чтобы отвлечь одного или обоих участников этого процесса от объектов, а также связанных с ними либидинальных импульсов, желаний и тревог. Мать желает, чтобы ребенок оставался частью ее самой, физически и психологически, и чтобы они оба образовывали всемогущий организм, игнорирующий присутствие другого, отрицающий внешний закон и все другие силы. «Материнская фантазия о происхождении является партеногенетической: это фантазия о возвращении к истокам. Нарциссически соблазненный ребенок должен быть таким, как если бы не был порожден: репрезентация отца и пола отца исключена (и речь тут не о вытеснении), инвестиции ребенка остаются по существу нарциссическими», – объясняет свое видение Ракамье (*Racamier, 1992, p. 129*).

Отношения нарциссического соблазнения позволяют матери избежать Эдипа, амбивалентности и чувства одиночества, потери и горевания, которые обычно приходят с развитием ребенка в сторону сепарации и автономии. Но и ребенок находит плюсы в таком взаимодействии: оно удовлетворяет его всемогущество, делает невосприимчивым к возникновению антинарциссических влечений, уберегает от тревог Эдипа и кастрации и, наконец, гарантирует, что, будучи неотъемлемой частью матери, ребенок никогда ее не потеряет. Но цена этому – потеря собственной идентичности. У такого ребенка нет фантазии о возвращении в материнское лоно: невозможно фантазировать о том, что уже имеется, и возвращаться туда, откуда не уходил. Становится невозможным сформировать психический конфликт автономии и слияния с объектом, и уж тем более становится недоступным эдипальный конфликт. «Для личности лучше иметь конфликты, пусть и не уметь их разрешить, чем не иметь сформированных конфликтов вовсе», – приходит к выводу Ракамье (*Racamier, 1992*).

Особым свойством отношений нарциссического соблазнения является его инверсивность, двунаправленность: субъект органически включен в объект, который органически включен в субъект, и друг без друга они погибнут. Эти отношения отрицают происхождение, историю, истоки. Важным является и то, что, нарциссически соблазняя, мать делает ребенка своей вещью, собственностью, в психической организации матери за ребенком закреплены устойчивые функции. У обоих участников этих отношений не может быть объектных желаний, и сами они не могут быть объектом желаний. По словам Ракамье, «речь идет об иссушении фантазматических репрезентантов влечений в другом, чтобы изгнать их и из себя» (*Racamier, 1992, p. 130*).

Нарциссическое соблазнение, отрицая разницу между полами, поколениями и индивидами, преграждает путь к сепарации, автономии, психическому росту ребенка. Его специфика в том, что оно в сущности «борется с сексуальностью, как со своим самым сокровенным врагом». Одной из его целей является сведение к нулю напряжений, характерных для влечений и желаний, избегание либидинальных желаний.

Указывая на асимметричность отношений нарциссического соблазнения (участники которых изначально обладают разным потенциалом инициативы и зрелости), Ракамье постулирует: инцест начинается с нарциссических отношений прежде, чем они станут сексуальными. Любой инцест – это захват, и этот захват по своей сути нарциссичен, добавляет автор (*Racamier, 2021*). Таким образом, он подчеркивает, что инцест не является составляющей Эдипа. «Инцест есть инцест, и это не Эдип; это даже совсем наоборот», – заявляет он (*Racamier, 1992, p. 132*).

Ракамье разделяет нарциссическое соблазнение на открытое и закрытое. Открытый тип – конечный, он необходим на определенном этапе (то самое естественное для матери и младенца первичное слияние), но затем должен уступить место постепенному разделению, сопровождаемому необходимым для психического роста ребенка гореванием, и в итоге такой тип разрешится, слившись с формирующимся Я ребенка, идентичность которого будет питать. Остатки этого первичного нарциссического

соблазнения осядут, как ил, в Я обоих участников этой «пары», вплетутся в ткань психики. А со временем, когда ребенок вырастет, это позволит проявиться его зрелой сексуальности.

Закрытый же тип, по мнению Ракамье, бесконечен по своей природе, он приводит к развитию Антэдипа в его патологической версии и может приводить к *инцесту*, который становится последним средством против любого разделения, последним ресурсом нарциссического соблазнения, позволяющим сохранить себя. Ракамье подчеркивает, что инцест используется для нарциссического соблазнения, которое само по себе является абьюзивным: сексуальное насилие является лишь следствием нарциссического насилия – второе довершает первое (*Racamier, 2021, p. 36*). В этом контексте он подчеркивает: «Ничего так не дисквалифицирует человека, как бесконечное нарциссическое соблазнение».

Инцестуальность. Ракамье указывает на то, что инцест не всегда означает прямой генитальный акт, у него могут быть эквиваленты, для которых он вводит понятие *инцестуальности*. Так, по мнению аналитика, если здоровая версия Антэдипа становится фундаментом для психического развития, то его патологическая версия в конце концов становится насилием. «Насилие – основа инцестуальности, это насилие против развития психологической жизни, насилие над личностью, насилие над семьей», – говорит Ракамье (*Racamier, 2021, p. 28*).

Инцестуальным будет то, что в индивидуальной и семейной психической жизни несет в себе отпечаток нефантазмированного инцеста, даже если он не реализован физически. Такого рода отношения часто встречаются в шизофрении, в психотических семьях и, в более общем плане, в замкнутых семьях. Они проявляют себя в действиях, кажущихся банальными, обыденными, но в своей неприкосновенности, «неизреченности», сокровенности они кажутся нерушимыми, окруженные репрезентативной пустотой в психике субъектов, поскольку не связываются какой-либо мыслью, фантазией или мечтанием.

Инцестуальный контекст выдает себя тем, что чрезмерно инвестирован обеими сторонами, при этом характеризуется тайной, скрытностью, чем-то невысказанным – здесь преобладают отрицание и расщепление, но не вытеснение. Он не проявляется с первого взгляда, «обнаруживаясь лишь в деталях, он вызывает у наблюдателей тонкий и специфический дискомфорт, он словно сочится». При чем тень, отбрасываемая инцестом и инцестуальным, распространяется на целые семьи и поколения, считает Ракамье.

«Возникает весьма специфический феномен: мы видим, что каждый знает или ощущает часть истины; но об этом фрагменте не говорят, он остается изолированным, поистине фрагментарным. Об этом нельзя думать, нельзя говорить, нельзя пытаться связывать обнаруженные фрагменты и, следовательно, воссоздавать загадку истины, чтобы посмотреть ей в лицо. И эта тайна будет сохраняться любой ценой», – пишет французский психоаналитик (*Racamier, 1992, p. 138–139*). Еще одной специфической чертой инцестуальности является то, что она отвергает работу горя и покрывает «амальгированную», сплавленную депрессивность.

Ракамье отмечает насильственность инцестуальности, она «мучает, ампутрует и разделяет, глубоко атакует личность, ее тело и психику, автономию, идентичность, жизненные потребности и желания». Инцестуальность словно пропитана сексом, но при этом направлена на гашение желаний и удовольствий.

Автор иллюстрирует перспективу от прямого инцеста к инцестуальности в виде концентрических кругов. В эпицентре этой фигуры собственно инцест, где встречаются двое – насильник и жертва, по мере отдаления от центра стираются следы преступления, травма тускнеет, но так никогда по-настоящему не исцеляется. А на внешнем круге «возникает совсем другая организация: вместо агрессора и жертвы здесь два сообщника, которые сходятся, и оба находят свое в этих инцестуальных отношениях». Ракамье делает важный вывод: *инцест в одном поколении вызывает инцестуальность в следующих поколениях* (Racamier, 2021, p. 32).

Для инцеста и инцестуальности характерна *дисквалификация* личности – ее обесценивают, не признают, в ней заставляют усомниться. Это посягает на нарциссические права личности и таким образом фрустрирует. Дисквалификация затрагивает такие сферы психической жизни, как способность к фантазматической проработке, способность желать, в том числе желать объект, и желать желание объекта, право на удовольствие и право отказать себе в удовлетворении желания. Дисквалифицируются целостность Я, интимность мыслей, мышление, перспективы психической организации; дисквалифицируются Эдип, нарциссизм субъекта, собственно его тело и его психика.

«Но что превыше всего – происходит дисквалификация истины, радикально отрицается как право на истину, так и право на тайну, – и тому, и другому препятствует навязывание недосказанного. Жертва инцеста становится психически искаленной: она больше не может доверять своим влечениям, желаниям, фантазиям, мыслям, своим имаго и своему телу. Дискредитация, налагаемая на опыт инцеста требованием агрессора и состоящая в невысказанности, – это суть отрицание истины, которое распространяется на всю семью – причем не только на ту, в которой произошел инцест, но и на следующие поколения», – пишет Ракамье (Racamier, 2021, p. 39).

Фантазм-не-фантазм. В своем сравнительном анализе Эдипа и Антэдипа Ракамье говорит о такой свойственной для последнего конструкции, как *фантазм-не-фантазм*. Эта конструкция занимает место фантазма, но не только не обладает его свойствами, но и не допускает появления в психике собственно эдипальных фантазмов. По словам Ракамье, это «нечто, что не является ни истиной, ни реальностью, ни бредом, ни фантазией, ни сном» (Racamier, 1992, p. 139).

Фантазм в структуре Эдипа – это психический объект, представляющий собой воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное) (Лапланш, Понталис, 1996). Психические объекты в Антэдипе иной природы, они не имеют ни того же содержания, ни той же природы, ни той же «субстанции», что фантазмы. Ракамье призывает не

воспринимать фантазм-не-фантазм Антэди́па как предшественника эдипальных фантазмов.

Содержание фантазма-не-фантазма касается темы истоков, темы самопорождения, зачатия, а также сопровождающей их темы разъединения, вырождения. Тут Ракамье говорит о двойном принципе выживания и уничтожения, проводя аналогию с парой удовольствие и реальность. Поясняя суть двойного принципа «выживания – уничтожения», Ракамье указывает, что первая часть пары – принцип выживания – управляет прежде всего импульсами Я. Он стоит ближе всего к нарциссической потребности, задействует энергию сохранения, мобилизует защитные силы жизненно важного характера, которые сохраняются в том числе при психозах и других тяжелых случаях. На самом деле принцип выживания даже важнее принципа удовольствия, уверен Ракамье, потому как прежде, чем наслаждаться, субъекту необходимо выжить. Противоположный и дополняющий его принцип уничтожения аналитик сравнивает с состоянием нирваны, что роднит его с описанием инстинкта смерти по Фрейд.

Суть фантазий антэдипального субъекта о самопорождении состоит в идее о порождении субъектом собственных родителей и собственных предков, в конечном счете «положение Антэди́па имеет тенденцию слиться с положением Бога», отмечает Ракамье, говоря, что для такого субъекта весь мир является его порождением (*Racamier, 1992, p. 144*). Такая «операция» самопорождения-самовырождения, по замечанию Ракамье, задействует огромный потенциал мании величия (и иллюзии всемогущества).

Ракамье поэтически описывает фантазм о самопорождении: «Самопорождение не разворачивается так, как это может сделать настоящий фантазм: оно навязывает себя, оно не выдается вперед, не движется, оно не знает ни производных, ни связей, ни сетей, потому что оно упраздняет начала; оно не исходит из вытеснения, потому что это прежде всего дитя отрицания; оно не обязано оставаться в рамках психики и избегает ее с самой ошеломляющей легкостью; насколько мало оно сформулировано, настолько сильно оно передано; Антэди́п ниоткуда не приходит, но он великий путешественник. Наконец, сколь мало он позволяет проникнуть в себя, столь же он сам проникает повсюду. Именно по этой причине "продукты" Антэди́па обнаруживаются лишь косвенно, через их последствия» (*Racamier, 1992, p. 145*).

Ракамье особо подчеркивает, что антэдипальный фантазм о самопорождении не означает автономии. «Мы не становимся более автономными из-за того, что создали самих себя. Но фантазм самопорождения упраздняет источник других фантазмов. Никакой генезис и мышление более невозможны в душе тех, кто не хочет иметь ничего общего с фактом бытия, а также с различием между полами, поколениями и индивидами», – говорит автор (*Racamier, 1980, p. 139*).

Парадоксальность. Одним из свойств антэдипальной, психотической по своей сути организации является парадоксальность. Она касается прежде всего отношений с объектами, в том числе первичными. Так, для участников антэдипальной конфигурации характерна парадоксальная коммуникация, которая является не столько одной из техник контроля,

сколько механизмом, действующим на более глубоком нарциссическом уровне, своего рода «узлом, в котором задушено Я другого» (Racamier, 1980, p. 146). Парадокс в его злокачественной версии сводит с ума человека, на которого он направлен, тот становится неспособен реагировать как ментально, так и эмоционально.

Определение парадокса по Ракамье таково: это психологическое образование, которое неразрывно связывает две непримиримые, но не противоположные друг другу позиции или предписания и отсылает их друг к другу. Аналитик в качестве примера парадокса приводит иллюстрацию: мать дарит своему сыну два галстука – красный и зеленый. Довольный, он надевает зеленый. «Как тебе мог не понравиться красный галстук, который я тебе подарила?» – негодует мать. Он надевает другой – та же самая реакция. Тогда он надевает оба сразу. И мать восклицает: «Ты определенно не в своем уме, сын мой!»

Ракамье отдает должное непсихоаналитическому труду группы американских исследователей из Пало-Альто (в нее вошли Грегори Бейтсон, Дон Д. Джексон, Джей Хейли, Джон Х. Уикленд) «К теории шизофрении» (Bateson et al., 1956), в которой вводится понятие *double bind* (двойное послание). Этот паттерн парадоксальной коммуникации состоит в том, что индивид получает два непримиримых предписания, так что невозможно подчиниться одному, не послушавшись другого. Причем эти предписания сформулированы на разных уровнях, так что их несовместимость остается невербализованной. К тому же вводится дополнительный запрет на восприятие таких посланий как парадокса или уклонение от него, так что «жертва» никак не может от него избавиться.

Также Ракамье указывает на *антиконфликтность* и *антиамбивалентность* антэдипальной организации, в которой важнейшая задача Я – изгнать конфликт из психики, стереть его как внутреннюю реальность. И хотя автор в своих научных трудах напрямую не увязывает с Антэдипом эти две последние характеристики (но увязывает их со смежными инцестуальностью и психотичностью), они упомянуты им в «Мифе об Антэдипе» – художественном тексте, которым Ракамье начинает книгу «Les schizophrènes».

По замечанию Минасян (Минасян, 2018), часть коллег во французских психоаналитических кругах приняли описываемые тут концепции Ракамье скептически, критикуя в том числе оттенки беллетристики в его трудах на эту тему, примером которой, вероятно, можно считать и «Миф». Однако автор этой статьи находит «Миф» изящным литературным упражнением, емко и точно описывающим суть Антэдипа, и предлагает ознакомиться с его содержанием.

Миф об Антэдипе

В издании «Les schizophrènes» 1980 года Ракамье в качестве «прелюдии и развлечения» приводит несколько своих эссе и рассказов, которые в том числе переплетаются с историями персонажей древнегреческих мифов.

Они аллегорически передают основные смыслы идей автора о психотической структуре личности.

Особняком стоит полностью выдуманый «каким-то старым, немногo сумасшедшим рассказчиком» (так Ракамье иронически указывает на собственное авторство) «миф об Антэдипе» – по аналогии с мифом об Эдипе (*Racamier, 1980, p. 21–26*). «Миф» образно описывает все основные составляющие Антэдипа – отрицание происхождения и фантазм-нефантазм о самопорождении, антиконфликтность, парадоксальность, замалчивание истины, слияние с первичным объектом, изгнание третьего. Французский аналитик завершает свою историю хэппи-эндом, то есть установлением границ и инаковости другого, – так, как должен завершаться «умеренный» Антэдип. Ниже приводится специально переведенный для этой статьи текст «Мифа» – с иллюстрациями из издания 1980 года от *Petite Bibliothèque Payot*.

***

Антэдип был родом из таинственного царства около Фессалии, куда чужеземцам вход был запрещен. Что касается новостей, которые оттуда доходили, то они были по большей части непонятными. Но самая большая загадка этого царства была связана с происхождением самого Антэдипа.

Однажды прорицатель сделал предсказание о происхождении ребенка и его великой, но трагической судьбе. Он также предсказал несчастье, если правда станет известна, поэтому его заставили замолчать и скрыться. Опасаясь, что правда все же выйдет наружу, совет царства во главе с царицей, матерью Антэдипа, утвердил драконовский закон, который требовал, чтобы никакая правда, независимо от ее природы и масштаба, никогда не признавалась таковой. Подчинившись этому закону, большинство жителей страны принялись выражать свои мысли самыми абсурдными способами. Что касается остальных, то они молчали – либо потому, что в такой атмосфере от малейшей правды у них кружилась голова, либо потому, что они не овладели умственным приемом, которому, однако, учат в школах и с помощью которого истинное превращается в абсурдное и наоборот.

Возвращаясь к Антэдипу, следует отметить, что, по слухам, он был рожден от Зевса. Как и Олимпия, мать Александра Македонского, мать Антэдипа любила подтверждать эти слухи. Однако было неясно, скрывает ли эта версия какую-то совершенно иную истину или, наоборот, с помощью высшей маскировки она говорит правду только для того, чтобы создать впечатление, что это ложь. Происхождение Антэдипа было тем более сложным, что его мать, по слухам, была одной из оккультных дочерей Зевса.

Обстоятельства его зачатия были не менее туманными. Говорили, что Зевс превратился в маленького ребенка, чтобы оплодотворить мать Антэдипа. Другая версия была еще страннее. Один глаз матери превратился в источник, и Зевс соединился с ним, превратившись в дождь. Дело

в том, что у матери Антэдина был только один глаз, а в окрестностях дворца находился огромный источник, который считался Оком оплодотворения. Этот источник обладал свойством не отражать ни предметы, ни людей. В нем никогда не отражался ни один образ, напротив, он безвозвратно засасывал и пожирал каждого, кто в него заглядывал. Поговаривали, что те, кого он засасывал в свое ложное зеркало, оказывались в чистилище и блуждали там пустой оболочкой. Единственным человеком, избежавшим этой участи, был сам Антэдий, который часто приходил взглянуть в Око священного источника, ибо только он мог, на мгновение исчезнув, вернуться оттуда, окутанный экстазом.

В этом государстве был и царь, который являлся официальным отцом Антэдина, но фактически он не правил. На самом деле он был презираемым изгнанником, который постоянно вел войны и пировал на окраинах государства, а ополченцы и подданные страны должны были отгонять его всякий раз, когда он приближался.

Чужеземцы, которых также приходилось отгонять, были сбиты с толку этим странным царем в изгнании, который действовал только на отдаленных окраинах.

Антэдий и его мать правили вместе, и никогда не было ясно, кто из них обладает большей властью или даже кто из них кто. Они следили за тем, чтобы между ними, равно как и между подданными, никогда не возникало конфликтов. Это был один из основных законов государства, в котором все было разрешено, если только соблюдалось это непреложное правило. Тех, кто нарушал его и признавал конфликт, ждало неминуемое наказание – лишение личности, лишение гражданского существования, изгнание и смерть. Конечно, призрачное состояние, в котором пребывали подданные, запрещало им заниматься какой-либо деятельностью, поэтому жители царства «много потели и мало работали».

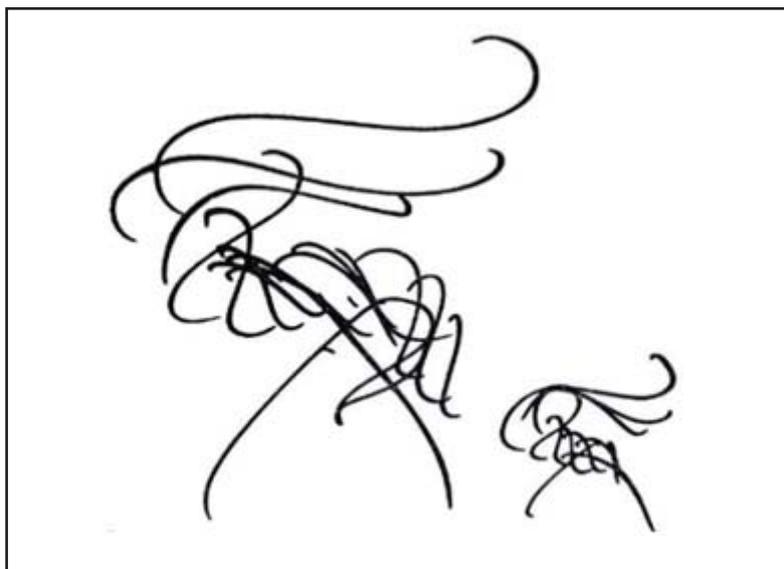

Рисунок 1.

В любом случае это не имело значения, ведь в стране, где часы в привычном их понимании существовали только как диковинка (никто даже не знал, для чего они когда-то использовались), давно было упразднено всякое понятие о времени.

К счастью, один человек работал за всех: в своих странствиях по источнику – Оку – Антэдип, похоже, руководил великими делами и невероятными завоеваниями. Описания его подвигов вывешивали у ворот дворца и на углах всех улиц. И это были истины, которые не были замаскированы, несомненно, потому, что они оставались невысказанными.

Однажды, когда Антэдип в своих завоеваниях, как всегда достойных Александра Македонского, не успел отойти далеко от границ мира, случилось нечто неожиданное. Прорицатель, которого считали исчезнувшим, вернулся в царство. То, что он предсказал, стало известно²: Антэдипу было суждено родиться от самого себя. Он должен был стать своим прародителем. Но ему пришлось бы всегда игнорировать это. Он остался бы цел и невредим, а вместе с ним и его мать, только при двух условиях: он проигнорирует тайну своего происхождения и откроет секрет взаимозаменяемости существ. При этом условии его величие было бы безграничным.

Эти откровения имели поразительные последствия. Источник у дворца снова стал отражать образы на своей поверхности и уже никого не поглощал. Мать Антэдипа восстановила свой глаз, но потеряла свою всемогущую силу. В царстве Антэдипа стало меньше безумия, но в нем

Рисунок 2.

---

² С помощью этого приема Ракамье изображает, как «изречение неизрекаемого» (того, о чем в антэдипальной конфигурации нельзя говорить и думать) разрушает оковы Антэдипа, устанавливая – через проживание первичного горя – границы и дифференциацию, необходимые для развития субъекта и его сепарации.

чувствовалось что-то похожее на печаль. Царь вернулся в свое государство. Зевс, как обычно, ничего не сказал.

Некоторые люди, проходившие мимо источника – Ока, когда он снова начал отражать образы, утверждали, что видели, как Антэдип вышел из своего кокона, словно куколка, и тут же превратился в сверчка...³

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лапланиш Ж., Понталис Ж. Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 751 с.
2. *Минасян И. Р.* Концепция инцестуозности П.-К. Ракамье и ее применение в современном психоанализе // Сайт Московской группы психоаналитиков. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgpsy.ru/kontseptsiya-intsestuoznosti> (дата обращения: 19.02.2024).
3. *Bateson G. et al.* (1956). Toward a theory of schizophrenia. Behavioral Science. Vol. 1. No 4. P. 251–264.
4. *Braunschweig D. & Fain M.* (1971). Éros et Anteros. Paris: Petite Bibliothèque Payot.
5. *Racamier P.-C.* (1980). Les schizophrènes. Paris: Petite Bibliothèque Payot. 207 p.
6. *Racamier P.-C.* (1992). Le génie des origines: psychanalyse et psychose. Paris: Payot. 412 p.
7. *Racamier P.-C.* (2021). L'inceste et l'incestuel. Paris: Dunod. 174 p.

---

³ Далее вступительная глава в «Les schizophrènes» продолжается эссе Ракамье о парадоксальности.

Antoedipus by Racamier. Incestuality from within, or Narcissus's Sabotage against Oedipus

V. R. Ichetkina

Ichetkina Veronika R., MPsych (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic psychotherapist, journalist.

Relationship with mother is the most important relationship in every person's life, laying the foundation for their entire mental functioning. Unfortunately, these relationships do not always work out well. One of the pathological scenarios is a symbiotic fusion relationship, colored by tones of incestuousness.

Many works by prominent psychoanalysts have been written and translated about the perniciousness of the protracted fusion relationship between mother and child. The author of this paper has focused her attention on only one concept on this topic, a concept not often mentioned in Russian psychoanalytic literature, but undoubtedly worthy of recognition and careful study. This is Paul-Claude Racamier's concept of incestuality and narcissistic seduction and the related phenomenon of Antoedipus – as Racamier called the primitive, archaic, characterized by ignoring differences and boundaries, anti-conflict and paradoxical level of relationship with the object, primarily the mother-child relationship.

*The work provides a development of Racamier's ideas and a comparative analysis of Antoedipus and Oedipus by the psychoanalyst from his latest book *L'inceste et l'incestuel*. In addition, a translation of the "myth of Antoedipus" (analogous to the myth of Oedipus), written by Racamier as a "prelude and entertainment" is presented for the first time. "Myth" figuratively describes all the main components of this phenomenon – denial of origin and the phantasm-non-phantasm of self-generation, anti-conflict, paradox, silencing of truth, fusion with the primary object, exile of the third. The translation with illustrations is based on the 1980 edition by *Petite Bibliothèque Payot*.*

Keywords: Paul-Claude Racamier, Antoedipus, incestuality, narcissistic seduction, phantasm-non-phantasm, self-generation, the myth of Antoedipus.

ПСИХОАНАЛИЗ ФАНТАЗМА

«Восприятие глубины», или Путь к репрезентации пары

Е. Р. Бенгина

Бенгина Евгения Руслановна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант.

Данная статья описывает процесс формирования репрезентации пары отца и матери в психическом индивида. Детально исследованы факторы, влияющие на развитие представления о паре отца и матери, на протяжении всего процесса существования психики. Особое внимание уделено значению и влиянию матери, отца и их пары на становление представления о паре в психике. В работе анализируются факторы, влияющие на невозможность формирования репрезентации пары отца и матери. Среди них выделяется деструктивный опыт в отношениях с матерью и отцом, их парой. В статье описаны возможные последствия для субъекта в случае отсутствия репрезентации пары мужчины и женщины. Актуальность темы связана с материалом и обоснована. Также затрагивается вопрос возможного влияния развода родителей на процесс становления пары матери и отца в психическом.

Ключевые слова: репрезентация, пара, отец, мать, символизация, психосексуальность, развод, травма, представление, психоанализ.

Человек обитает в трехмерном пространстве нашего материального мира. Длина, ширина и глубина создают объем, а значит, и его наполненность. Считается, что понимание трехмерного пространства развивается еще в младенчестве и тесно связано с координацией движений человека. Визуальная способность воспринимать окружающий мир органами чувств в трех измерениях называется «восприятием глубины».

В этом есть удивительная похожесть с восприятием психической реальности. Ведь человек обитает в трехмерном пространстве мужского, женского и отношений между мужчиной и женщиной. Психоаналитическая теория вторит открытиям материально-физического мира и повествует о законах развития психической реальности.

Восприятие глубины в психоанализе – это способность к репрезентации пары мужчины и женщины. И если вернуться к определению в первом абзаце, то по аналогии репрезентация пары мужчины и женщины зиждется на сформированности каждого из трех пространственных измерений: представления о женском, представления о мужском и представления об отношениях между мужчиной и женщиной. Подобная сформированность трех пространственных измерений позволяет воспринимать мир объемно, то есть жить, желать и чувствовать наполненно, а также «воспринимать расстояние до объекта», то есть другого – другим.

Трехмерность психического мира – это аксиома. Мужчина и женщина рождены, чтобы желать друг друга, наслаждаться и получать удовольствие. Такова задумка природы. Однако простота держит собою целостность сложного. Зигмунд Фрейд описал главный внутриспсихический конфликт человека: стремление к всемогущему наслаждению и ограничение этого желания обществом. Характер желаемого наслаждения человека продиктован телом и его импульсами, название ему – «сексуальность». Запрет на кровосмешение усложнил восприятие сексуальности. Зависимость от получения удовольствия с другим и порой невозможность этого заставляют страдать человечество уже которую тысячу лет. В результате поисков решения мы живем в современном мире, где удовольствие течет рекой, жить комфортно, вкусно, приятно, разнообразно, весело. Однако отмечается рост спроса на психотерапевтическую помощь с запросами о неудовлетворенности жизнью и одиночестве. По всей видимости пока результат сублимации в форме технологического прогресса не помог решить главную дилемму человеческой сущности о зависимости психосексуального желания от другого, непохожего на тебя.

Сложность отношений между мужчиной и женщиной стала следствием разницы полов и потребности друг в друге. Решением внутренних противоречий по этому поводу является способность к репрезентации пары мужчины и женщины. Как я писала выше, метафорически я имею в виду способность к репрезентации пары мужчины и женщины. Результатом успешной репрезентации пары в психическом станет возможность ощущать себя отдельным от матери и отца, их пары, желание создать свою, способность опираться на себя, отстаивать, предъявлять себя другим, чувствовать свои желания и потребности, реализовывать их, ощущать психическую стабильность. Это и есть проявление объемной наполненности жизни в трехмерном пространстве психического восприятия, которая достигается опытом отношений с матерью и отцом.

Становление пары отца и матери в психическом – это трудоемкий процесс, который, с одной стороны, длится минимум пару десятилетий, с другой – имеет корни в первичном периоде, который несет в себе определяющий характер для становления психики в принципе. Для того чтобы

представление о паре сформировалось, необходимо наличие пары отца и матери в качестве внутреннего объекта. Также необходимо обнаружить в себе сначала объект внутренней матери, затем объект внутреннего отца, и, опираясь на идентификации с ними, становится возможно интроецировать образ пары на примере их отношений.

Деление влияния на формирование представления о паре на влияние матери, отца, самой пары образно. Все три вектора развития происходят одновременно, и в случае успешного стечения обстоятельств мир субъекта станет трехмерным, в нем гармонично будут сосуществовать женское, мужское и их влечения друг к другу. Такой сценарий возможен в случае передачи подобного опыта от матери и отца ребенку.

Три пространственных измерения существуют в момент появления ребенка на свет, так функционирует мир, который начинает влиять на младенца. Первый опыт психического восприятия этого мира постигается через мать.

Беременная мать сознательно и бессознательно инвестирует в ребенка в своей утробе. Беременность запускает механизм реактивации у будущей матери своего прошлого опыта быть внутренним объектом для своей матери, быть младенцем. В самом раннем периоде развития у новорожденной девочки формируется стремление быть матерью. Если уход за девочкой-младенцем в первые месяцы ее жизни был благополучным, удовлетворяющим, тогда она сможет стать надежной, нежной, любящей матерью и передать этот опыт своим детям. Идентификация с ранним опытом взаимодействия с матерью формирует качество воспроизводимого материнства.

Современный психоанализ также указывает на возможность во время беременности, рождения ребенка и раннего периода ухода за ним не только реактивировать свой ранний опыт, но и за счет имеющегося психического ресурса как будто вновь пережить этот опыт и интегрировать его.

«Восприятие глубины» матерью достигается за счет собственных представлений о женском, мужском и отношениях мужчины и женщины. Эти репрезентации формируются из опыта стабильности, безопасности и любви в отношениях с ее родителями. Она усвоила этот опыт и повторяет его с учетом своей индивидуальности.

Младенец впитывает сначала через психику матери трехмерность ее восприятия отношений. Это происходит по большей части за счет периодов, когда мать находится не с ребенком, а со своим мужчиной и получает удовольствие от их отношений.

Мать ведет себя как Мадонна днем, посвящая себя ребенку, и Блудница ночью, посвящая себя наслаждению с мужчиной. Свои женские сексуальные желания и потребности в близости с мужчиной она удовлетворяет вдали от ребенка, пока он спит. Возвращаясь днем к ребенку, мать наполнена удовольствием, она нежна, спокойна и заботлива. Мать становится способной любить его как дитя.

Ритм удовольствия и фрустрации поддерживает у младенца психический процесс собственного восприятия реальности. Младенец галлюцинирует во время отсутствия матери, воспроизводя в этот момент опыт

удовольствия и удовлетворения, и таким образом становится способным выдерживать фрустрацию. Запускается фантазматическая деятельность, психика развивается. Тогда отдельность от тела матери больше не пугает. Стабильная безопасная связь с матерью наполняет его новым смыслом.

Развитие процессов психизации у ребенка подразумевает способность к репрезентации. Репрезентативную способность формируют опыт удовольствия и удовлетворения от взаимодействия с объектом, который присутствует достаточное количество времени для поддержания стабильной, безопасной и доверительной близости и отсутствует достаточное количество времени, чтобы субъект научился получать удовольствие наедине с собой, фантазируя о прошлом приятном опыте, полученном с объектом.

Таким образом, младенец опосредованно соприкасается через психическое матери с его отцом и их парой. Об этом опыте пока останутся только перцептивные следы в памяти. Останутся мнестические следы о том, как мать была спокойна, нежна, удовлетворяла потребности, транслировала безопасность и надежность. По мере взросления психические связи будут усиливаться и формироваться в устойчивые репрезентации объектов.

Ребенок – это плод отношений мужчины и женщины, их страстных желаний, влечения друг к другу. Пара отца и матери имеет историю отношений и наслаждения к моменту появления на свет их малыша, что младенец ощущает и впитывает. Рождаясь, ребенок не только биологически полностью зависит от матери – тотальная психическая зависимость подразумевает невозможность отлучения от матери на продолжительное время. При этом сила фрустрации не должна превышать способность ее переносить.

Жизненная необходимость в матери у младенца физиологически выражается в потребности в частых кормлениях, необходимости гигиенических процедур, желании быть на руках у матери. Психически мать часто кормит своей любовью, вниманием, частым присутствием рядом, успокаивает, удовлетворяя потребности малыша через голос и прикосновения, передает чувство безопасности, нужности и любви. Когда мать не рядом, малыш фантазирует о ней. Сначала младенец способен проводить минуты, часы, потом подрастающий ребенок становится готов проводить без матери дни, и такая тенденция развивается до момента полного отделения индивида от семьи. Весь этот период растет не только тело, но и развивается психический аппарат, становясь сложным, объемным процессом восприятия жизни через интроецированный опыт. Именно положительный опыт любви из младенчества дает основу для взросления и формирования своей индивидуальности.

Благодаря ритму дня и ночи, удовлетворения и фрустрации формируется психический аппарат, отдельность субъекта: «Я есть, даже когда остаюсь один, я знаю, что скоро ко мне придут, возьмут на руки, поговорят со мной, покормят, покажут мне мир». Поступательное движение в накоплении опыта удовлетворения и опыта справляться с неудовлетворением приводит к формированию Я. И тогда в мире, где раньше было только «Я есть весь мир», появляется первичный объект – мать. Начинается фаза диадных отношений.

В течение жизни ребенка в психике матери изменяется отношение к нему. Во время беременности мать относится к ребенку как к внутреннему объекту, затем после рождения формируется отношение как к частичному объекту и постепенно по мере психического созревания самостоятельности перерастает в отношение к ребенку как к отдельной личности.

В диаде матери и ребенка меняется качество их отношений. Но для матери по-прежнему актуальную значимость имеют ее отношения с отцом ребенка. По мере развития Я ребенок начинает распознавать себя и других, и фигура отца становится более проявленной. Пространственное измерение, связанное со становлением образа отца, приобретает психическую форму.

Изначально отец появляется в психическом ребенка через психическое матери, и он отражается в том качестве, в каком воспринимается ею. Благодаря отцу ребенок проходит стадии сепарации и индивидуации. Отношения с отцом не похожи на отношения с матерью, и тогда становится возможным стать не как мать, стать отдельным. Идентификация с отцом позволяет выйти из диадных симбиотических отношений с матерью. Это еще одна важная ступенька на пути к формированию репрезентации пары.

Символическая функция отца проявляется в отцовском законе. Отцовский закон привносит запреты, они не объявлены, но проявлены сутью отношений между матерью и отцом. Отец отвлекает мать от ребенка, у ребенка появляется пространство быть с самим собой. Отцовский закон не про то, чтобы его безукоризненно слушали. Часто в рассказах пациентов можно услышать о том, как тревожно отцу и матери, когда их чадо проявляет себя отличным от них, за это могут ругать и наказывать. И тогда ребенок будет уяснять урок про то, что хотеть самому нельзя, объект может разрушиться от его инаковости.

Закон отца в психоаналитическом смысле имеет более тонкое и сложное значение. В кратком смысле это запрет на инцест: «иди желать вне дома» (Винтер, 2021). Инцест стирает границы между поколениями. Считается, что инцестуальные репрезентации всегда есть в бессознательном, безотносительно того, случался ли инцест в реальной жизни. Символически представленный отец в психике означает сформированный запрет на инцест, наличие разницы поколений и разницы полов.

Закон отца исполняется, когда к нему есть уважение, когда его закон уважает и мать, в ее психике он тоже есть. Любовь рождает послушание, как и почтительный страх перед отцом с фантазией о кастрации. Отец ограничивает всемогущество ребенка. Бессознательно ребенок ощущает, что отец имеет доступ к наслаждению, который недоступен ему. Отец знает, как быть с матерью в отношениях, как справляться со своими чувствами, благодаря чему получился сам ребенок.

Когда мать оставляет на время ребенка, ребенок воспроизводит галлюцинаторно перцептивный опыт удовольствия и удовлетворения. Так рождается психика. Примерно те же процессы происходят по мере взросления. Подрастающий ребенок может находиться поочередно в материнском и отцовском пространстве, углубляя свой опыт встречи с разным.

Ребенок продолжает наблюдать отношения матери и отца, он чувствует себя исключенным. Чтобы пережить непереносимые чувства, он снова прибегает к фантазиям. Фантазматическая деятельность продолжает развиваться. Появляются мир репрезентаций и мир реальный. Таким образом, репрезентации формируют ощущение себя, других через идентификации с родителями.

Вследствие идентификации с отцом формируется внутренний закон – Сверх-Я человека. Получается, что отец учит примирять внутренние векторы желания и нахождения в обществе. Подросток заимствует опыт наслаждения отца в символическом смысле. Идентификация с отцом дает развитие психической жизни, которая сопровождает его до конца дней, осознание своей неповторимости и уникальности.

К отцу, как и к матери, есть двойственные чувства любви и ненависти. Они отличны к разным объектам по содержанию. Если отец выдерживает детскую проявленную амбивалентность к себе, то ребенок приобретает право быть другим, отличным от отца. Отец может не соглашаться, но выслушивать мнение ребенка. Чтобы ребенку прийти к амбивалентности, приходится отказаться от некоторых своих требований к отцу.

Через закон отца передаются также культурные ценности. Культурные и социальные факторы играют важную роль в формировании образа пары. Нормы, традиции и ценности, связанные с семейной жизнью и отношениями между полами, влияют на представления о том, как должны выглядеть гармоничные отношения. В разных культурах могут существовать разные модели парных отношений, что отражается в психике индивидов. Ожидания, связанные с ролями мужчин и женщин в семье и обществе, могут влиять на представления о том, как должны выглядеть и функционировать пары. Отклонение от этих ожиданий может вызывать стресс и тревогу, что в свою очередь может привести к дезорганизации образа пары.

На этом этапе мать все еще важна для ребенка. Маргарет Малер описала концепцию формирования личности ребенка, исходя из процесса сепарации-индивидуации от матери, как переход от диадных отношений к триадным. Это процесс формирования отдельной психики ребенка, его идентичности. При наличии материнского эмоционального отклика этот процесс начинается после четвертого месяца жизни, длится до трех лет, но эпизодически может проистекать на протяжении всей жизни.

Процесс сепарации – выход из симбиоза с матерью, процесс индивидуации – обнаружение ребенком в себе уникальных индивидуальных характеристик. Весомую роль в этом процессе выполняет мать, от которой зависит ребенок. При попытках ребенка проявить себя не так, как ожидает мать – он требует, злится, проявляет свою инаковость, – не всякая мать готова принимать это, не всякой матери позволяли вести себя так, когда она была ребенком. Чтобы стать взрослым и отдельным, необходимо бессознательное согласие матери на это. Способность поддерживать ребенка в самостоятельности и независимости формируется, как и прежде было описано, через свою мать, у которой был опыт чуткой и удовлетворяющей

матери, теплого отца с его словом-законом и уважительными и любящими отношениями между ними (Малер и др., 2011).

Вместе с тем матери отводится роль не только заботливого и любящего родителя, но и первого объекта сексуального влечения. В этом контексте отношения между матерью и ребенком могут быть сложными и запутанными, полными противоречий и двусмысленностей. Однако, несмотря на все эти сложности, они остаются важнейшим элементом в жизни каждого человека, определяющим его психическое здоровье.

Когда у ребенка появляются внутренние репрезентации отца и матери, вступают в силу триадные отношения. Они имеют большое значение и занимают центральное место в психическом развитии ребенка начиная с его появления. Перед ребенком предстает пара отца и матери. Ее обнаружение возможно в результате сформированных пространственных измерений отца и матери, то есть идентификаций с ними и помещения достаточно хороших объектов внутрь. «Восприятие глубины» продолжает развиваться.

У ребенка постепенно формируются отдельные от матери с ним отношения. Признание отца, что у него есть этот конкретный ребенок, чрезвычайно важно для ребенка. Базовое переживание «я есть у папы», «у меня есть папа» необходимо ребенку, иначе на пустом месте будут образовываться страдания и меланхолия, психическая дыра. Отцовское признание умиротворяет, успокаивает, привносит ощущение полноценности собственного существования.

Если инвестиций отца будет достаточно, ребенок будет способен к выдерживанию амбивалентных чувств, опираясь на первичную репрезентацию стабильного, безопасного, любящего объекта.

Отец, на которого можно опереться, может привнести в психику опыт инаковости от матери, и тогда, оперевшись на его стабильный, безопасный и любящий образ, можно начинать осуществлять отделение.

Отцовская функция символическая, поэтому отец – это не всегда тот, кто оплодотворил. Часто отец – это тот, кто признал себя отцом этого ребенка. Образ отца формируется многие поколения. Путаница в истории рода в психическом приводит также к путанице с границами в реальности, отражается на формировании неясного образа отца и матери.

Отец всегда присутствует в психике, его появление ставит всех на свои места. В процессе психотерапии выясняется, каково его присутствие в бессознательном пациента. Без отца невозможно рождение ребенка, его значимость не меньше материнской, но она другая. Сначала он присутствует незримо для младенца, постепенно он становится важной, незаменимой опорой. Первичное взаимодействие с отцом происходит через психику матери, затем напрямую, складываются свои отношения с отцом, отдельные от матери. В процессе роста ребенок впитывает в себя все то, что вокруг отца. Формируется репрезентация отца, что является важной вещью в становлении образа пары отца и матери.

В паре отца и матери сексуальное влечение является основой для формирования прочных и стабильных отношений, а также неотъемлемой частью психического благополучия каждого из них. Ребенку крайне важно

наблюдать пару отца и матери, так он постигает объектные отношения, бессознательно считывает модель построения связей между мужчиной и женщиной. Когда рядом с матерью есть отец и они общаются, ребенок осознает свою исключенность и отдельность и при этом безопасность пребывания в таком статусе. Это эдипальная конструкция, которая подразумевает прохождение ребенком доэдипальных этапов психосексуального развития в отношениях с отцом и матерью.

Ребенок уже познал связь с матерью и связь с отцом. Теперь он открывает для себя пару. Пара становится для ребенка одним из объектов наряду с матерью и отцом. Она приобретает символическое значение. Пара обнаруживается с появлением отца. Отец транслирует закон находящемуся рядом с ним ребенку: «Различие полов приводит к различию поколений, что приводит к разнице в половом отношении» (Roussillon, 2002, p. 5).

К эдипальному возрасту ребенок окончательно готов выделить для себя соединенных в репрезентацию мать и отца. Он проецирует интрапсихическое вовне на родительскую пару. Пара подразумевает идеальность, в ней есть соединенное, непревзойденно цельное – мужское и женское, а значит, возможно соединение взаимосвязи, желания, удовольствия и разрядки.

Пара разрешает недостатки гендерного происхождения и в то же время нагревает эдипальные фантазии. Поэтому ребенку так хочется оказаться в самом ее центре и решить вопрос своего исключения. Ребенку нужно пробраться из своей комнаты в родительскую постель, изоляция и отчуждение в одинокой кровати нарушают сон, ребенок просит побыть с ним. Так хочется собрать обоих родителей вокруг себя и чувствовать себя нужным, соединяющим эту пару, хочется прикоснуться к их таинственной близости, которая пока непостижима. Одновременно хочется создать свою пару и разделить родителей.

Проживание Эдипа в родительской паре укрепляет субъектность, фантазматическая деятельность провоцирует развитие психики в игре между воображением и реальностью, появляются новые сюжеты для игр наяву и новые мечты.

Результатом фантазматической деятельности психики станет психическое представление о паре, как итог своих переживаний и субъектной отдельности. Внутренняя пара – это пространство для фантазий о своей паре, либидинальных желаний, направленных на другого, для проживания эдипальных порывов. Внутренняя пара освобождает от стремления стать частью реальной пары.

Спальня родителей с закрытой дверью и отсутствием доступа для ребенка в нее становится запретной в реальности, это пугает. Однако к моменту, когда ребенок вполне себе усвоил закон отца о разнице полов и поколений, когда ребенок обнаружил себя справляющегося и поддержанного, отдельного, инакового от его родителей, у ребенка обнаруживается достаточно ресурса для самостоятельного постижения невозможности присутствия в чем-то таком, куда нет доступа.

По мере развития психики первофантазм приобретает новые значения. Фантазм о первосцене позволяет осознать свои желания, понять, как их реализовать с учетом инстанции Сверх-Я.

Родительская пара отвечает на попытки вторжения ребенка, контейнирует его. Ей важно выжить, предоставляя пространство для детских импульсов, паре матери и отца нужно быть достаточно хорошей для своего ребенка. Чадо проверяет границы свои и парные, и по ходу проживания процесс приобретает ощущение внутренней оформленности. Ребенок предьявляет свою исключенность или включенность в пару, родители утешают его переживаниями, но только мягкие и стойкие границы поистине успокаивают своей определенностью, дают обмякнуть и смириться. Постепенно страх исключенности, злость на запрет на место в паре перерождаются в право и желание присутствовать рядом с парой.

Если же пара импульсивна в отношениях друг с другом, ребенок не готов усвоить взрослую сексуальность, нет способности воспринять, он перевозбуждается, сужается его пространство для фантазий, нарушается репрезентативная деятельность. Если нет ритмичности в отношении с объектом, то процесс символизации нарушается, пара в психике ребенка не формируется. Под ритмичностью подразумевается процесс, в котором контакт с запросом на удовлетворение потребностей и удобоваримым ответом на него сменяется возможностью и способностью присвоить этот опыт себе.

У пары тоже должна быть репрезентация ребенка. Функционирование пары может позволить или нет присутствие психического пространства для образования у ребенка своей индивидуальности, непохожести на мать и отца. Место только для пары – спальня отца и матери, где буйствует язык страсти, место для ребенка – его детская комната, где ребенок общается с самим собой фантазиями наяву в игре и грезах. А есть место, где семья собирается вместе. Это может быть кухня или гостиная, где родители говорят на понятном языке детям – языке нежности. Если пара не видит себя отдельной от ребенка, не улавливает разницы в поколениях, если родительская спальня и детская комната становятся чем-то общим без стен и дверей как границ, то такая пара не репрезентирована сама для себя.

Такая пара функционирует на другом уровне взаимоотношений между объектами внутри пары. На том уровне, где сливаются границы Я и не-Я, где нет проявленного закона отца и разницы между полами и поколениями. Если вышеперечисленное не усвоено психически ребенком в его семье, у него будет предопределена неспособность удовлетворять свои потребности, быть проявленным, уверенным, отдельным, иметь стабильные долгие любовные отношения. Внутренняя структура формируется к взрослому возрасту неформленная, размытая, безопорная, подпоротая защитами от дезорганизации.

Следствием формирования репрезентации пары становится «способность быть со своим влечением в присутствии объекта» (Roussillon, 2002, p. 7). Это станет психическим фундаментом для выхода из триангуляции. Посредством развития психического ребенок приобретает себя

отдельного в отношениях с объектом пары матери и отца. Символически присутствующая отдельность в психике матери и отца согласуется со возвращаемой и усвоенной отдельностью ребенка.

Итак, трехмерное восприятие мира формируется одновременно и в то же время последовательно. Сначала появляется одномерное пространство матери, и через нее происходит узнавание об отце и их паре с отцом. Постепенно возрастает роль и значимость отца, формируется его образ. На основании образа отца и матери появляется доступ к объекту пары отца и матери. Это важная веха психосексуального развития на пути к взрослой сексуальности. Завершением формирования трех пространственных представлений становится репрезентация отца и матери, то есть репрезентация мужского и женского.

Вышеописанный сценарий развития событий скорее является исключением. Чаще в психоаналитической практике мы встречаемся с более деструктивным опытом развития, поэтому важно затронуть причины, по которым репрезентация пары не формируется.

Любое травматическое воздействие на психику ребенка формирует прорыв возбуждения и затрудняет его дальнейшее развитие. Происходит фиксация на определенной точке взросления, разрываются связи между аффектом и репрезентацией. Чем более ранний опыт, тем более тяжелые последствия имеет травма.

Самое страшное, что может произойти в жизни ребенка, – утрата матери. Подобное травматическое событие никогда не сможет быть переварено и встроено в психику. Также есть масса исследований брошенных матерями детей с выводами о тяжелых последствиях для психики ребенка эмоциональной депривации, разрыва слияния с матерью. Подобный опыт обычно выражается в тревожных симптомах, психических расстройствах поведения и соматических симптомах.

Устойчивость связи матери и младенца достигается качеством их взаимодействия. Качество взаимоотношений матери и ребенка полностью зависит от качества ее функционирования. Мать, находящаяся в депрессии, может физически присутствовать с ребенком, но ментально быть пустой для него. Психика матери в угнетенном состоянии не способна удовлетворять потребности малыша. А значит – качество психического функционирования матери имеет большое значение. Для младенца встреча с подобной матерью приравнивается к переживанию страха смерти. В психоанализе есть мнение, что до трех лет матери нежелательно оставлять ребенка более чем на сутки. За счет неформальной репрезентативной деятельности у ребенка еще нет возможности так долго находить внутри себя опору.

Важно упомянуть о бессознательном проявлении враждебности матери по отношению к ребенку посредством сверхзаботы и повышенной тревожности о ребенке (Levy, 1965). Встревоженная мать – мать, переполненная аффектом. Ее способность перерабатывать свое психическое ослаблена, и тогда все, что не помещается внутри, будет размещено снаружи. Ребенок нуждается в опорном взрослом, смотрящем на него с любовью и спокойствием. В тревоге замечать другого невозможно, она захватывает.

Ребенок первые месяцы жизни не отличает Я от не-Я, то есть себя от матери. Тогда ребенок остается без ответа на запросы о психическом контакте, принимает сообщение от мира о том, что что-то происходит не так, какой-то он не такой.

Без ощущения безопасности и стабильности психические процессы ребенка обрушиваются в силу тотальной зависимости от объекта и переключаются в режим выживания. Это приводит к закреплению психотического функционирования личности, репрезентация пары не формируется в силу разрушения или неразвития психического аппарата.

Последствия психически бедного взаимодействия в ранний период фатальны и закладывают предпосылки для невозможности развития психического аппарата, мышления младенца. Способность галлюцинировать у младенца поддерживается теплым взаимодействием матери с ребенком, опытом удовлетворения потребностей. Невозможно вспомнить то, чего не было. Без интроецированного положительного опыта взаимодействия с объектом в первые месяцы и годы жизни не возникает репрезентации собственной хорошести и безопасности, все защиты направляются на спасение от безымянного ужаса, ощущения психической смерти.

Изначально перцептивные следы дезорганизованы. Теплый, в меру инвестирующий контакт с матерью помогает связать перцептивные мнестические следы и интегрировать этот опыт. Перцептивный опыт младенца соединяется воедино в репрезентации благодаря позитивному опыту, опыту удовольствия, развивается способность к символизации и психизации.

Если у матери не ладятся отношения с отцом ребенка, то это приводит к укреплению ее слияния с младенцем. Бессознательно мать превращает свое дитя в «ребенка ночи», он становится утешением, способом удовлетворить свои потребности, ее нарциссическим объектом. Без наличия третьего влечения взрослой женщины будут направлены на младенца. Такое взаимодействие оставляет следы в бессознательном ребенка, репрезентации отношений с объектом формируются особым образом, то есть формируется репрезентация как бы пары по типу инцестуозных отношений матери и дочери, описанная Ракамье (*Racamier, 2022*).

Непредставленность объектов в психике матери влечет перенятие подобного функционирования ребенком. Отсутствие репрезентации пары в психике матери подразумевает атаку на ее образование, негативный опыт столь разрушителен, масштабен и заряжен ужасом, что положительным опытом становится отсутствие отношений по своей сути, их дистантность, функциональность. В случае психотической организации личности намек на диадное образование с другим стимулирует агонистическое ощущение психической смерти и уже пережитого когда-то необъяснимого ужаса и краха.

Взрослые, которые в детстве испытали потерю материнской любви или отсутствие прочной эмоциональной связи с матерью, могут столкнуться с проблемами в установлении доверительных отношений, ощутить тревогу или страх перед близостью, иметь трудности с самооценкой,

самоуважением, способностью к формированию здоровых отношений во взрослой жизни.

Чаще всего отношения между матерью и ребенком далеко не идеальны и являются источником конфликтов и трудностей. В ситуациях, когда мать не может или не желает удовлетворить потребности ребенка в самостоятельности, это может вызвать у него чувство отверженности и привести к формированию негативных представлений себя и других. В свою очередь, это может вызвать проблемы в дальнейшем психосексуальном развитии ребенка. Если ребенок развивается по каким-то причинам без матери, это всегда оставляет след на психическом, интеллектуальном и физическом развитии и здоровье.

Если мать бессознательно унижает и презирает отца, фигура отца будет восприниматься ребенком слабой, неценной. Место для образа отца всегда есть в психическом каждого, вопрос скорее в том, насколько и чем оно заполнено. Если отец покинул семью и ребенок не видел его никогда, то это не значит, что его нет, в психическом он будет проявлен минимально. Образ отца-незнакомца рождает тревогу, пустоту, беспокойство, незнание своих корней, какой-то части себя, неуверенность. Единственный способ узнать что-то про отца в этом случае – послушать слова матери, которые могут породить фантазии о том, что между мужчиной и женщиной что-то произошло, между ними было желание, вследствие которого появился ребенок.

У матери образ ее партнера формировался также ее матерью, отцом и отношениями в паре между ними. Если мать неосознанно не может построить отношения с мужчиной, она одинока или отношения деструктивные, то она воплощает в жизнь репрезентацию из своего психического. Каков мужчина в ее бессознательных фантазиях – теплый, открытый, чувственный, любящий, или холодный, равнодушный, молчаливый, присутствующий физически и практически отсутствующий психически, или грубый, жестокий, унижающий, отвергающий, обесценивающий, – таким он и будет представлен в бессознательном ее ребенка, словно легкий след или шлейф из ее фантазий.

Если в паре превалируют функциональные отношения, в семье не принято разговаривать друг о друге, интересоваться и наслаждаться общением друг с другом, если нет обыкновения вместе проживать разные события в жизни, обнаруживать инаковость друг друга, значит, таково функционирование психики отца и матери.

Физическое присутствие отца может сопровождаться его психическим отсутствием. Когда отец отвергает ребенка, не слышит его потребности, излишне проецирует на него свою тревогу, страхи, личный опыт, ребенок растет в тени незамеченности, непроявленности и непризнанности. Если у ребенка не будет хватать присвоенных в раннем периоде материнских инвестиций в его Я, то отношения с отцом станут ретравматизацией, будут усугублять расщепление первичного объекта, укреплять слияние с матерью (*Diamond, 2017*).

Есть мнение о том, что психоз является следствием дыры вместо отца. Проявленный отец в психике ребенка привносит разницу полов и разницу

поколений, ощущение границ и своего места. Ребенок осознает, как по-разному звучит голос мамы и папы, как неодинаково его держат на руках и ощущаются их тела. Отец знает и умеет что-то такое, чего не умеет мать, у него есть что-то, чего нет у матери и ребенка. Это становится тайной, непостижимой для ребенка, о ней остается лишь фантазировать, она порождает уважение и покорность.

Развод родителей также может отразиться на процессе формирования репрезентации пары отца и матери. Развод – это расставание матери и отца в реальности. Как минимум он влияет на формирование объекта пары отца и матери, которое зиждется на их сексуальных отношениях, любви и доверии. Ребенку важно находиться в присутствии пары, ощущать свою отдельность от нее, в то же время фантазировать о ней, постепенно встраивая внешний образ во внутренний. Если такого образа не будет у ребенка, то выход из триангуляции будет затруднительным.

Если же развод происходит на ранних этапах развития ребенка, то помимо вышеизложенного затрудняется успешное прохождение описанных стадий. Огромное значение имеет то, как проживают развод родители, насколько сохраняется безопасная и любящая среда вокруг него. Если родители психически не справляются, то это и становится точкой травмы.

Тема травмы развода широко описана в научном пространстве психологии, но практически не уделяется внимание контексту связи развода с репрезентацией пары. При реализации в жизни распада пары ребенок склонен брать на себя ответственность за происходящее в связи с бессознательными противоречиями в его фантазиях, мыслях и ощущениях по отношению к матери, отцу и их паре. Зачастую процесс развода сопровождается снижением родительской функции и уменьшением инвестирования в ребенка, что прерывает ощущение стабильности и безопасности. Это приводит к оцепенению фантазматической работы, проблемам развития психики, застреванию в разных возрастных этапах. Символизация развода становится невозможной из-за сопровождающегося взлома психики под натиском слишком большого количества неконтинируемого возбуждения. Развод становится травмой не от расставания родителей, а от реакции родителей на развод. Развод может означать разное для ее участников, в каждой истории пациента он будет иметь свой смысл и связанность. Также развод существенным образом влияет на процесс становления пары отца и матери, усиливает использование психических защит и препятствует формированию репрезентации пары.

Невозможность формирования репрезентации пары связана с преобладанием деструктивного опыта в самом раннем периоде. В позиции тотальной зависимости от матери репрезентативная способность определяется качеством материнских инвестиций в ребенка и ее собственного психического функционирования.

Процесс становления пары отца и матери не всегда приводит к образованию репрезентации либидинальной пары мужчины и женщины. Отцовские и материнские инвестиции в ребенка поддерживают и отражают их собственное функционирование.

Бессознательное играет важную роль в выборе партнера и динамике отношений. Оно включает в себя глубинные психологические механизмы, формирующиеся на основе ранних опытов и взаимодействий с родителями. Бессознательные представления о паре и отношениях могут определять, какие партнеры кажутся привлекательными, а также поведение в паре. Осознание и понимание бессознательных мотивов и паттернов может помочь в установлении более гармоничных и осознанных отношений.

Возвращаясь к метафоре трехмерного мира, «восприятие глубины» невозможно, если какие-либо одномерные пространства не будут простроены в психике. Если формирование образа отца или матери будет нагружено опытом, который невозможно усвоить, и они окажутся для субъекта ненадежными объектами, тогда репрезентация пары невозможна. Индивид будет строить отношения проективно – как если бы он все еще взаимодействовал с матерью, чья фигура остается эмоционально и психически недоступной. У него не формируется «зрительная способность» – способность воспринимать реальность в ее трех измерениях, ощущать дистанцию и отделенность от другого как условие субъектности.

Самый худший из вариантов – это невозможность построения пары в принципе. На таком уровне функционируют психотически организованные пациенты, они погружены в одномерный мир, где все есть Я, где нет объекта, а значит, есть лишь безымянный ужас и агония страданий. Отношения для субъекта с психотической организацией личности недоступны, неприемлемы и невозможны. Это связано с тем, что опыт зависимости и доверия был настолько сокрушающим и разрушительным, что подобное повторить ни в коем случае нельзя. Одномерный мир пустой, в нем не на что опереться, в нем страшно, одиноко и безвыходно.

Двухмерный мир будет существовать у матери и ребенка с зияющей дырой вместо отца. На этом уровне ребенок не способен сепарироваться и обнаружить другого – отца. Закон отца слабо проявлен, поэтому запрет на инцестуозные чувства к матери не работает. Это представление как бы о паре, но, по сути, репрезентацией пары женского и мужского не является. Субъект с двухмерным бессознательным опытом отношений будет строить их, проецируя мать на партнера. Тогда желание удовольствия от психической и физической близости с противоположным полом сменяется потребностью в утешении, просто в физическом присутствии и функциональных отношениях, в желании дополнить то, что в дефиците.

Взрослому человеку нужна пара, об этом говорит существо биологической природы нашего тела. Но с учетом сложности работы психического аппарата, сложности его формирования и массы предпосылок, которые влияют на его способность функционировать, реализацию желания пары ожидает масса трудностей.

Образ пары формируется в случае успешного решения задач ребенком в каждом из возрастных периодов психосексуального развития. Это происходит, если репрезентация пары есть у отца и матери. Психологическое благополучие во многом зависит от качества и стабильности парных

отношений, поэтому важно учиться устанавливать здоровые и гармоничные связи.

Путь создания психической репрезентации пары непрост, тернист и долг. На представление о паре влияет множество факторов. В том числе реконструкция образа пары отца и матери возможна с помощью психоаналитической терапии, которая позволяет осознать и переработать незавершенные и противоречивые аспекты представления о паре у конкретного индивида.

Для психотерапевтической деятельности очень важно понимать процесс становления пары отца и матери в психическом. Этот вопрос центральный по смыслу и значению для пациентов и психоаналитических исследований. Детальное понимание вопросов формирования репрезентации пары отца и матери в психике помогает осмыслить сложные процессы пациентов и способствует более тонкой, профессиональной работе с их запросами на терапию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винтер Ж.-П. Будущее отца / Пер. с фр. Э. Дюбуа. М.: Когито-Центр, 2021. 178 с.
2. Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца / Пер. с англ. Е. А. Шадрова, Е. А. Перова. М.: Когито-Центр, 2011. 410 с.
3. Diamond M. (2017). The Missing Father Function in Psychoanalytic Theory and Technique: The Analyst's Internal Couple and Maturing Intimacy. *The Psychoanalytic Quarterly*. Vol. 86. No 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1002/psaq.12173> (дата обращения: 18.05.2023).
4. Levy D. (1965). Maternal Overprotection. *Psychiatry*. Vol. 2. No 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00332747.1939.11022265?journalCode=upsy20> (дата обращения: 12.05.2023).
5. Racamier P.-C. (2021) L'inceste et l'incestuel. (Cairn. info) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/l-inceste-et-l-incestuel--9782100810352.htm> (дата обращения: 12.05.2023).
6. Roussillon R. (2002) La capacité d'être seul en présence du couple. Vol. 66. P. 9–20 (Cairn. info) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-psychanalyse-2002-1-page-9.htm&wt.src=pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

«Depth perception», or The way to represent a couple

E. R. Bengina

Bengina Evgeniya R., psychologist, psychoanalytically oriented consultant.

This article describes the process of forming the representation of the father and mother pair in the mental individual. The factors influencing the development of the idea of a father and mother pair throughout the entire process of the existence of the psyche are studied in detail. Special attention is paid to the significance and influence of the mother, father and their couple on the formation of the idea of a couple in the psyche. The paper analyzes the factors influencing the impossibility of forming a representation of a father and mother pair. Among them, the destructive experience in relationships with mother and father, their couple, stands out. The article describes the possible consequences for the subject in the absence of representation of a male and female couple. The relevance of the topic is related to the material and justified. The question of the possible influence of the parents' divorce on the process of becoming a mother and father couple in the mental is also touched upon.

Keywords: representation, couple, father, mother, symbolization, psychosexuality, divorce, trauma, representation, psychoanalysis.

Связь между первофантазмами/фантазмами и структурой личности, а также психопатологией на примере пограничной структуры личности

Е. А. Ружникова

Ружникова Елена Алексеевна – психоаналитический психолог.

Опираясь на теоретические и клинические исследования, автор статьи изучает связь между проявлениями первофантазмов/фантазмов и структурой личности, а также психопатологией. Рассматривается возможность использования анализа первофантазмов и фантазмов как диагностического инструмента для определения типа личности и психопатологии, если она присутствует. Для этого дается определение первофантазмов и фантазмов и различия между ними, проводится краткий обзор основных первофантазмов. Далее рассматривается разница в репрезентациях фантазмов у невротической, пограничной и психотической личности, что помогает лучше понять связь между развитием фантазмов, точкой фиксации и ведущими типами защит. Более подробно рассматриваются проявления фантазмов в разных аспектах у пограничной личности. Для этого анализируются характерные и ведущие фантазмы у нарциссической, зависимой и депрессивной личностей. Основываясь на этих данных, а также на данных, приведенных в клиническом примере, автор делает вывод о связи между проявлением первофантазмов и фантазмов и типом личности, а также о возможности использования анализа первофантазмов в диагностическом процессе терапии.

Ключевые слова: психоанализ, первофантазм, фантазм, репрезентация, структура личности, психопатология.

Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис писали о том, что фантазм – «это термин, означающий воображение, но не столько "способность воображения", сколько воображаемый мир и его содержания» (Лапланш, Понталис, 1985).

Первофантазм – это архаичный фантазм глубоких слоев психики. Первофантазмы представляют собой матрицу психики, прекоцепцию. Они универсальны, связаны с идеями, которые есть у всего человечества. Так, например, общеизвестны мифы о происхождении мира, соблазнении и грехопадении, изгнании из рая и тоске по потерянному раю, жертвоприношении, инициации, пути героя. В первофантазмах (которых всего пять) все эти темы находят отражение. Какие есть первофантазмы?

1. *Первофантазм о возвращении в материнскую утробу.* Смысл его в желании вернуться в потерянный рай, состояние ребенка, находящегося в утробе матери, когда все потребности удовлетворялись немедленно, автоматически.

2. *Первофантазм соблазнения.* Об изначальном соблазнении матерью своего ребенка на жизнь. Также и о соблазнении ребенком своей матери для того, чтобы она любила его и заботилась о нем. В этом первофантазме отражаются мотивы того, как быть соблазняемым и соблазнять. В более широком смысле это про любопытство, про способность увлекаться и увлекать.

3. *Первофантазм кастрации.* В этом первофантазме раскрывается тема лишений, ограничений. Это и про принятие разницы, и про потерю и горевание. Это также и о возможности развития и движения, потому что переход в новое состояние – это всегда потеря старого и опыт горевания по утраченному (Коротецкая, 2021).

4. *Первофантазм «канибалистическая трапеза».* Это социальный первофантазм. Суть его в возможности совместности: идентификации, подражании, копировании. Сюда же относятся мотивы поглощения и выплевывания, непринятия. С этим первофантазмом связаны темы жадности и зависти.

5. *Первофантазм первосцены.* Этот первофантазм включает в себя все остальные первофантазмы. Он об отношениях. Изначально этот первофантазм связан с фантазией ребенка об отношениях родителей, мамы и папы. И, в более широком смысле, описывает отношения в паре, в разных проявлениях (Леви, 2019).

Первофантазмы универсальны, однако у каждого человека они будут проявляться по-разному. Такое индивидуальное окрашивание первофантазмов называется фантазмами. В фантазме есть сюжет. Фантазм – это сценарий. И первофантазмы, и фантазмы бессознательны. Они организуют и структурируют жизнь влечений. Фантазмов может быть много, они могут быть как универсальными, так и индивидуальными.

Обычно мы размышляем о фантазматической жизни пациента, не связывая ее со структурой и типом организации личности. Мне бы хотелось рассмотреть связь между структурой личности и разыгрыванием первофантазмов и фантазмов, а также посмотреть на возможность использования анализа фантазмов как диагностического инструмента.

Теоретическая часть

То, как первофантазмы и фантазмы проявляются в психической структуре человека, зависит от типа фиксации (оральная, анальная, фаллическая стадии), конфликтов, защит. Если сравнивать проявления фантазмов и первофантазмов у невротической, пограничной и психотической личности, то можно заметить, что от невротической к психотической структуре идет уменьшение символического переживания фантазмов и увеличение переживания буквального (Калинина, 2023).

У обладателя невротической структуры личности (точка фиксации находится на фаллической стадии) фантазмы символизированы и разработаны, о них возможно говорить. Присутствует конфликт Сверх-Я, который запускает процесс вытеснения. Вытеснение является основным механизмом защиты, и это делает анализ возможным через возвращение вытесненного в ассоциациях. У человека с психотической структурой фантазмы разворачиваются на телесном уровне. Оральная фиксация психотической структуры означает невозможность создания репрезентаций. Пограничная структура личности находится между невротической и психотической. Точка фиксации – на анальной стадии (частично на поздней оральной и ранней фаллической стадиях). Репрезентации существуют, но они существуют в форме анальных, оральных, иногда фаллических фантазмов. Ведущими механизмами защит у пограничной структуры будут расщепление, отрицание, проективная идентификация.

Мне бы хотелось более подробно остановиться на пограничной структуре личности. Нехватка барьера паравозбуждения у человека с пограничной структурой личности приводит к низкой переносимости тревоги и фрустрации. Нехватки и дефициты приводят к интроекции дефицитарного объекта. Таков внутренний объект у человека с пограничной структурой – функциональный, парциальный, нарциссический. Другого они не видят как отдельного. Символическая функция присутствует, однако развита она недостаточно. В связи со всем вышеизложенным можно рассмотреть, как будут разворачиваться первофантазмы в разных проявлениях пограничной структуры личности.

Нарциссизм

Первофантазм соблазнения чаще всего будет основным. Для нарцисса важно соблазнить, чтобы получить внимание, доказать свое превосходство. Именно для этого он соблазняет. Соблазнить, чтобы лишить человека его собственной воли, чтобы управлять.

Первофантазм о возвращении в материнскую утробу. Этот первофантазм в первую очередь о возможности и способности к регрессу. А человек с нарциссической структурой личности переживает сложности с тем, чтобы регрессировать. Ведь для этого нужно чувство безопасности, нужно позволить себе забрать на время инвестиции из мира и внешних объектов. Но в случае с нарциссической структурой это трудно, потому что они (инвестиции) обеспечивают чувство существования.

Первофантазм «канибалистическая трапеза». В случае с нарциссической структурой личности будет происходить инкорпорирование объектов, поглощение их целиком. Это делает работу горя почти недоступной.

Первофантазм кастрации. У нарциссического пациента этап кастрации не пройден.

Первофантазм первосцены. Обычно представлен фантазмами о поглощении, подчинении, жестокости в первосцене. Часто в этом случае будет проявляться *садомазохистическая* структура личности.

Зависимости

Пациент с зависимым поведением чаще всего травмирован тем объектом, который его разрушал. Поэтому ему необходим объект гарантированный, тот, который будет всегда в доступе, надежный, управляемый. Парадокс в том, что надежный и доступный объект, который находит зависимый пациент (в случае с химическими зависимостями это особенно наглядно видно), будет разрушать его, то есть повторять то, что произошло когда-то с первичным объектом.

Первофантазм о возвращении в материнскую утробу чаще является основным в зависимом поведении (Майн, 2021). Он будет раскрываться как фантазм слияния и поглощения, в стремлении к мгновенному удовлетворению потребностей, стремлении иметь рядом с собой объект, с которым происходит слияние и которым можно управлять.

Первофантазм первосцены предстает в этом случае как отношения с убийственным объектом. Объект обещает, что все даст, но на самом деле убивает.

Первофантазм «каннибалистическая трапеза» выражается в поглощении объекта, проглатывании его, слиянии с ним. В случае с расстройствами пищевого поведения этот первофантазм часто будет определяющим в разыгрывании патологии (например, булимия – это проглатывание объекта и выплевывание его).

Первофантазм соблазнения – это соблазнение объектом, который убивает, а также готовность человека с зависимым поведением поддаться соблазнению.

Первофантазм кастрации – отсутствие третьего. Есть только я и объект и отношения слияния. Этап кастрации не пройден. Нет возможности принимать и понимать ограничения и условия.

Депрессия

Чаще всего пограничной структуре личности свойственна депрессия эссенциальная, при которой присутствует ощущение потери и пустоты, но непонятно, с чем оно связано. Это о ранней потере, которую человек не осознает. Часто эссенциальную депрессию называют безобъектной депрессией, потому что связи с объектом и не было, субъект проживает то-ску по тому, чего не имел.

Первофантазм о возвращении в материнскую утробу может здесь разыгрываться в форме проживания отсутствия себя как такового, отсутствия объекта. В этом случае можно будет увидеть отказ от репрезентации матери вместо репрезентации потери матери. То есть нет представления о потере матери, ребенок от нее просто отказывается, отворачивается.

Если говорить о депрессии меланхолической, то основным разыгрываемым первофантазмом здесь будет *первофантазм «канибалистическая трапеза»*. В случае меланхолической депрессии будет происходить инкорпорация объекта. Тень объекта падает на Я, это делает невозможной работу горя и ведет к меланхолической депрессии.

Приведу клинический пример, в котором также можно увидеть, как на основании анализа первофантазмов и фантазмов возможно определение присутствующей психопатологии.

Клинический пример. Пациентка, 35 лет. На момент обращения в терапию не было работы, отношений. Никогда не была в браке. Про себя говорила, что она творческая личность, мечтала заниматься рисованием. Были трудности с зарабатыванием денег. Находилась в поиске своего идеала мужчины. Ей хотелось встретить мужчину, который понимал бы ее эмоциональные, сексуальные, физические потребности, обеспечивал материально, создавал условия, чтобы она могла реализовываться в творчестве. На момент прихода в терапию прошло четыре года с тех пор, как она вышла из предыдущих отношений. Она оставалась в горевании по поводу расставания, переживала его так, как будто это случилось вчера. В установлении дружеских контактов были трудности. С родителями в детстве и взрослом возрасте были дистантные отношения. Родители, по ее словам, поженились без особой любви и оставались друг с другом из чувства долга.

Если рассматривать этот случай, можно заметить, как раскрываются первофантазмы.

Первофантазм соблазнения. У пациентки были творческие проекты, про которые она с увлечением рассказывала. Однако главной мотивацией в этих проектах было стремление доказать окружающим собственную значимость.

Первофантазм о возвращении в материнскую утробу. Проявление этого фантазма можно увидеть в желании пациентки найти мужчину, который будет полностью, немедленно и автоматически, закрывать ее потребности.

Первофантазм кастрации. Были сложности с принятием ограничений, структуры, иерархии. В ходе терапии не раз обсуждался сеттинг, были трудности с его принятием и соблюдением.

Первофантазм «канибалистическая трапеза». Невозможность идентификаций, выплевывание – это проявлялось в отсутствии социальной жизни и выражении зависти к тем, кто в социуме, кто успешнее.

Первофантазм первосцены. Фантазии об отношениях пары – как фантазии об отношениях ребенка и матери. Происходило стирание первосцены, ее отсутствие. Отношения без любви, по долгу, обязанности.

Итак, анализируя этот клинический пример с точки зрения проявления фантазматической жизни и структуры личности, можно сказать, что у пациентки присутствуют фантазмы, присущие пограничной структуре личности, с доминирующим нарциссическим аспектом, а также есть склонность к эссенциальной депрессии.

Таким образом, на примере представленных теоретического и клинического материалов можно увидеть, что анализ первофантазмов и фантазмов может помогать в понимании личности и выявлении психопатологии, если она присутствует. Он (анализ первофантазмов и фантазмов) может также быть вспомогательным диагностическим инструментом. Применение этого инструмента требует дальнейшего клинического и теоретического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калинина Л. Н.* Фантазм в психоаналитической психотерапии.
2. *Коротецкая А. И.* Кастрация. От фантазма к комплексу // Материалы конференции МПА «Первофантазмы и бессознательные фантазии» от 23–24 октября 2021 года. [Стенограмма].
3. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-В.* Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма / Пер. Н. И. Чельшевой, научная редакция А. В. Россохина. URL: <https://drive.google.com/file/d/1fIha1rIs2ILNirtEiOaZaAlAo45N1a20/view>. (Оригинальный источник: Laplanche J., Pontalis J.-V. *Fantasme originaire, fantasm des origins, origin du fantasm.* Paris, Hachette, 1985).
4. *Леви Ж. М.* Тени и свет бисексуальности // Материалы 79-го конгресса «Психическая бисексуальность, сексуальность и гендеры» с 30 мая по 2 июня 2019 года / Пер. М. В. Каджеджи. Под ред. Л. В. Заева.
5. *Майн Н. В.* Первофантазмы психической вселенной // Материалы конференции МПА «Первофантазмы и бессознательные фантазии» от 23–24 октября 2021 года. [Стенограмма].

The connection between primal fantasies/fantasies and personality structure, as well as psychopathology, using the example of borderline personality structure

E. A. Ruzhnikova

Ruzhnikova Elena A., psychoanalytic psychologist.

Based on theoretical and clinical research, the author of the article explores the connection between manifestations of primal fantasies/fantasies and personality structure, as well as psychopathology. The possibility of using the analysis of primal fantasies and fantasies as a diagnostic tool for determining personality type and the presence of psychopathology is also examined. Definitions of primal fantasies and fantasies are provided, along with a brief overview of the main primal fantasies and an exploration of the differences between primal fantasies and fantasies. The article further discusses the differences in the representations of fantasies among neurotic, borderline, and psychotic personality structures, aiding in a better understanding of the relationship between the development of fantasies, fixation points, and predominant defense mechanisms. The manifestations of fantasies in various aspects of borderline personality are examined in greater detail. Characteristic and leading fantasies in narcissistic, dependent, and depressive personalities are analyzed. Based on this data, as well as data from a clinical example, the author concludes that there is a connection between the manifestations of primal fantasies and fantasies and personality type, as well as the potential for using primal fantasy analysis in the diagnostic process of therapy. Keywords: psychoanalysis, primal fantasy, fantasy, representation, personality structure, psychopathology.

ПСИХОАНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ

Зависимые отношения: перверсия, меланхолия и работа горя в зависимых отношениях

А. Д. Овчинникова

Овчинникова Алена Дмитриевна – психоаналитически ориентированный психотерапевт.

В данной статье автор рассматривает феномен зависимых отношений с точки зрения перверсии: исследование развития психоаналитической мысли позволяет выделить ключевые функции перверсии, среди которых борьба с кастрационной тревогой, ранними фрустрациями и травмами. Применительно к отношениям перверсия рассматривается как подмена, «неосексуальный сценарий» в терминологии Макдугалл, позволяющий субъекту справляться с травмами и фрустрациями. В качестве фундамента отношений исследуется мазохизм, проявляющий себя и в своем моральном аспекте с отсылкой к проблематике эдипального полюса, но также и в качестве способа связать влечения. Роль отношений с первичным объектом в выборе партнера и построении отношений рассматриваемого типа исследуется с опорой на концепцию нарциссической перверсии П.-К. Ракамье. Вопрос о возможных функциях отношений, среди которых нарциссическая целостность, борьба с кастрационной тревогой, а также реализация влечения к интеграции раннего опыта, анализируется в связи с возможностью завершения отношений и последующей работы горя.

Ключевые слова: зависимые отношения, перверсия, мазохизм, моральный мазохизм, нарциссизм, работа горя, меланхолия, симбиотическая связь, мазохизм жизни, мазохизм смерти.

Несмотря на рост гласности, доступности психологической помощи и увеличение общего интереса к внутренним процессам и индивиду как таковому, проблема межличностных отношений и отношений в паре не теряет своей актуальности. По-прежнему складываются пары, в которых один из партнеров мирится с дискомфортом, неудовольствием, а зачастую и насилием, но испытывает серьезные затруднения с завершением отношений. Большой исследовательский интерес вызывают причины формирования и поддержания таких отношений, а опыт неудовольствия, переживаемый в отношениях, ставит вопрос о первертной составляющей последних.

Определяя в работе 1905 года (Фрейд, 2022) перверсию как отклонение от сексуальной нормы в виде выхода за анатомические границы тела, выбора сексуального объекта, а также остановки на промежуточных отношениях, в более поздних работах З. Фрейд расширит понимание перверсии, и на примере фетишизма феномен будет рассмотрен как способ совладания с кастрационной тревогой (Freud, 1928). В дальнейшем развитии психоаналитической мысли явление будет рассматриваться и как способ отрицания первосцены (McDougall, 1972), и как возможность выживания в контакте с перевозбужденным первичным объектом при «крахе отцовской вселенной» (Шассге-Смиржель, 2004), и как устойчивый сценарий, позволяющий справляться с архаичными фрустрациями и стимуляциями. В данном ключе перверсию можно сравнить с принципом навязчивого повторения, в том смысле, что разыгрывание одного и того же сценария позволяет субъекту заменить предыдущую пассивную роль на активную в случае с болезненной травматической ситуацией и тем самым овладеть данной ситуацией. Переживание в активной форме фрустрирующего опыта сравнимо с некой победой, триумфом над этим опытом. К такой трактовке близка по смыслу концепция Столлера, который определяет перверсию как эротическую форму ненависти, способствующую преобразованию детской травмы в триумф взрослого (Столлер, 2016).

Рассматривая перверсию в более широком смысле, можно применить к ней понятие подмены: там, где ребенок сталкивается с отсутствием пениса у матери, он сталкивается и с присутствием пениса у отца, и одним из возможных сценариев является отрицание кастрирующей функции отцовского пениса и галлюцинирование последнего у матери, в противном случае есть риск пережить судьбу матери. Во взрослом возрасте на этом месте может возникнуть фетиш. Мы можем тогда подумать о том, что перверсия здесь не просто разрешает вопрос кастрационной тревоги, она в каком-то смысле стоит на защите целостности субъекта. Рассматривая различные подходы к определению сути явления, среди прочего ученые установили, что ключевыми характеристиками перверсии помимо отрицания кастрации являются отрицание реальности с различием полов, поколений и другими фундаментальными принципами, а также расщепление. И в этом смысле первертный сценарий также отсылает нас к понятию подмены, подмены реальности.

От сексуальной перверсии к перверсии отношений

Перверсия помогает субъекту сконструировать собственную реальность, в которой возможно справиться со всеми ужасами и фрустрациями. Но каким образом концепцию подмены можно применить к области объектных отношений? Что и чем подменяется в таких отношениях?

Поль-Клод Ракамье в своей работе (*Racamier, 2014*) предлагает выделять две категории нарциссических первертов с общей первопричиной перверсии – страхом кастрации. Первая категория, обозначенная как «фаллоидная», отличается активной позицией по отношению к кастрации – субъект кастрирует объект. Кастрация происходит за счет манипуляций, обмана, достижения собственных целей посредством других, другой – лишь инструмент. Личность с ее интересами, чувствами, потребностями не представляет интереса в таких отношениях. Она инвестируется нарциссически с целью поддержания нарциссизма самого субъекта, но вместе с тем ее границы, права и, в сущности говоря, само ее существование отрицаются. И здесь мы можем увидеть то самое отрицание реальности, которое так свойственно перверсии. Говоря о перверсии в таких отношениях, мы говорим о самой форме функционирования.

Некоторую схожесть в построении объектных отношений мы можем обнаружить и в моральном нарциссизме (Грин, 2009) с его использованием объекта для поддержания объектного минимума Я и вместе с тем морального удовлетворения от этого объектного минимума – от отказа: «Но, как говорит З. Фрейд, "саморазрушение не может совершаться без либидинозного удовлетворения". Какое же удовлетворение находит моральный нарциссист в своем обеднении? Чувство, что он становится лучше с помощью отказа, – основа человеческой гордыни. Это не может не напомнить отношения между этой клинической нарциссической формой и первоначальным нарциссизмом детства в его связи с аутоэротизмом. Если З. Фрейд смог сказать, что мазохизм ресексуализирует мораль, мы хотим в продолжение добавить: нарциссизм превращает мораль в аутоэротическое наслаждение, в котором могущественность саморазрушится» (Грин, 2009, с. 268). В клинике зависимых отношений мы сталкиваемся с проявлением морального нарциссизма в фантазиях о спасении или же служении, позволяющих воспринимать отношения как высшую цель, как смысл жизни.

В приведенных выше примерах мы видим особое отношение к объекту, характеризующееся, с одной стороны, нарциссическим типом инвестирования, а с другой – ограничивающее роль объекта до функционального минимума. Такая характеристика отсылает к вопросу качества отношений с первичным объектом и роли последних в формировании такой нарциссической реальности в актуальном. Винникотт подчеркивал важность материнского ответа, который, как зеркало, отражает внутреннее состояние, аффекты ребенка, позволяя таким образом идентифицировать себя и конструировать свою цельность (Винникотт, 2002). Рене Руссийон, продолжая размышления Фрейда и Винникотта, обратит особое внимание на функцию объекта в построении Я субъекта, настаивая на его ответе на

либидинальные движения субъекта. Опыт зависимых отношений наводит на размышления о травмах и психических лакунах, о соблазнении, чрезмерной фрустрации, столкновении с ситуацией «страдания и выживания в парадоксах» (Ракамье, 2005) и иных девиациях поведения первичного объекта, которые во взрослом возрасте могут трансформироваться в причину тревоги аннигиляции. Отсутствие должного ответа на деструктивные импульсы раннего периода может рассматриваться как один из факторов развития патологической структуры, в которой главную роль возьмет на себя деструктивный нарциссизм. Целью нормального развития является связывание деструктивных элементов, производных от инстинкта жизни, во избежание переполнения объекта последними, при деструктивном нарциссизме мы можем столкнуться с направлением деструкции на себя: «Эти, как правило, всемогущественные, формы организации оказывают иногда открытым, но чаще скрытым образом мощное деструктивное воздействие; они направлены против жизни и разрушают связи между объектами и самостью, атакуя или убивая части самости, но они также деструктивны по отношению к любым хорошим объектам и пытаются обесценить и устранить их как объекты значимые» (Розенфельд, 2008). Проявление патологии нарциссизма может проявляться и в самом выборе объекта – идеализированного и недоступного, за чем можно увидеть спроецированное грандиозное Я. Таким образом такие отношения и ответ, похожий или идентичный ответу первичного окружения, влияют на нарциссическую целостность исследуемого. Аспект зависимости в отношениях такого рода может быть рассмотрен как стремление субъекта к слиянию со своим партнером, что наводит на мысль о фиксации на прегенитальной стадии и недифференцированным родительским имаго. Но вместе с тем возникает вопрос: на стороне жизни или на стороне смерти такие отношения? И для того, чтобы исследовать этот вопрос, необходимо обратиться к понятию мазохизма.

Роль мазохизма в зависимых отношениях

В развитии своей психоаналитической мысли Фрейд много места уделял исследованию мазохизма. Характеризуемый первоначально наравне с садизмом как перверсия, в работе 1919 года предмет его исследования был определен уже эдиповым комплексом: анализ детских фантазий об избииении привел автора к выводу об универсальности мазохистской фантазии с отличием в том, что в случае с девочками она отсылает к позитивной эдипальной установке, а в случае с мальчиками, где происходит смена активной позиции на пассивную по отношению к избивающему лицу, – к негативной установке. Стремление быть избитым рассматривается как наказание за свои инцестуозные желания. В этой статье по-прежнему постулируется первичность садизма над мазохизмом, но при этом вводится условие превращения одного в другое – чувство вины (Фрейд, 2006а).

Вторая теория влечения вносит серьезные изменения в понимание мазохизма: определяя влечение как психосоматическую единицу (Фрейд, 1998), Фрейд тем самым задает вектор размышлений, согласно которым первым источником либидо является либидинальное совозбуждение, то есть то, что продуцирует сам организм вследствие естественных процессов, и для того, чтобы справляться с натиском возбуждения и не допустить нулевого уровня, а значит, смерти, необходимо первичное связывание. Так, Я изначально по своей природе мазохистическое, а то, что позволяет выдерживать неудовольствие, фрустрации и, по сути, связывать влечение к жизни и влечение к смерти, в терминологии второй теории влечения является не чем иным, как первичным эрогенным мазохизмом. Таким образом, Фрейд уравнивает первичное связывание двух влечений и первичный эрогенный мазохизм и выводит понятие мазохизма за рамки исключительно перверсии. Разрабатывая классификацию форм мазохизма в работе 1924 года «Экономическая проблема мазохизма», он будет подчеркивать образующую функцию эрогенного мазохизма в женском и моральном. Сутью морального мазохизма являются страдания, не находящие своей целью сексуальное удовлетворение. Эти страдания носят бессознательный характер и лучше всего проявляются в терапии в виде негативной терапевтической реакции. Фрейд связывает моральный мазохизм с эдиповым комплексом, при ресексуализации которого возникает бессознательное чувство вины. По сути, это потребность в наказании «от рук родительской силы». Помимо прочего моральный мазохизм является свидетельством существования двух видов влечений: с одной стороны, сила влечений извне, с другой стороны – совесть и мораль, возникшие благодаря эдипову комплексу и его ресексуализации, которая вынуждает Я сдерживать напор влечений, направляя агрессию на себя: «Таким образом, моральный мазохизм становится классическим свидетельством в пользу существования смешения влечений. Его опасность заключается в том, что он происходит от влечения смерти, соответствует той его части, которая избежала обращения вовне в качестве некоего разрушительного влечения. Но поскольку он, с другой стороны, имеет значение и какой-то эротический компонент, то даже саморазрушение личности не может происходить без либидинозного удовлетворения» (Фрейд, 2006b).

Линию размышлений Фрейда продолжает Б. Розенберг (Розенберг, 2018). Сопоставление морального мазохизма с чувством вины приводит его к выводу о том, что чувство вины связано со Сверх-Я, в то время как моральный мазохизм связан с Я, которое само пытается получить наказание от Сверх-Я, и в этой точке рождается удовольствие, которое позволяет перенести вину вследствие ее эротизации, т. е. мазохистического инвестирования. В этом и состоит, по мнению автора, некая хитрость морального мазохизма, который сохраняет видимость чувства вины вместе с реальным мазохистическим удовольствием, соединяя в этом смысле невротическую и перверзную стороны.

Исследование мазохизма получило свое развитие не только с точки зрения влеченческой теории и конфликта инстанций. Ряд психоаналитиков предпринял попытку включить мазохизм в контекст характера.

Особое внимание заслуживает работа представителя американского психоанализа Арнольда Купера, в которой рассматривается нарциссически-мазохистический характер (Cooper, 2013). В работе подчеркивается тесная взаимосвязь нарциссизма и мазохизма, черты которого являются, по мнению Купера, реакцией на нарциссические раны раннего периода и позволяют сгладить нарциссическую патологию во взрослом возрасте. Автор выделяет несколько ключевых свойств такого характера, как-то: объектно-ориентированные аспекты мазохизма, выражающиеся в занятии позиции жертвы с целью получения ощущения контроля со стороны другого; аффективный компонент мазохизма, выражающийся в стремлении к принятию мучительных обстоятельств и избеганию приятных переживаний; нарциссический компонент мазохизма, выражающийся в исключительности своих страданий. Сюда же относится и чрезмерно жесткая роль Сверх-Я, при содействии которой субъект может впасть в депрессию даже при незначительной неудаче. По мнению автора, суть мазохизма состоит в желании быть нарциссически уязвленным и униженным.

Линию размышлений Купера относительно мазохистических черт характера продолжает и Мейерс (Meyers, 2013), но в своей работе она также рассматривает мазохизм как некую разновидность объектных отношений, в которых субъекту удается получить любовь от интроецированного агрессивного объекта путем страдания. В данном случае речь идет о том, что мазохизм – буквально фундамент этих объектных отношений и, если его не будет, – объект уйдет.

Объектные отношения как предмет исследования в контексте мазохизма стали основным вектором размышления Бернхарда Берлинера (Berliner, 1958). Автор обращается к более ранней идее Фрейда, согласно которой мазохизм – это пассивный садизм с уточнением, что поворот садизма на себя в чистом виде не является мазохизмом. В своей работе автор в центр помещает объект, тем самым подчеркивая его первичность над целью: объект, причинявший боль и страдания, впоследствии требует любви, выражающейся патологическим способом. По мнению Берлинера, ни эдипов комплекс, ни страх кастрации не дают в полной мере объяснения для чувства вины и потребности в наказании, сопровождающих мазохизм, ведь в данном случае и то, и другое вторичны по отношению к зависимости от объекта и вместе с тем защищают от конфликта, выстроенного вокруг инфантильной потребности в любви, и опытом страдания от объекта любви. В этой сложной констелляции либидо субъекта сочетается с садизмом любовного объекта. Ребенок в силу своего опыта воспринимает страдания, жестокость как любовь, интроецируя в себя. Будучи либидинизированной, эта жестокость является защитой от страдания, и тогда очевидной становится защитная функция мазохизма.

Для объектных отношений мазохизм является неудачной попыткой изменить внутреннее устройство отношений, изначально выстроенных с предлогом «против» вместо предлога «с». Навлекая на себя неприятности, занимаясь самобичеванием и саморазрушением, мазохист хочет получить любовь объекта и вместе с тем наказать его, ведь точно так же это переживалось в детстве, в силу вступает механизм идентификации с

агрессором, предложенный Ференци (Ференци, 2008). Указанный механизм позволяет субъекту почувствовать свое право на выражение агрессивных тенденций по отношению к любимому объекту, ведь это повторяет поведение этого объекта и, соответственно, не может не найти одобрения. Возникает вопрос о личности самого субъекта, которая по сути заменяется. Такая идентификация с карающим объектом любви, по мнению Берлинера, и есть то, что Фрейд называл поворотом против себя – это не собственный садизм Я, а садизм любимого объекта.

Обращаясь к вопросу зависимых отношений, мазохизм можно рассмотреть как некий фундамент таких отношений, что объясняет во многом феномен зависимости. Можно предположить, что зависимые отношения могут являться для субъекта разновидностью игры с катушкой, в которой субъект постоянно возвращается к ситуации первичной фрустрации или травмы и отношения являются способом интегрировать такой опыт.

Часто в таком типе отношений встречается партнер с зависимостью, и в таком случае данный вид отношений стоит рассматривать как воспроизведение ситуации триангуляции, в которой моральный мазохизм партнера выступает связующим звеном отношений.

В ином варианте можно рассматривать зависимые отношения как «аутосадизм», к которому прибегает субъект с целью наказания себя. Придерживаясь линии размышления Розенберга в данном вопросе (Розенберг, 2018), можно предположить, что речь идет о догенитальном чувстве вины, связанном с ранним опытом проявления деструктивных влечений.

М. Хан писал о том, что во всех мазохистских фантазиях или практике всегда есть ядро психической боли, которая была прожита и потеряна (*Khan, 1981*), и в этом смысле можно полагать, что зависимые отношения являются довольно странной констелляцией, в которой есть место боли и удовольствию от этой боли, на страже которого и стоит мазохизм. Возвращаясь к обозначенной концепции подмены, мазохизм выступает в роли некоего агента этой подмены, который позволяет оставаться на стороне удовольствия тому, что соткано из неудовольствия.

Психоаналитическая концепция работы горя и меланхолии

В 1917 году выходит статья, содержащая взгляды З. Фрейда на основополагающий психический процесс – горевание (Фрейд, 1917). Фрейд исследует данный процесс в концепции «работы», рассматривая происходящее на разных уровнях: динамическом, топическом, экономическом. Находясь еще во власти первой топики, автор тем не менее уже приближается к инстанциям, положившим основу для второй. В работе рассматривается принципиально противоположная реакция на потерю объекта: в одном случае речь идет о нормальном течении, в другом – о патологическом. Имея доступ к сознанию, работа горя опирается на реальность, в которой объект утерян, и главной целью работы является вернуть все инвестированное ранее либидо обратно. Наградой за такой трудоемкий и крайне болезненный процесс для Я является освобожденное либидо,

которое вновь можно инвестировать. Ровно противоположный процесс встречается при меланхолии: вместо сложного и болезненного процесса отделения и реинвестирования – проблема неотделимости. В своей работе Фрейд не ставил вопрос именно об отделимости, но он (вопрос) происходит сам из типа инвестирования объекта при меланхолии. Если в случае с горем либидо в процессе изымается, то в случае с меланхолией такое изъятие относится к вопросу выживания, ведь дезинвестиция объекта, инвестированного нарциссически, равносильна дезинвестиции себя. Решение находится в идентификации с утерянным объектом: с одной стороны, либидо возвращается субъекту, с другой стороны, идентификация приводит к конфликту инстанций. На сцене этот конфликт выражается в виде самоупреков, повышенной критики, «обеднения Я», а за кулисами речь идет о нападении критической инстанции, которая во второй топике станет Сверх-Я, на Я, идентифицированное с объектом. Именно поэтому при меланхолии возникает такой странный феномен: субъект получает дополнительное нарциссическое либидо, вместе с тем возможен суицид – как попытка уничтожить тот самый ненавистный объект.

Рене Руссийон обращается к качеству объекта в вопросе различий горя и меланхолии: по мнению аналитика, при горе мы имеем дело с утраченным объектом, при меланхолии – с разочаровывающим, и он как тень падает на Я (Руссийон, 2023). Фрейд подчеркнет в упомянутой работе 1917 года, что Сверх-Я при меланхолии направит буквально весь садизм на борьбу с Я, по сути выставляя против него чистую культуру инстинкта смерти и таким образом приводя в меланхолическое ядро.

Идеи Фрейда относительно горя и меланхолии нашли свое развитие в работе Розенберга (Розенберг, 2018). Автор настаивает на концепции «работы меланхолии», определяя специфичность данного процесса посредством введения свойства отделимости, связанного с проработкой способа инвестирования объекта и движением по направлению к объектализации либидо. Розенберг полагает, что меланхолия обладает функцией связывания влечений: интроекция позволяет субъекту переживать садизм и направлять его на интроецированный объект, реализовывая таким образом и самообвинение, и атаку на объект. Впоследствии устоявшаяся интроекция развивается в идентификацию с садлируемым объектом, а присоединившееся чувство вины позволяет пережить судьбу влечений и превратить аутосадизм в мазохизм. Отмеченный переход важен для экономической стороны процесса меланхолии: конфликт амбивалентности, возникающий при меланхолии, по своей сути является конфликтом двух влечений, при котором Сверх-Я выступает на стороне влечения смерти. Упомянутый переход позволяет связать влечения не в последнюю очередь благодаря либидо, получаемому Я от объекта. Таким образом связь садизма и мазохизма находит свое место и в меланхолии.

Работа горя и меланхолии в зависимых отношениях

Ранее были рассмотрены различные аспекты зависимых отношений, в том числе качество отношений с первичным объектом, нарциссический

аспект, роль третьего и иные. Исследование феномена зависимых отношений в его различных проявлениях ставит вопрос о меланхолии в случае завершения таких отношений. Данное предположение имеет под собой несколько аспектов:

– нахождение в таких отношениях создает зачастую для субъекта «качели» неопределенности: любовь сменяется ненавистью, мир – войной, улыбки – слезами. Безусловно, субъект может подмечать особенности таких отношений, но отдает ли он себе отчет в том, почему ему так важно на этих «качелях» кататься? Проживание такого опыта воспринимается как естественный процесс чередования влечений, который связывается мазохистическим ядром. Говоря о субъекте, который страдает в таких отношениях, кажется справедливым предположить нарциссический тип инвестирования объекта и соответствующие сложности с отделяемостью такого объекта. Континуум таких отношений можно определить как поддерживающую силу субъекта;

– вопрос слияния с объектом в отношениях наталкивает на размышления об уровне функционирования субъекта, актуализируя вопрос сепарации. В случае с зависимыми отношениями можно предположить, что субъект функционирует на догенитальном уровне, с преобладанием первичных защит. Потеря объекта может спровоцировать еще больший регресс к орально-каннибалистической стадии, с «поглощением» субъекта, ведущий к трудностям с отделением;

– если рассматривать зависимые отношения как связывающую функцию для деструктивности субъекта, то можно предположить, что разрыв отношений приведет к еще большему развязыванию влечений, возврату деструктивных аспектов в Я, отщеплению части таких аспектов в и без того строгое Сверх-Я, и в этом смысле речь может идти уже о мазохизме смерти (Розенберг, 2018), бушующем Я в стремлении уничтожить объект и отказаться от объектного удовлетворения вообще. Деструкция в этом случае может привести к провалу меланхолии в виде суицида.

Вместе с тем нельзя не отметить и возможность для иного сценария. Говоря о моральном мазохизме, мы сталкиваемся с иной топической конфигурацией: Я само занимает активную позицию в вопросе наказания и страдания, пытаюсь получить их от Сверх-Я за свои инцестуозные желания. Вместе с тем для морального мазохизма свойственно эротизированное чувство вины. Рассматривая постулат Фрейда о первичности эрогенного мазохизма, можно предположить, что ресексуализацию эдипового комплекса, скрывающуюся за зависимыми отношениями, субъект может разрешить путем горевания.

Таким образом, в вопросе разрешения зависимых отношений представляется возможным развитие и путем работы горя, и путем меланхолии. Определяющими факторами в данном случае выступает суть зависимых отношений, роль мазохизма в них, что в свою очередь характеризует уровень функционирования субъекта, степень интеграции Супер-Эго, фиксации, конфликты и травмы и позволяет предположить благоприятный исход таких отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Д.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2002. С. 288.
2. *Грин А.* Моральный нарциссизм // Психоаналитические концепции нарциссизма / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновна. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2009. С. 538.
3. *Ракамье П.* Страдать и выживать в парадоксах // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер. 2005. С. 544–556.
4. *Розенберг Б.* Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.
5. *Розенфельд Г.* Деструктивный нарциссизм и инстинкт смерти // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4.
6. *Руссийон Р.* Меланхолическое ядро при нарциссических расстройствах // Материалы семинаров Р. Руссийона «Элементы психоаналитической техники». Москва, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах. Сентябрь 2023 г. [Стенограмма]
7. *Столлер Р. Дж.* Перверсия: эротическая форма ненависти. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2016.
8. *Ференци Ш.* Путаница языков взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 3.
9. *Фрейд З.* Горе (печаль) и меланхолия. 1917 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/articles/classic08.htm>.
10. *Фрейд З.* Влечения и их судьба // З. Фрейд. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб., Алетейя. 1998.
11. *Фрейд З.* Ребенка быют // З. Фрейд. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. Навязчивость, паранойя и перверсия. М.: Фирма СТД, 2006а.
12. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма // З. Фрейд. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: Фирма СТД, 2006б. С. 2003–2008.
13. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Спб.: Азбука, 2022. 224 с.
14. *Шассге-Смиржель Ж.* Садомазохизм в перверсии: некоторые размышления о разрушении реальности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 4.
15. *Berliner B.* (1958). The role of object relations in moral masochism. The Psychoanalytic Quarterly. Vol. 27. No. 1. С. 38–56.
16. *Cooper A. M.* (2013). The narcissistic-masochistic character. In Masochism: Current Psychoanalytic Perspectives. Routledge. P. 117–138.
17. *Freud S.* (1928). Fetishism. The International Journal of Psycho-Analysis. Vol. 9. P. 161.
18. *Khan M. M. R.* (1981). From masochism to psychic pain. Contemporary Psychoanalysis. Vol. 18. No. 3. P. 413–422.
19. *McDougall J.* (1972). Primal scene and sexual perversion. The International Journal of Psycho-Analysis. Vol. 53. P. 371.

20. *Meyers H.* (2013). A Consideration of Treatment Techniques in Relation to the Functions of Masochism. *Masochism: Current Psychoanalytic Perspectives.* (Ed. by R. A. Glick, D. I. Meyers). Routledge. P. 185–198.
21. *Racamier P.-C.* (2014). On narcissistic perversion. *The International Journal of Psychoanalysis.* Vol. 95. No. 1. P. 119–132.

Dependent Relationship: Perversion, Melancholia, Work of Mourning in the Dependent Relationship

A. D. Ovchinnikova

Ovchinnikova Alena D., psychoanalytically oriented psychotherapist.

In this article, the author considers the phenomenon of dependent relationships from the point of view of perversion: a survey of psychoanalytic ideas allows us to distinguish key functions of perversion, including the strife against castration anxiety, early frustrations and injuries. For the purposes of the subject of research, perversion is seen as a substitution, a "neosexual scenario" in McDougall terminology, allowing the subject to deal with injuries and frustrations. As the foundation of relations, masochism is investigated, manifesting itself in its moral aspect with reference to the problem of the Oedipus, but also manifesting itself as a way to connect drives. The role of relationships with the primary object in choosing a partner and building relationships of the type under consideration is investigated based on the concept of narcissistic perversion by P.-C. Racamier. The question of the possible functions of the relationship, among which narcissistic integrity, the strife against castration anxiety, as well as the implementation of the drive to the integration of early experience is analyzed in connection with the possibility of ending the relationship and the subsequent work of mourning.

Keywords: dependent relationships, perversion, masochism, moral masochism, narcissism, work of mourning, melancholy, symbiotic relationship, life masochism, death masochism.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ КОУЧИНГ

Применение методов психоаналитического консультирования для работы с феноменом самозванца

А. Ю. Раковская

Раковская Анна Юрьевна – психоаналитически ориентированный консультант и коуч, эксперт по работе с внешними контрагентами (GR, СМИ) в области металлургии.

Статья посвящена исследованию проблематики феномена самозванца в психоаналитическом консультировании и коучинге: рассматривается психологическое явление, при котором человек не способен присвоить свои достижения и страдает от постоянного страха быть обнаруженным в качестве «обманщика». Автором проведен анализ подходов к изучению феномена самозванца, рассмотрены его основные проявления, причины возникновения. Выявлена связь феномена самозванца с проблематикой нарциссизма и депрессии. Исследованы проявления феномена в рамках организации, приводятся два кейса из личной практики. По итогам исследования подтверждается гипотеза, что применение психоаналитического метода консультирования и коучинга позволяет запустить рефлекссию у клиентов и осознание внутреннего переживания, вызванного проявлениями феномена самозванца, что позитивно сказывается на их самооценке. Данный подход является эффективным как при индивидуальной работе с клиентами с выраженным феноменом самозванца, так и в формате групповой работы в рамках организации.

Ключевые слова: феномен самозванца, нарциссизм, детско-родительские отношения, самооценка, обесценивание, депрессия, идентичность, сопротивление, психоаналитическое консультирование.

Введение

Для любого из нас большое значение имеет психологическое благополучие, или, простыми словами, душевный комфорт. Он включает в себя ощущение целостности и внутреннего равновесия, и здесь важно отметить, что это еще и способность воспринимать и оценивать собственную самореализацию относительно имеющегося потенциала (Ryff *et al.*, 2008).

Для его обеспечения необходим комплекс внутренних ресурсов личности, помогающих осознавать препятствия внешнего характера. К сожалению, многие люди не располагают таковыми. Одним из таких препятствий в достижении психологического благополучия может стать феномен самозванца, чаще в статьях и литературных источниках упоминающийся как «синдром самозванца». Феномен самозванца не медицинский диагноз, а психологическое явление, при котором человек не способен присвоить свои достижения и страдает от постоянного страха быть обнаруженным в качестве обманщика. И в первую очередь феномен не позволяет оценивать себя объективно.

Появление этого термина относится к 1978 году и связано с именем П. Клэнс, которая выявила его в ходе терапии женщин. Она определила его как «внутреннее переживание интеллектуальной фальшивости», присущее людям, которые не могут интернализировать свой успех (Clance, 1985).

В терминах Манфреда Кетс де Вриса (Vries, 1990), который изучал в том числе феномен обмана, такие индивидуумы являются невротическими самозванцами, поскольку испытывают субъективный опыт мошенничества. Имеющиеся успехи и достижения они объясняют везением или случайностью и постоянно испытывают страх разоблачения. В случае высоких достижений они сами их обесценивают, поскольку чувствуют, что недостойны награды. Все эти процессы протекают в сфере бессознательного и не позволяют адекватно оценивать себя.

Эти чувства могут способствовать усилению тревоги, а в отдельных случаях депрессии, снижению карьерных рисков и выгоранию.

Одним из основных факторов, влияющих на формирование феномена, является динамика детско-родительских отношений, наличие сиблингов. Например, родители проецируют желаемый образ на ребенка, и в отсутствие возможности долго сопротивляться он вынужден выстраивать защиту от этих сверхожиданий, тем самым становится зависим от оценки окружающих, формирует искусственное Я. Немаловажную роль играет общество, в котором растет и развивается ребенок: недостаток внимания со стороны взрослых, буллинг в среде сверстников, встроенность в иерархическую систему и даже религиозные убеждения могут также влиять на формирование самооценки. Эти факторы позволяют понять психоаналитическому консультанту или коучу, что происходит в бессознательном.

В терминах классического психоанализа (Фрейд, 2012) Я испытывает колоссальное давление Сверх-Я. Будучи вытесненным в бессознательное, данный конфликт трансформируется в спектр проявлений феномена самозванца.

То, что человеку с феноменом самозванца необходима сторонняя оценка, роднит это явление с нарциссизмом. В основе его возникновения в детстве лежат три типа воспитания: чрезмерная похвала даже за нереальные достижения, систематическое обесценивание или реализация родителей за счет ребенка. В результате, став взрослым, человек никогда не бывает удовлетворен конечным результатом, даже при внешнем успехе. Нарциссическая личность часто осознает свою хрупкость, которая зависит от самооценки, и всеми силами старается избежать обстоятельств, в которых она снижается, поэтому редки случаи, когда нарциссичные клиенты остаются надолго в работе.

Как показало проведенное исследование, применение психоаналитического метода консультирования и коучинга позволяет повысить эффективность индивидуальной работы с клиентами, запустить рефлексии и осознание внутреннего переживания, вызванного проявлениями феномена самозванца, что позитивно сказывается на самооценке и самоценности и, как следствие, помогает по-новому адаптироваться в профессиональной и личной жизни.

Концепция формирования феномена самозванца

Феномен самозванца не является признанным психическим расстройством: не фигурирует в Диагностическом и статистическом руководстве Американской психиатрической ассоциации, не указан в качестве диагноза в Международной классификации болезней (десятая редакция, МКБ-10). По данному официально не признанному клиническому диагнозу нет систематического обзора. Соответственно, у клиницистов отсутствуют данные о распространенности, сопутствующих заболеваниях, методах диагностики и лечения (*Bravata et al.*, 2020).

Исследователи и ученые не выработали окончательное мнение о том, является ли феномен самозванца личностной характеристикой или это проявляющееся в различной степени аффективное состояние. П. Клэнс (*Clance et al.*, 1978), например, считала, что это не патологическая саморазрушительная болезнь, а мешающая психологическому благополучию личностная особенность. Р. Макэлви и Т. Юрак (*McElwee et al.*, 2010) полагали, что это аффективное состояние. Л. И. Булгакова рассматривает феномен как социальный дискурс, предписывающий быть успешным в обществе (Булгакова, 2018).

В литературе рассматриваемый феномен встречается как синдром самозванца. Он подразумевает перцептивное искажение идентичностей личного и профессионального характера, которое выражается в отрицании успеха и собственных способностей (Садыкова, 2018). Вместе с тем существуют работы, где данное явление характеризуется как феномен самозванца.

Авторы, предпринимающие попытки провести систематические обзоры литературы по описанной проблеме, утверждают, что исследователи склоняются к определению явления как феномена, а непрофессиональные авторы – как синдрома. Поэтому в первом случае изучаются эмпирические данные, во втором – даются советы, как управлять состоянием самозванца (*Bravata et al.*, 2020).

Другие полагают, что те авторы, которые используют понятие «синдром самозванца», больше ориентируются на дисфункцию, которая относится к медицинской тематике (*Feenstra et al.*, 2020).

Если объединить существующие воззрения на феномен самозванца, можно отметить, что, когда его выявляют, он обычно сопровождается другими психологическими проблемами, такими как депрессия и тревожность. Кроме того, самозванец демонстрирует трудоголизм, который приводит к истощению и увеличивает риск эмоционального выгорания. Награды и признание за работу всегда связаны с беспокойством, стрессом и проблемами баланса между работой и личной жизнью, из-за чего самозванец считает и то и другое нежелательным (*Joshi et al.*, 2018).

Среди наиболее известных определений термина – то, которое дали П. Клэнс и С. Аймс (*Clance et al.*, 1978). Они полагали, что данный феномен относится к людям, которые считают себя неадекватными и не верят в свои способности даже при наличии компетентности, достижений и квалификации.

Другими известными авторами, рассматривавшими феномен самозванца, являются Дж. Харвей и С. Кац (*Harvey et al.*, 1985). Они считали его психологическим паттерном, возникающим при взаимодействии человека с задачами с оцениванием. В этих условиях у «самозванцев» проявляются одновременно такие черты, как страх разоблачения, вера в обман окружающих и невозможность объективно оценивать свои собственные достижения.

Предпринимались попытки классификации «самозванцев» (*Harvey*, 1981). Однако они были основаны на теоретических предположениях, а не на эмпирических данных.

А. Тейлор в рамках философского направления выделила 90 черт «самозванцев», которые распределила по трем категориям: «самозванец-ребенок», «самозванец-подросток» и «самозванец-взрослый» (*Taylor*, 2009).

М. Леонхардт с коллегами (*Leonhardt et al.*, 2017) попытались классифицировать личностей с феноменом самозванца на основании исследования 242 руководителей (36,77% женщины) с опытом от одного года посредством онлайн-анкетирования.

В ходе исследования оценивались такие демографические переменные, как возраст, пол, тип занятости, продолжительность опыта руководства и количество сотрудников. Среди использованных инструментов – шкала феномена самозванца CIPS, шкала базовой самооценки CSES, опросник депрессивных состояний, вызывающих тревогу, STADI, многомерная шкала перфекционизма Фроста, шкала прокрастинации Такмана, шкала раздражения IS.

В результате исследования были выделены две группы личностей с феноменом самозванца (*Leonhardt et al.*, 2017):

1. Реальные «самозванцы» (высокий уровень тревожности, отрицательные эмоции при минимуме положительных, низкая самооценка, высокая степень перфекционизма и прокрастинации, высокий стресс и напряжение в работе).

2. Стратегические «самозванцы» (отсутствие тревожности, склонности к дисфорическим настроениям, положительные эмоции, тенденция к положительной самооценке, отсутствие высоких стандартов и прокрастинации, а также стресса в работе).

Достаточно известной является классификация «самозванцев» 3. Янг. Она предлагает несколько типов, среди которых:

– Эксперт. Он не будет чувствовать себя удовлетворенным при завершении задания, пока не ощутит, что знает все о предмете. Время, потраченное на поиск информации, может затруднить выполнение задач и проектов.

– Перфекционист. Он испытывает высокий уровень беспокойства и сомнений, особенно когда ставит перед собой экстремальные цели, которых не может достичь. Перфекционист сосредоточивается на тех сферах, в которых он мог бы добиться большего, вместо того чтобы радоваться своим достижениям.

– Прирожденный гений. Быстро и легко овладевает многими новыми навыками и может чувствовать стыд и слабость, когда сталкивается со слишком трудной целью.

– Солист, или яростный индивидуалист. Предпочитает работать в одиночку, опасаясь, что обращение за помощью покажет некомпетентность. Он может отказаться от помощи, пытаясь доказать свою значимость.

– Супермен. Часто преуспевает благодаря чрезмерным усилиям, например трудоголизму. Это нередко приводит к выгоранию, что может повлиять на физическое и психическое благополучие, а также на отношения с другими людьми (*Young*, 2011).

Все рассмотренные данные свидетельствуют о том, что термин «феномен самозванца» до конца не сформирован и требует дополнительного изучения. Это относится и к современным исследованиям, которые в большей степени посвящены изучению феномена в бизнесе, о чем речь пойдет далее.

Основные проявления феномена

Основные проявления феномена самозванца были детально описаны в работе П. Клэнс, которая решила рассмотреть его комплексно и определила следующие его характеристики, которые потенциально могут возникать у личности:

- цикл импостора,
- необходимость быть особенным или самым лучшим,
- эффект супермена/суперженщины,
- страх неудачи,

- отказ от компетентности и дисконтирование похвалы,
- страх успеха и чувство вины при достижении его.

Если расписать указанные характеристики, можно отметить, что цикл включает связь внешних влияний, реакций и шаблонов перцептивного характера. Схематически его можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Цикл импостора представляет собой определенный шаблон поведения, в котором присутствуют действия, реакции и объяснение результата. Это указывает на то, что в нем задействованы три сферы: эмоциональная, интеллектуальная и волевая. В основе данного цикла лежит неуверенность в себе, что провоцирует высокий уровень тревожности при столкновении с новой задачей. Положительным моментом является то, что П. Клэнс смогла показать структуру данного цикла. Это облегчает понимание происходящего с личностью и выработку путей терапии.

Вторая характеристика феномена самозванца относится к потребности быть лучшим по сравнению с другими. На первом этапе эта позиция соблюдается, однако в дальнейшем, по мере осознания того, что данный человек не исключителен, он перестает замечать собственные таланты и даже может считать себя глупым. В результате получаются еще две реакции.

Третья характеристика, эффект супремена/суперженщины, относится к идеальному выполнению действий во всех сферах жизни и установлению высоких стандартов, зачастую нереализуемых. Итогом являются разочарование и низкая самооценка из-за невозможности достичь поставленных целей.

Четвертая характеристика – страх неудачи, которым определяется любое действие «самозванца». Зачастую данный мотив приводит к ситуации, когда, чтобы быть уверенной в отсутствии неудачи, личность склонна переусердствовать.

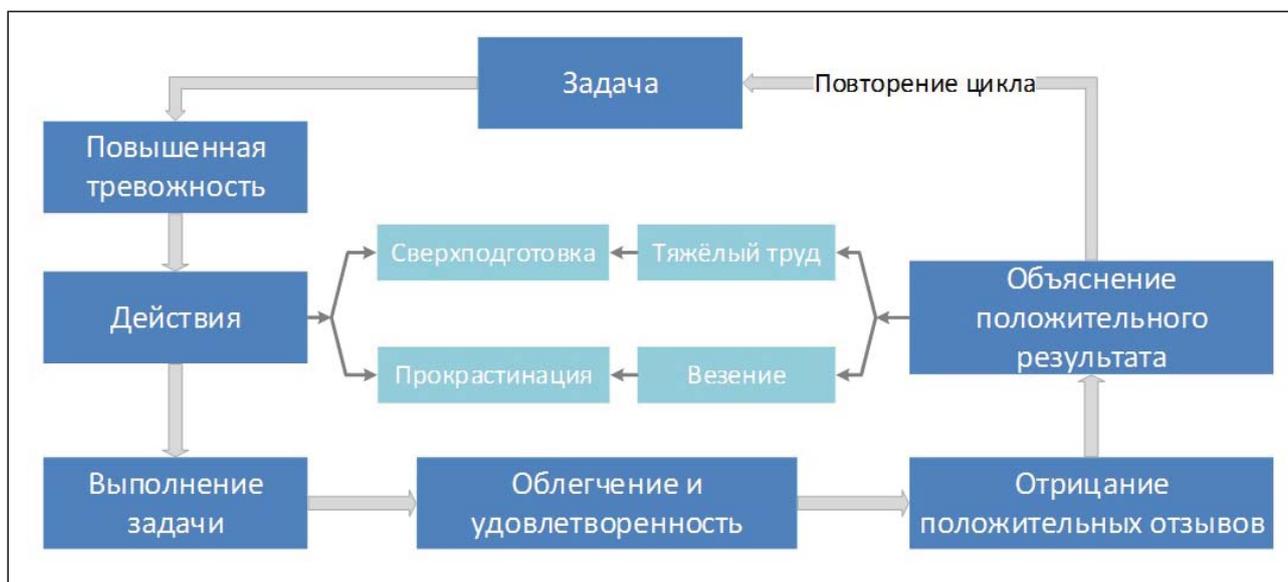

Рисунок 1. Цикл импостора по П. Клэнс (Clance, 1985)

Пятая характеристика – отказ от компетентности и дисконтирование похвалы. Она подразумевает неприятие собственной компетентности и похвалы, что выражается в поиске аргументов для доказательства своей непричастности к успеху.

Последняя характеристика представляет собой страх успеха и чувство вины при его достижении. Это выражается в том, что «самозванцы» чувствуют дискомфорт, если в их окружении находятся люди, более успешные, чем они. В этом случае они отстраняются от себя, возникает беспокойство, что они не смогут удовлетворить требования, предлагаемые обществом, с которым они находятся в непосредственном взаимодействии в данный период времени. Поэтому любая дополнительная ответственность избегается.

Указанные шаблоны поведения, которые формируются при наличии феномена самозванца, являются препятствием для механизма мотивации.

Психологи объясняют, что никто полностью не может быть уверен в отношениях, как и в любых других сферах жизни. Примечательно, что возникающие сомнения и неуверенность не являются мошенничеством и не означают, что отношения обречены на провал. Необходимо посмотреть на ситуацию с другой стороны: осознать возможности для роста и понять, что слишком строгое отношение к отношениям бессмысленно. Просто необходима постоянная работа над собой, которая уменьшит сомнения (Смирнова, 2021).

Сомнения в отношениях зачастую связаны с детскими воспоминаниями о том, что любовь родителей нужно заслужить. При этом, уже будучи взрослым, встречая своего партнера, человек начинает сомневаться в том, что он ему соответствует и что партнер может это обнаружить. Это приводит к тому, что человек боится раскрыться перед партнером именно из-за того, что ему кажется, что партнер раскроет его «секрет».

Когда такие люди не могут справиться с навалившимся на них грузом, они могут испытывать чувство ненужности, основанное на самообвинении. Это приводит к ощущению бессилия и неспособности осознать активную составляющую своей жизненной программы. А это, в свою очередь, приводит к формированию чувства одиночества, которое часто может быть надуманным (Пожариский, 2022).

Еще одной особенностью человека с феноменом самозванца в отношениях является самосаботаж, или саморазрушительное поведение. Например, боязнь быть откровенным с партнером, поскольку человек не хочет ощущать себя уязвимым. Он может в последнюю минуту отказаться от важного мероприятия с партнером, втайне опасаясь, что тот просто соглашается на это, чтобы подшутить.

Человек может решить, что пора расстаться с партнером, поскольку он думает, что партнер однажды придет к выводу, что он не так хорош для него. Саботаж в данном случае выступает как защитный механизм. При этом могут возникать такие мысли, как: «Если он отвергнет меня, по крайней мере, это будет не та версия меня, которая старалась изо всех сил, но все равно была недостаточно хороша».

Феномен самозванца проявляется и в том, что человек может думать, что у партнера плохие намерения, игнорировать проблемы в отношениях, эмоционально отстраняться от отношений, занимать оборонительную позицию, не доверять партнеру, не вести себя искренне.

Может возникнуть чувство, что в отношениях настолько некомфортно, что человек отталкивает своего партнера. Такая дистанция создает краткосрочное облегчение. Отношения либо разрываются, либо цикл повторяется (*Telloian, 2022*).

В одном из исследований было подтверждено, что люди с феноменом самозванца воспринимают свои отношения как менее стабильные. Они могут бояться или беспокоиться о том, что их отвергнут или бросят. Это может привести к избеганию отношений, чтобы не быть отвергнутыми или покинутыми, или постоянному беспокойству из-за страха быть оставленным в имеющихся отношениях. У таких людей присутствовал озабоченный стиль привязанности. Если при этом у человека была низкая самооценка, успех в отношениях объяснялся привязанностью (*Alvarado, 2015*).

Для того чтобы преодолеть указанные барьеры, психологи советуют делиться с партнером своими страхами. Это позволит освободиться от лишнего бремени. Кроме того, нужно перестать сравнивать себя с кем-то, поскольку конкретная история отношений является уникальной, как и сами партнеры в ней. Эффективной будет семейная терапия пары (*Зайцева, 2021*).

Если человек осознает свою проблему, ему может помочь самонаблюдение. Когда он улавливает деструктивные мысли, у него появляется возможность изменить их направление. Например, с помощью аффирмаций. Нужно, чтобы человек проявлял к себе сострадание. Оно предполагает доброту к себе, осознанный подход к своим позитивным качествам и сферам, в которых он может расти. Такой подход позволит выстроить доверие к себе, снизить страх неудачи, овладеть своими способностями и возможностями (*Telloian, 2022*).

Причины возникновения феномена

Для того чтобы осмыслить истоки феномена самозванца, резонно обратиться к понятию диффузной идентичности, предложенному О. Кернбергом (Кернберг, 2000). Недостаточная интеграция идентичности, определяемая этим термином, проявляется в противоречиях в восприятии личностью себя и других. В этом случае отсутствует связность внутреннего мира, его упорядоченность и цельность. Жизнь такой личности сопровождается противоречиями и непоследовательностью поведения. В терапии клиент не может донести до терапевта значимые взаимодействия с другими. Это препятствует эмоциональной поддержке.

Тем самым подчеркивается, что личность является пограничной. В этом случае структурная организация предполагает нечеткую границу между Я- и объект-репрезентациями. Последние нецельные, со взаимно противоречащими когнитивно-аффективными репрезентациями. Указанная

ситуация связана с мощной ранней агрессией, что приводит к неспособности интегрировать различные аспекты реальности.

Что касается восприятия другого человека, оно сопровождается искажениями. Поэтому взаимоотношения с другими неяркие и хаотичные. Человеку сложно чувствовать эмпатию и поддерживать бесконфликтные близкие отношения. Во взаимодействии с терапевтом эта специфика проявляется, и можно выявить невротика, способного установить личностные отношения с терапевтом, и пограничную личность с хаотичными отношениями, если таковые вообще возникают.

Как отмечает О. Кернберг, пограничной личности присущи следующие примитивные механизмы защиты:

1. Расщепление. Это случай, при котором все объекты разделены по принципу «плохой – хороший» и оценка одного и того же человека может быстро меняться от одного полюса к другому. Проявляются постоянные резкие колебания между противоречивыми Я-концепциями. В ходе взаимодействия с терапевтом такие личности демонстрируют рост тревоги, если терапевт указывает на отклонения в восприятии себя пациентом.

2. Примитивная идеализация. Действие данного механизма сопровождается усилением деления объектов по принципу «плохой – хороший». При этом хорошие образы наделяются чертами доброты и всемогущества в противовес чему-то плохому.

3. Проективная идентификация. Она проявляется в том, что личность переживает проецируемый на другого импульс, ощущает от этого импульса страх и пытается контролировать другого посредством этого механизма.

4. Отрицание. Эмоциональная составляющая ситуаций отрицается. Это блокирует действия, которые могут понадобиться в критических ситуациях.

5. Всемогущество и обесценивание. При наличии значимого Я обесценивается и презирается значимость других. Особо ярко это выражается у нарциссической личности, речь о которой пойдет в следующем параграфе.

Если говорить о формировании феномена самозванца, ученые выделяют три фактора, которые оказывают влияние на его возникновение (Нарицин и др., 2015):

1. Наличие выраженного психастенического радикала, который подталкивает «самозванцев» к восприятию себя неудачниками. Любые объективные оценки наталкиваются на внутренние фильтры, относящие человека к негативному жизненному сценарию.

2. Присутствие оценочной зависимости, которая возникает под влиянием родителей с иерархическим мышлением. Ребенок, попадая в данную систему, теряет способность самостоятельно оценивать свои достижения. Ненавязчиво ребенку внушается мысль о том, что он ничтожество, поскольку никогда не делает ничего путного и ничего не может без помощи родителей. При том что к ребенку предъявляются высокие требования, он не получает похвалы за свои поступки, потому что взрослые считают, что он и так это должен делать. В результате формируется либо

перфекционист, либо самозванец, который уверен, что его достижения – везение, и не может избавиться от страха. Это также могут быть сиблинговые отношения, где одного ребенка восхваляют, а другого принижают.

3. Встроенность в иерархическую систему, где ребенку уже отвели самое нижнее место. И если только он пытается из него выбраться, родитель вернет его на место, указывая, что это оказалось случайностью. Отсюда формируется постоянное ощущение, что человек не на своем месте, поскольку не является тем, за кого его принимают. Во взрослом состоянии человек, попадая в иерархическую систему, оказывается под еще большим прессингом. Это связано с тем, что теперь любой безосновательно может давать ни на чем не основанную негативную оценку при желании, а «самозванец» будет ее воспринимать за чистую монету, поскольку не имеет способности оценивать.

Феномен самозванца и проблематика нарциссизма

Для того чтобы понять связь феномена самозванца с проблематикой нарциссизма, необходимо обратиться к работам З. Фрейда (Фрейд, 1990). Он пишет, что первичная концентрация либидо относится к собственному Я. Имеется в виду, что ребенок изначально воспринимает себя центром собственной вселенной, переживая бред величия как производное первичного нарциссизма, что характерно для примитивных народов. В дальнейшем либидо переносится на объекты. Вторичный нарциссизм возникает, когда маленький ребенок начинает показывать, насколько ему важно быть значимым и ценным в глазах окружающих. Он бессознательно восполняет нехватку любви к себе, тем самым формируя адекватную самооценку. З. Фрейд так описывает Я-либидо и объектное либидо.

При психотическом механизме движения либидо нет возможности инвестировать либидо в интересующие личность объекты. Это приводит к интроекции и отношениям с воображаемыми объектами с приписываемыми им чертами. Либидо возвращается на себя. Это приводит к нарушению отношений.

Замыкание Я и либидо в нарциссической психотической структуре предполагает психическое действие, которое можно выразить как «Я люблю себя как другого». Психотическое отчуждение происходит тогда, когда личность себя не осознает.

Причиной возникновения такого типа личности Д. Винникотт (*Winnicott, 1960*) считает такие взаимоотношения в семье в раннем возрасте, при которых родители рассматривают ребенка не как самостоятельную ценность, а как функцию. Особенно остро это проявляется, когда на ребенка делается ставка как на жизненно важный объект. Это противоречие препятствует проявлению истинных чувств ребенка. Он чувствует, что, если они вскроются, его отвергнут или унижат. В результате формируется ложное Я.

Еще один аспект проблемы, связанной с феноменом самозванца, можно обнаружить у З. Фрейда (*Freud, 1916*) в его описании «сокрушенных успехом». До появления успеха никаких симптомов у пациентов не

отмечалось. Однако, как только появляется достижение, оно тут же разрушается из-за конфликта между эдиповой победой и чувством вины, сопровождаемым самобичеванием. Указанные процессы могут относиться не только к неврозу, но и проблемам при достижении успеха. Они могут рассматриваться как нарциссическая патология или как часть мазохистского континуума. В любом случае это последствия нарушения сепарации-индивидуации.

Указанные особенности требуют применения терапевтических подходов, которые ориентированы на поддержание целостности и позитивно оцениваемое представление о себе у личности. Для этого требуется стимулирование осознания без доведения до стыда, принятие без идеализаций других с выражением реальных чувств, принятие себя.

В литературе встречается рассмотрение нарциссической личности как диагноз, как черта характера, как специфическая динамика, как линия психологического развития. Также встречается нарциссическая патология, которая позволяет описывать различные аспекты психозов, неврозов, расстройств личности и пограничных состояний.

Р. Кенсингер (*Kensingher, 2021*), описывая взгляды С. Кауфмана на проблему, указывал на взаимосвязь нарциссизма и феномена самозванца в таких чертах социального нарцисса, как грандиозность, эксгибиционизм, фантазии о власти, манипулирование другими и отсутствие сочувствия. Отмечается, что некоторые проявляют высокого накала поиск новизны и импульсивность. Это часто происходит в контексте сохраняющейся неполноценности и неадекватности, поэтому и происходит такая чрезмерная компенсация в виде защиты. Они часто чувствуют себя униженными, когда кто-то бросает им вызов, и мстят и очерняют тех, кто это делает.

М. Кетс де Вриес (*Vries, 2006*) полагает, что применительно к лидерам необходимо применять такой подход, при котором они должны разобраться в своем внутреннем мире, таящем проблемы из детства. Например, наличие страха успеха не дает возможности реализовывать проекты. Маниакально-депрессивное состояние сначала дает всплеск энергии для реализации, а затем ощущение провала в депрессивной фазе. Проработка старых шаблонов со специалистами позволяет передвинуться в новую точку с местом для новых реакций и создать аутентичную организацию с ощущением общности, чувством удовольствия и ощущением смысла.

Феномен самозванца и депрессия

Взаимосвязь феномена самозванца и депрессии достаточно подробно описана у Дж. Коллигана и Р. Штернберга (*Kolligian et al., 1991*). Они рассматривали несколько диспозиционных факторов воображаемого мошенничества:

1. Депрессивная симптоматика является его компонентом. Лица с высоким уровнем воображаемого мошенничества могут характеризоваться искаженными процессами атрибуции, которые связаны с депрессивным познанием, дисфорическим аффектом и низкой самооценкой. Несмотря на свою неспособность достичь внутреннего успеха, они могут

устанавливать высокие стандарты достижений или подвергаться относительно высокому давлению со стороны других значимых людей, что приводит к постоянному страху неудачи.

2. Социальная тревога, связанная как с оценочными, так и с социальными ситуациями. Люди с высоким уровнем воображаемого мошенничества кажутся особенно склонными к тревоге в ответ на надвигающиеся потенциально негативные последствия и последующую угрозу разоблачения.

3. Высокий уровень самосознания может быть компонентом воспринимаемой вежливости. Люди, которые чувствуют себя мошенниками, могут быть чрезмерно обеспокоены и заняты реакцией других, они могут полагать, что другие в непосредственной близости от них так же озабочены их мыслями и поведением, как и они сами, что приводит к высоким навыкам управления впечатлением или самоконтроля, предназначенным для формирования мнения других.

Позитивная корреляция феномена самозванца с депрессией была обнаружена в ряде исследований (*Cokley et al.*, 2013; *Cokley et al.*, 2015; *Cokley et al.*, 2017; *Cowman et al.*, 2002; *McGregor et al.*, 2008; *Maftei et al.*, 2021). Однако обратного исследования о склонности страдающих депрессией к феномену самозванца не проводилось.

В исследовании Л. Макгрегора, Л. Ги и К. Пои (*McGregor et al.*, 2008) было обнаружено, что «самозванцы» могут испытывать симптомы страдающих от легких депрессивных состояний. Причем это не зависит от пола. Авторы утверждали, что эти результаты не говорят о клинической депрессии. Они определили, что люди, которые чувствуют себя самозванцами, могут не достичь того, на что они способны, потому что депрессивные симптомы могут препятствовать их продуктивности. Кроме того, они могут рассматривать свои мысли как постоянный характер мышления. Поскольку они постоянно оценивают свою работу и критикуют себя, то могут не осознавать, что их мысли маскируют симптомы депрессии.

В исследовании, проведенном на российских студентах, были выявлены опосредующие и смягчающие эффекты воздействия синдрома самозванца на связь между перфекционизмом и психологическим дистрессом. Результаты показали, что синдром самозванца полностью опосредовал связь между перфекционизмом и тревогой, тогда как служил частичным посредником между перфекционизмом и депрессией. Выявлен значительный модулирующий эффект синдрома самозванца у связи перфекционизма и депрессивного настроения. Это говорит о том, что если человек не впадает в образ мышления самозванца, положительной связи между перфекционистским несоответствием и депрессией больше не существует (*Wang et al.*, 2019).

Феномен самозванца в значительной степени связан с психологическим дистрессом, включая депрессию и тревогу. Исследование, посвященное изучению студентов медицинских, стоматологических, фармацевтических факультетов и курсов медсестер, выявило сильную корреляцию между феноменом самозванца и общим психологическим дистрессом (*Chandra et al.*, 2019).

Люди с феноменом самозванца склонны подвергать себя сильному давлению, чтобы избежать неудачи. При столкновении со сложной задачей тревога по поводу потенциальной неудачи в сочетании с нереально высокими стандартами заставляет их реагировать неадекватно (перфекционизм или прокрастинация). Невозможно избавиться от этих механизмов из-за страха, что любое отклонение «куда-то не туда» увеличит вероятность неудачи. Это может привести к физическому и умственному истощению, так что эти люди не уверены в своей способности поддерживать высокий уровень производительности. В результате они не могут раскрыть свой потенциал, что может вызвать физическое и эмоциональное выгорание.

Феномен самозванца и его проявление в организациях

Невротических самозванцев можно обнаружить практически на всех уровнях организации. Как правило, их опасения начинаются с первого места трудоустройства, сразу после выпуска из учебного заведения, когда люди особенно полны беспокойства и не уверены в своих способностях. Повышение от менеджеров среднего звена до высшего руководства – еще один непростой момент, поскольку именно повышение является для самозванца непреодолимой проблемой. Под руководством наставников им гораздо комфортнее работать (*Vries, 2005*).

Эта ситуация является помехой для работы организации, поскольку возможные усилия по продвижению начинающих специалистов, подающих надежды, могут наталкиваться на их страхи и неуверенность в себе. Помимо того что человек не может реализовать свой потенциал, с точки зрения организации расход ресурсов на продвижение становится неэффективным. Получается, что на этого сотрудника зря потрачено время, если он может оставаться просто исполнителем. Значительные риски в этой связи относятся к политике формирования кадрового резерва в организации, особенно если дополнительных кандидатов нет.

Триггером к проявлению феномена самозванца часто является перфекционизм. Если человек не испытывает чувства неполноценности, то он получает удовлетворение от собственных достижений и не заикливается на неудачах. При этом невротические самозванцы редко проявляют добродушие в своем перфекционизме. Как правило, это абсолютные перфекционисты, которые ставят перед собой чрезмерно высокие, труднодостижимые цели, а затем испытывают негативные мысли и ведут себя неадекватно, когда не могут достичь этих амбициозных целей.

Часто ими движет убеждение, что сейчас они недостаточно хороши, но могли бы добиться большего, если бы работали еще усерднее. Именно поэтому перфекционизм часто превращает невротических самозванцев в трудоголиков. Опасаясь разоблачения своего «мошенничества», они принимают на себя больший объем работы, чтобы компенсировать недостаток самоуважения и идентичности. Баланс между работой и личной жизнью для таких личностей – бессмысленная концепция. При этом они

могут напрягать не только себя, но и окружающих. Такой подход может привести к быстрому выгоранию.

Создание препятствий на работе заключается в том, что люди с феноменом самозванца могут создавать конфликтные ситуации. Они могут быть связаны с различными поводами. Например, самозванец-трудоголик может полагать, что другие недостаточно активно работают, и привлекать к этому внимание руководства. Особенно сложной является ситуация, в которой сотрудник делает ошибку. Боясь быть раскрытым, он не сообщает руководству о допущенной ошибке и пытается решить ее самостоятельно. Часто эта ситуация приводит к негативным последствиям для деятельности организации.

Порочный круг начинается, когда самозванец ставит перед собой невыполнимые цели. Этих целей он, конечно, не достигает (потому что никто не мог их достичь), потом бесконечно истязает себя по поводу неудачи, что провоцирует дальнейшее самобичевание, усиливает чувство самозванства и вдохновляет поставить еще один недостижимый набор целей – и весь цикл трудоголизма и мошенничества начинается снова. Это говорит о том, что самозванцу сложно ставить реалистичные, достижимые цели. Можно сказать, что такой подход является защитным механизмом, чтобы при недостижении целей в который раз доказать себе свою никчемность.

Указанное свидетельствует о том, что самозванец не является самостоятельной фигурой в рамках организации. Он только исполнитель, и ему комфортнее действовать под руководством. Однако и здесь нечетко сформулированная задача от руководителя может вызывать риски неисполнения ее должным образом.

Из-за двойственного отношения к достижениям невротические самозванцы часто кажутся очаровательно скромными. Самобичевание и понижение самооценки здесь могут рассматриваться как своего рода защитная стратегия. Искусственный даунгрейд своих достижений ослабляет зависть других людей и отвлекает внимание от успеха, тем самым снижая ожидания других – эффективная стратегия защиты на случай будущей неудачи. Демонстрация самоуничижения также передает чувство скромности, которое может вызвать ободрение и поддержку со стороны других.

Однако такое смирение невротического самозванца на самом деле является следствием другого рода защитного импульса – потребности в стратегии выхода. На подсознательном уровне неудача становится желанным выходом. Для организации подобное поведение контрпродуктивно, поскольку такой сотрудник показывает низкую эффективность.

Для многих невротических самозванцев суть их проблемы заключается в страхе, что успех и слава могут нанести им вред и их семья, друзья и другие люди будут продолжать любить их, только если они останутся такими, как были. Их логика в том, что люди, жаждущие успеха, вероятнее всего, будут завидовать тем, кто его добился. Это еще один важный аспект проблемы для компании. Сотрудник с феноменом самозванца в организации не только не развивается, но даже сопротивляется этому

развитию. Это характерно проявляется в случаях, когда в компаниях проводят корпоративное обучение.

В крайних случаях невротические самозванцы сами вызывают неудачу, которой сами же и боятся. Такое саморазрушительное поведение может принимать разные формы, включая прокрастинацию, резкость в поведении и неспособность делегировать полномочия. Здесь может проявляться неуместное распутство или злоупотребление психоактивными веществами на работе. Невротики-самозванцы весьма изобретательны в разрушении собственной успешной карьеры, как будто хотят, чтобы их обнаружили. Помощь в собственном разоблачении может быть упреждающим способом справиться с тревогой. Для организации это наиболее нежелательные сотрудники, поскольку ими невозможно управлять. Проще просто уволить.

Среди привлекающих внимание исследований современного этапа можно выделить то, которое было посвящено изучению связи феномена самозванца и конфликта между работой и личной жизнью. Выяснилось, что поскольку личности с феноменом самозванца не имеют ресурсов для его преодоления на работе, они истощаются эмоционально, что приводит к конфликту между работой и личной жизнью. Вместе с тем организационная поддержка позволяет снизить интенсивность чувств «самозванцев» (*Crawford et al.*, 2016).

Стоит отметить, что невротики-самозванцы могут и наносят ущерб организациям, которым они так стараются угодить. Их трудовая этика может быть заразной, но из-за того, что они так стремятся к успеху, часто становятся нетерпеливыми и резкими. Они чрезвычайно суровы к себе и другим, поэтому могут загнать сотрудников в невыносимую ситуацию, что неизбежно выливается в высокую текучесть кадров, прогулы и другие осложнения (*Vries*, 2005).

Указанные данные в основном относятся к рядовым сотрудникам организаций. В то же время феномен самозванца могут иметь и руководители высшего звена. В этом случае негативные тенденции личности могут причинять вред всей организации. Это проявляется в том, что наряду со стремлением к успеху «самозванцы» несдержанны и грубы по отношению к себе и другим. М. Кетс де Вриес (*Vries*, 1990) сравнивает возглавляемые ими организации с концлагерями, в которых царит атмосфера страха.

В результате усиливается текучесть кадров, хромает дисциплина, и все это приводит к падению прибыли. Кроме того, невротические самозванцы не обладают качествами эффективных лидеров, им не очень удается взаимодействовать с людьми, поэтому в их организациях плохо поставлена работа по воспитанию нового поколения руководителей.

Влияние невротического обмана на качество принятия решений является опасным. Руководители, которые чувствуют себя самозванцами, боятся доверять собственным суждениям. Их в какой-то степени боязливое, чрезмерно осторожное руководство может легко распространиться по компании и привести к очень негативным последствиям для организации. Например, невротический генеральный директор-самозванец, скорее

всего, будет подавлять предпринимательские способности своих сотрудников и компании в целом. При этом он может быть зависим от мнения консультантов из консалтинговой компании, которая дает рекомендации, что позволяет компенсировать чувство собственной незащищенности. Этот случай показывает, что такой руководитель также не может быть самостоятельной фигурой. То, что он перекладывает ответственность на другую компанию, свидетельствует о неспособности принимать решения и нести за них ответственность. Это, естественно, не приносит организации пользы, поскольку может ухудшить работу различных процессов и в конечном итоге привести к негативным результатам деятельности.

Примечательно, что руководители с феноменом самозванца зачастую делегируют полномочия людям, которые сомневаются в своем профессионализме. Эти данные можно обнаружить в исследовании М. Бехтольда, которое проводилось на выборке из 190 менеджеров (*Bechtoldt, 2015*). При этом обычные руководители, оказывая поддержку, могут снизить черты феномена самозванца у подчиненных и внести коррективы в дисбаланс между работой и личной жизнью, который возникает.

В указанной ситуации неуверенный в себе руководитель опирается на таких же неуверенных в себе сотрудников. Данная коллективная неуверенность несет риски для всей организации, поскольку цепочка неверно принятых решений грозит всеобщим коллапсом деятельности в силу того, что сотрудники и отделы между собой взаимосвязаны.

Среди предикторов феномена самозванца были выявлены такие:

– Гендерные эффекты. Сюда относятся более интенсивное переживание феномена самозванца у женщин по сравнению с мужчинами и разные подходы в его преодолении. При изучении студентов и профессионалов такие эффекты были выявлены только у студентов. На рабочем месте авторы рекомендуют обращать внимание как на женщин, так и на мужчин с феноменом самозванца.

– Возрастные эффекты. Несмотря на то что не во всех исследованиях был выявлен фактор возраста, некоторые исследования показали его. Чем старше были испытуемые, тем в меньшей степени проявляется феномен самозванца. Хотя этот результат был получен не во всех исследованиях. При сравнении студентов-психологов и практикующих психологов феномен был обнаружен у студентов (*Brauer et al., 2017*).

Помимо указанных особенностей в клинической практике у имеющих феномен самозванца были выявлены такие коморбидные состояния, как депрессия, беспокойство, низкая самооценка, соматические симптомы и социальные дисфункции. Это предполагает необходимость качественной оценки состояний и лечения помимо работы с соответствующими чувствами.

Хотя конкретного лечения до сих пор представлено не было. Только Г. Мэтьюз и П. Клэнс (*Matthews et al., 1985*) в 1985 году представили не подтвержденные эмпирически рекомендации по работе с феноменом

самозванца. К ним относятся подтверждение сомнений и страхов, необходимость устранения страха неудачи и проведение групповой терапии для преодоления чувства изолированности.

В целом проведенное систематическое исследование литературы показало, что существующие исследования имеют множество ограничений и определенную степень предвзятости. Более того, мало исследований посвящено тому, какую роль феномен самозванца играет в построении карьеры.

В одном из исследований (*Neureiter et al.*, 2016) изучалась группа студентов и работающих профессионалов. В нем планировалось проследить влияние интеллектуальной собственности на развитие карьеры. В то время как чувство самозванца в большей степени определялось низкой самооценкой и страхом неудачи в выборке студентов, страх успеха играл наиболее заметную роль и был самым сильным предиктором у работающих профессионалов.

То, что страх успеха в большей степени повлиял на проявление чувства самозванца в выборке работающих профессионалов, авторы объясняют осведомленностью о мнении своих коллег и их суждений. Актуальность страха успеха в выборке работающих согласуется с выводами о том, что социальная поддержка на рабочем месте может действовать как буферная переменная во взаимосвязи между особенностями самозванца и результатами работы (*Vergauwe*, 2015). В результате, если самозванец останется в коллективе поддерживающих коллег и не получит повышения по работе, он покажет более высокие результаты.

Дополнительно стоит отметить, что феномен самозванца рассматривается как неадаптивный феномен, включающий в себя набор когнитивных функций, которому способствует низкая самооценка. Такие переменные, как несоответствующий стиль атрибуции, перфекционистские опасения и страх разоблачения, способствуют его появлению. Именно взаимодействие между всеми этими переменными определяет развитие, поддержание и укрепление феномена самозванца. Все это оказывает влияние на то, что личность не может сформулировать свои карьерные планы, поскольку она не осознает свои компетенции, имеет низкую самооценку и страхи (*Neureiter et al.*, 2016).

Дальнейшие исследования авторов (*Neureiter et al.*, 2016) были направлены на изучение связи феномена самозванца, управления карьерой и результатов деятельности у работающих профессионалов. Было выявлено, что снижение карьерного оптимизма влияет на субъективные результаты сотрудников с феноменом самозванца, такие как удовлетворенность работой и карьерой или предполагаемая внутренняя конкурентоспособность, а также на организационно значимые результаты, такие как эмоциональная приверженность. Это предполагает необходимость поддержки карьерного оптимизма при организации им профессиональной помощи, чтобы не дать самозванцам снизить значимые для сотрудников и организации результаты. Кроме того, использование знания рынка труда улучшит восприятие самозванцами своей внешней конкурентоспособности. И в целом требуется поддержка адаптации к карьере, поскольку

феномен самозванца оказывает негативное влияние на нее (*Neureiter et al.*, 2016). Этого можно добиться за счет стимулирования управления самозванцами собственной карьерой.

Если подытожить направления работы по преодолению феномена самозванца в организации, можно выделить следующие:

– Необходимо поддерживать оптимизм по отношению к карьере, с тем чтобы позитивно настроенный самозванец поддерживал позитивные результаты. Это возможно посредством похвалы в случае успешного достижения целей.

– Нужно информировать сотрудников о состоянии рынка труда по конкретной позиции, с тем чтобы показать, насколько высока конкурентоспособность данного сотрудника по сравнению с другими.

– Необходимы дополнительные усилия по адаптации сотрудника к карьере, основанные на научении управлению собственной карьерой, посредством стимулирования специалистами.

Указанное может быть реализовано в организациях, в которых используется корпоративный коучинг, как групповой, так и индивидуальный. Однако, вероятно, наиболее целесообразной является индивидуальная работа. С точки зрения психоанализа в данном направлении важна проработка таких феноменов, как самооценка и недостаток самооценности, неуверенность в себе, застенчивость, низкая витальность.

Примечательно, что все указанные моменты требуют детального изучения ранних отношений с родительскими фигурами, детских воспоминаний. Например, в формировании самооценки ключевую роль играет мать. Необходимо выяснить, идеализировала ли она или чрезмерно оскверняла ребенка, была ли холодна или чрезмерно фрустрирована, проявляла удушную любовь или навязчивую тревожность (Наумова, 2019). Все это отражается на ребенке.

Неуверенность в себе, которая проистекает от недоверия к себе и своему опыту (Лэнгле, 2004), может быть переосмыслена посредством детального описания ситуации, в которой возникает подобное чувство, поиска опоры, которая помогает в подобных случаях, а также подготовки к сходным сценариям в будущем. Последнее может быть реализовано через освобождение от завышенных ожиданий и высоких стандартов.

Практики рекомендуют первоначально дать человеку возможность ознакомиться с собой, со своими особенностями и возможными реакциями, с тем чтобы он знал, что дает ему веру в себя, и научился меньше поддаваться воздействию чужих мнений. Это предоставляет аргументы, которые позволяют рационализировать ситуацию. В определенных случаях знания позволят человеку не согласиться на предложения, которые не соответствуют его интересам. Вторым направлением является работа с окружающими людьми, которые оценивают человека. Важно определить степень значимости каждого и их влияния, разобраться в том, насколько их влияние велико. Иными словами, вырабатывается здоровый прагматизм. Третье направление – обеспечение человеку права на ошибку (Нарицин и др., 2011).

В преодолении застенчивости важную роль играет обретение личностной самостоятельности, выработки независимости от мнений окружающих, самоуважения и субъектности в целом. Здесь важно сформировать у человека право на ошибку (Нарицин и др., 2002).

Что касается низкого уровня витальности, это тема преодоления депрессивных тенденций. Она связана с восприятием и осознанием своих интенций клиентом наряду с тем, что консультант также должен осознать свои. На основе этого выстраивается общая смысловая матрица для дальнейшей работы. Необходимо учитывать, что упадническое состояние клиента будет негативно воздействовать на консультанта, поэтому следует формировать образы нового поведения для клиента, которые приведут к лучшему исходу. При этом формулировать его должен сам клиент посредством наводящих вопросов консультанта. Также важно показать, что наряду с негативными ситуациями в жизни клиента присутствуют и позитивные, ведь клиент видит вокруг только негатив. К тому же необходимо разблокировать желания и стремления, чтобы человек мог ощутить себя. Консультант в процессе терапии должен всячески показывать заботу о клиенте, подчеркивать разницу между несоответствием клиента в реальности и в воображении (Кукульскиене, 2021).

Эмпирическое исследование двух индивидуальных случаев с проявлением феномена самозванца в психоаналитическом процессе

В рамках исследования были изучены основные конфликты клиентов и их связь с прохождением этапа построения объектных отношений в детстве.

Кейс 1

Мужчина, 32 года. Менеджер среднего звена крупной международной IT-компании. Стаж работы в текущей компании три года. Живет в Москве. Женат. Детей нет. Работа ведется в формате психоаналитического консультирования с марта 2020 года. Обратился с первичным запросом: эмоциональное выгорание. Жаловался на апатию, нежелание идти на работу. Появились мысли о переходе в другую компанию. В процессе работы запрос клиента менялся.

Родился в Москве. В школе и в университете был отличником. Получил второе бизнес-образование в Европе. Знает два языка – английский и немецкий в совершенстве. Стажировался и работал в компании в Европе. Отец – военный, строгий и требовательный. Мать – домохозяйка, всегда и во всем подстраивалась под отца. У родителей был еще один сын, но он умер до рождения клиента. В семье никогда это событие не обсуждали. Клиент обратился к консультанту в момент, когда на работе предстояло повышение. Клиент испытывал сильное беспокойство и даже готов был написать заявление об увольнении.

Опираясь на данные первых месяцев работы, можно предположить, что клиент с нарциссической структурой и пограничным функционированием имеет проблемы с идентичностью, самооценкой, использует примитивные защиты – идеализацию, обесценивание, проекцию. Важно уточнить, что кадр с данным клиентом был обговорен предварительно.

По итогам длительной работы можно сделать вывод, что на формирование у него феномена самозванца накладывают отпечаток ранние отношения с родителями: мягкая мать и жесткий, требовательный отец, дополнительный груз ответственности – смерть первого ребенка в семье. Первостепенная задача психоаналитического консультанта заключалась в том, чтобы помочь клиенту осознать внутри и почувствовать эту связь, развить свое утраченное Я, укрепить самооценку, объективно оценивать себя. По итогам психоаналитической работы клиент получил повышение, смог осознать ситуацию, сложившуюся на работе, снизил уровень собственной тревожности, смог уйти от поведенческой модели перфекциониста, перестал обесценивать успехи работы команды, стремится к более адекватной оценке собственных достижений. Клиент стал больше внимания обращать на отношения в семье, со своей супругой, стал выстраивать новые эмоциональные связи. В феврале 2022 года компания закрыла офис в Москве и предложила лучшим сотрудникам с семьями переехать в офис в Европе. Клиент принял решение переехать.

Кейс 2

Женщина, 33 года. Офицер федерального ведомства с выслугой 12 лет. Перерыв на декрет два года. Замужем. Дочь, четыре года. Работа ведется в формате психоаналитического консультирования с декабря 2021 года. Обратилась с запросом: эмоциональное выгорание и нереализованность в труде, конфликт с руководителем. В процессе работы запрос менялся.

Проживает в Московской области. Родилась в Твери. Дочь видит редко, много работает, ей занимается больше муж. Есть старшая сестра, старше на два года. Клиентка мельком упоминает, что отец второго ребенка хотел сына. Отец и мать – военнослужащие, сейчас на пенсии, живут в родном городе. Закончила военную академию, по настоянию отца. Перфекционист. Карьеристка. Отец – строгий, контролирующий. С мужем родом из одного города. Поженились, когда клиентка окончила академию. После окончания военной академии была принята на службу в федеральное министерство, где и работает по сей день. В детстве клиентка и ее сестра занимались танцами, но ближе к старшим классам отец настоял на завершении «танцевальной» карьеры, чтобы дочь могла больше времени уделять учебе, а сестра продолжила занятия танцами. С отцом всегда на связи. С появлением нового руководителя работать стало невозможно, клиентка конфликтует с ней. В процессе консультирования выяснилось, что должность ее нынешнего руководителя предлагали изначально ей, а она отказалась.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что в работе у клиентки доминирует нарциссическая проблематика. Клиентка

погружается в работу, когда эмоциональные отношения с ее руководителем накаляются до предела, она даже начинает думать о переходе в другое подразделение. Феномен самозванца проявился в момент, когда ей предложили новую должность, а она отказалась. Ключевой является фраза «А что, если я не справлюсь, что, если я не настолько профессиональна, как мне кажется, и тогда все это увидят».

Исходя из имеющегося опыта работы с клиентом, можно сделать вывод, что на формирование у нее феномена самозванца влияют детские отношения с родителями и сестрой. О матери можно только фантазировать, а говоря о строгом отце, клиентка описывает в том числе травмирующий эпизод с завершением танцевальной карьеры в 14 лет. Первостепенная задача психоаналитического консультанта заключалась в «связывании», которое должна была осуществить сама клиентка – осознать и почувствовать зависимость от мужской фигуры отца, индентификацию с ним. Свое бессознательное решение оставаться любимой дочерью. Зависть к руководителю, желание оказаться на ее месте, сомнения в собственных профессиональных качествах. Конфликт клиентки в том, что она хочет занять «первое» место – быть «дочерью» для отца, а не «сыном», остаться в танцевальной карьере, то есть возглавить подразделение, а рассчитывать внутри себя самой может только на «третье» место. Следующей фазой работы может быть возвращение истинного Я. И тогда у клиентки появится шанс отделиться от чувств зависти и злости, которые она испытывает к своей начальнице, и тратить свою энергию и ресурсы на себя.

Психоаналитическое консультирование позволило получить поддержку, в которой она так нуждалась, и контейнирование, что значительно снизило тревогу. Клиентка начала связывать истории из детства с ситуациями, которые разворачиваются на работе. Озвучивать свои истинные чувства – зависть, злость, обиду. Спокойнее отзывается о руководителе, конфликтов стало меньше. Стала позволять себе больше опираться в работе на коллег, делегировать полномочия, старается наладить свой рабочий график – уходить с работы вовремя. Консультант отмечает, что на сессии клиентка постепенно позволила себе приходить в спортивном костюме, без косметики и в более расслабленном состоянии.

Заключение

Психоаналитическое консультирование предполагает знание основных теоретических положений психоанализа – переноса, сеттинга, сопротивления. Эти знания и умение работать с ними позволяют исследовать то, что на глубинном уровне присутствует в клиенте, но отрицается или вытесняется. Плюс консультант или коуч всегда фокусируются на запросе клиента, что позволяет в достаточно короткие сроки решать конкретные проблемы клиента.

Исследование реальных кейсов подтверждает гипотезу о том, что применение психоаналитического метода консультирования и коучинга позволяет запустить рефлексивную у клиентов и осознание внутреннего

переживания, вызванного проявлениями феномена самозванца, что позитивно сказывается на самооценке.

Первостепенная задача психоаналитического консультанта заключалась в том, чтобы понять, сможет ли клиент осознать внутри и почувствовать эту тонкую связь со своим Я, развить утраченное. Эта работа всегда непростая, полная сопротивлений – один шаг вперед, два назад. Только в том случае, если клиенту удастся восстановить эту связь со своим Я, увидеть его, только тогда в реальной жизни он сможет сделать другой выбор, изменить свое отношение к ситуации и посмотреть на нее под другим углом.

Важно отметить, что для работы с клиентом с проявлениями феномена самозванца важно анализировать как внутренние, так и внешние факторы – такие, например, как корпоративная культура.

Анализ эмпирических данных позволил обнаружить, что психоаналитический подход позволяет сформировать именно тот спектр внутренних ресурсов, который помогает человеку осознавать феномен самозванца. При этом специалист в данной области должен обладать знаниями и опытом для того, чтобы распознавать наличие феномена, помогать преодолевать его различные аспекты, учитывая индивидуальные особенности человека.

Поскольку люди с феноменом самозванца могут нести определенные риски для организации, им поможет развитие необходимых метакомпетенций у руководителей или даже создание отдельного центра компетенций со специалистами, обладающими необходимыми навыками для работы с персоналом на основе релевантных инструментов – наставничества, менторинга, коучинга – индивидуального или группового.

Применение группового подхода является наиболее эффективным, так как получаемые при этом от группы поддержка и признание дают людям с феноменом самозванца устойчивую надежду на перемены в будущем. Также групповой подход предоставляет возможность объективной оценки субъектом его собственных действий, их обоснованности на основе анализа действий коллег. Групповой опыт на базе личных историй также дает возможность осознания и подтверждения собственного опыта субъекта.

Эффект от комплексной работы самого человека, психоаналитического консультанта или коуча и специалиста в организации сможет стать значительным и ускорит преодоление проблемы.

Процесс работы с клиентом с выраженным феноменом самозванца – это поиск утраченного Я. Путешествие в глубь себя, во время которого учишься принимать людей не осуждая, любить – не идеализируя, выражать подлинные эмоции – без стыда, принять свою уязвимость, объективно оценивать себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булгакова Л. И.* «Синдром самозванца»: история возникновения термина, основные концепции и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. 2018. №. 3. С. 30–37.
2. *Зайцева Д.* Любовь надо заслужить: как появляется синдром самозванца в отношениях. 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://heroine.ru/lyubov-nado-zasluzhit-kak-poyavlyetsya-sindrom-samozvantsa-v-otnosheniyah/> (дата обращения 23.03.2022).
3. *Кернберг О. Ф.* Тяжелые личностные расстройства: стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 464.
4. *Кукульскиене А.* Соотношение апатии и витальности в психотерапии депрессии. 2021. [Электронный ресурс] URL: <http://hpsy.ru/public/x2274.htm> (дата обращения 25.03.2022).
5. *Лэнгле А.* Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Психотерапия. 2004. Т. 4. С. 41–48.
6. *Нарицин Н., Наричина М.* Застенчивость, робость, скромность. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.naritsyn.ru/shyness.htm> (дата обращения 25.03.2022).
7. *Нарицин Н., Наричина М.* Уверенность в себе. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.naritsyn.ru/self-confidence.htm> (дата обращения 25.03.2022).
8. *Нарицин Н., Наричина М., Зарицина А. Ю.* Синдром самозванца. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.naritsyn.ru/impostor.htm> (дата обращения 18.01.2022).
9. *Наумова Е.* Психоанализ. Как повысить самооценку? 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/139261/> (дата обращения 25.03.2022).
10. *Пожариский И.* Синдром самозванца. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://psyhoterapy.info/fobii/sindrom-samozvantsa.html> (дата обращения 23.03.2022).
11. *Садыкова Г. Ф.* Синдром самозванца (импостора) и его влияние на мотивацию труда. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/329170848_Sindrom_samozvanca_impostora_i_ego_vlianie_na_motivaciu_truda_The_Impostor_Syndrome_and_Its_Impact_on_Labor_Motivation(дата обращения 23.03.2022)
12. *Смирнова А.* Синдром самозванца в личных отношениях. 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.b17.ru/article/333214/> (дата обращения 23.03.2022).
13. *Фрейд З.* Введение в психоанализ // Белгород: Family Leisure Club, 2012. С. 480.
14. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск: БелСЭ, 1990.
15. *Alvarado C.* (2015). I'm not all that: a look at the imposter phenomenon in intimate relationships. URL:<https://dc.ewu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1276&context=theses> (дата обращения 23.03.2022).

16. *Bechtoldt M. N.* (2015). Wanted: self-doubting employees – Managers scoring positively on impostorism favor insecure employees in task delegation. *Pers. Individ. Dif.* 86, 482–486.
17. *Brauer K., Proyer R. T.* (2017). Are impostors playful? Testing the association of adult playfulness with the Impostor Phenomenon. *Personality and Individual Differences*. Vol. 116. P. 57–62.
18. *Bravata D. M. et al.* (2020). Prevalence, predictors, and treatment of impostor syndrome: a systematic review. *Journal of General Internal Medicine*. Vol. 35. No. 4. P. 1252–1275.
19. *Chandra S., Huebert C. A., Crowley E., & Das A. M.* (2019). Impostor syndrome: could it be holding you or your mentees back. *Chest*, 156(1). P. 26–32.
20. *Clance P. R.* (1985). *The Impostor Phenomenon: Overcoming the Fear that Haunts Your Success*. Atlanta: Peachtree.
21. *Clance P. R., & Imes S. A.* (1978) The impostor phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention. *Psychotherapy: Theory, Research, and Practice*, 15(3). P. 241–247.
22. *Cokley K., Awad G., Smith L., Jackson S., Awosogba O., Hurst A... & Roberts D.* (2015). The roles of gender stigma consciousness, impostor phenomenon and academic self-concept in the academic outcomes of women and men. *Sex Roles*, 73(9). P. 414–426.
23. *Cokley K., McClain S., Enciso A., & Martinez M.* (2013). An examination of the impact of minority status stress and impostor feelings on the mental health of diverse ethnic minority college students. *Journal of multicultural counseling and development*, 41(2). P. 82–95.
24. *Cokley K., Smith L., Bernard D., Hurst A., Jackson S., Stone S... & Roberts D.* (2017). Impostor feelings as a moderator and mediator of the relationship between perceived discrimination and mental health among racial/ethnic minority college students. *Journal of Counseling Psychology*, 64(2). P. 141.
25. *Cowman S. E., & Ferrari J. R.* (2002). "Am I for real?" Predicting impostor tendencies from self-handicapping and affective components. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 30(2). P. 119–125.
26. *Crawford W. S., Shanine K. K., Whitman M. V., Kacmar K. M.* (2016). Examining the impostor phenomenon and work-family conflict. *J Manag Psychol*. 31(2). P. 375–90.
27. *Vries M. de F. K.* (1990). The impostor syndrome: Developmental and societal issues. *Human Relations*, 43(7). P. 667–686.
28. *Vries M. de F. K.* (2006). *The leader on the couch: A clinical approach to changing people and organizations*. John Wiley & Sons.
29. *Vries M. de F. K.* (2005). The dangers of feeling like a fake. *Harvard business review*, 83(9). P. 1–10.
30. *Feenstra S., Begeny C. T., Ryan M. K., Rink F. A., Stoker J. I., & Jordan J.* (2020). Contextualizing the impostor “syndrome”. *Frontiers in psychology*. P. 2–6.
31. *Freud S.* (1916). Those wrecked by success. *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud*, 14. P. 316–331.

32. *Harvey J. C., Katz C.* (1985). *If I'm so successful, why do I feel like a fake?: The impostor phenomenon.* New York: St. Martin's Press.
33. *Harvey J. C.* (1981). *The Impostor Phenomenon: A Failure to Internalize Success.* Doctoral dissertation. PA. Philadelphia: Temple University.
34. *Telloian C.* (2022). *Impostor Syndrome in Relationships: When You Feel They Won't Love You.* PsychCentral. January 13. URL: <https://psychcentral.com/blog/impostor-syndrome-in-relationships-when-you-feel-they-wont-love-you#how-it-feels> (дата обращения 23.03.2022).
35. *Joshi A., & Mangette H.* (2018). *Unmasking of impostor syndrome.* *Journal of Research, Assessment, and Practice in Higher Education*, 3(1). P. 3.
36. *Kensinger R.* (2021). *Narcissists are Imposters.* URL: https://www.researchgate.net/publication/349823585_Narcissists_are_Imposters (дата обращения 06.02.2022).
37. *Kolligian Jr. J., & Sternberg R. J.* (1991). *Perceived Fraudulence in Young Adults: Is There an 'Impostor Syndrome'?* *Journal of personality assessment*, 56(2). P. 308–326.
38. *Leonhardt M., Bechtoldt M. N., Rohrmann S.* (2017). *All impostors aren't alike – Differentiating the impostor phenomenon.* *Frontiers in Psychology*. No. 8. P.1–10.
39. *Maftai A., Dumitriu A., & Holman A. C.* (2021). *"They will discover I'm a fraud!" The Impostor Syndrome Among Psychology Students.* *Studia Psychologica*, 63(4). P. 337–351.
40. *Matthews G., Clance P. R.* (1985). *Treatment of the impostor phenomenon in psychotherapy clients.* *Psychotherapy Private Practice*. 3(1). P. 71–81.
41. *McElwee R. O., Yurak T. J.* (2010). *The phenomenology of the impostor phenomenon.* *Individual Differences Research*. Vol. 8. No. 3. P. 184–197.
42. *McGregor L. N., Gee D. E., & Posey K. E.* (2008). *I feel like a fraud and it depresses me: The relation between the impostor phenomenon and depression.* *Social Behavior and Personality: an international journal*. 36(1). P. 43–48.
43. *Neureiter M., Traut-Mattausch E.* (2017). *Two sides of the career resources coin: Career adaptability resources and the impostor phenomenon // J Vocat Behav.* 98:56-69.
44. *Ryff C. D., Singer B. H.* (2008). *Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being.* *Journal of happiness studies*. Vol. 9. No. 1. P. 13–39.
45. *Taylor A.* (2009). *The Impostor Phenomenon: a look at the outside, the inside, and the other side through scholarly personal narrative.* Colorado State University: ProQuest Dissertations Publishing.
46. *Vergauwe J., Wille B., Feys M., De Fruyt F. and Anseel F.* (2015). *Fear of being exposed: the trait-relatedness of the impostor phenomenon and its relevance in the work context.* *J. Bus. Psychol.* Vol. 30. P. 565–581.
47. *Wang K. T., Sheveleva M. S., & Permyakova T. M.* (2019). *Impostor syndrome among Russian students: The link between perfectionism and psychological distress.* *Personality and Individual Differences*. Vol. 143. P. 1–6.
48. *Winnicott D. W.* (1960) *The theory of the parent-infant relationship.* *International Journal of Psycho-Analysis*. Vol. 41. P. 585–595.

49. Young V. (2011) The secret thoughts of successful women: Why capable people suffer from the impostor syndrome and how to thrive in spite of it. NY.: Crown Business.

Applying of Psychoanalytic Counseling Techniques to Deal with the Impostor Phenomenon

A. Yu. Rakovskaia

Rakovskaia Anna Yu., psychoanalytically oriented consultant and coach, expert in working with external counterparties (GR, media) in the area of metallurgy.

The article is devoted to the study of the problems of the impostor phenomenon in psychoanalytic counseling and coaching – psychological phenomenon is considered in which a person is not able to appropriate his achievements and suffers from a constant fear of being discovered as a "deceiver" or "impostor". The author analyzes approaches and concepts to the study of the impostor phenomenon, considers its core manifestations, causes of occurrence. The interrelationships of the impostor phenomenon with the problems of narcissism and depression are revealed. The manifestations of the phenomenon within the framework of the organization are studied, two cases from personal practice are given. The study confirms the hypothesis that the use of the psychoanalytic method of counseling and coaching allows clients to start reflection and awareness of the inner experience caused by the manifestations of the impostor phenomenon, which positively affects their self-esteem. This approach is effective both in individual work with clients with a pronounced impostor phenomenon, and in the format of group work within a company.

Keywords: impostor phenomenon, narcissism, parent-child relationship, self-assessment, devaluation, depression, identity, resistance, psychoanalytic counseling.

ПСИХОАНАЛИЗ И КУЛЬТУРА

Адаптация иностранца в новой культуре через формирование нового культурного и языкового конверта

Д. Д. Вранеш, О. В. Чекунова

Вранеш Драгана Драголюбовна – executive- и командный коуч, консультант по организационному развитию, психоаналитический и ТФП-терапевт, клинический психолог, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), сертифицированный бизнес-коуч (АПКБК)¹, член Российского общества терапии, фокусированной на переносе (РОТФП), кандидат в сертифицированные члены международного сообщества ТФП.

Чекунова Ольга Валентиновна – психоаналитический психотерапевт, клинический психолог, кандидат Парижского психоаналитического общества (SPP), кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA), старший преподаватель и старший супервизор магистерских программ НИУ ВШЭ «Психоанализ и бизнес-консультирование» и «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия».

Данная статья исследует феномен миграции и адаптации иностранца в новой культуре с психоаналитической точки зрения как необходимость проделать работу горя по потере прежней идентичности и создать новую психическую кожу через формирование нового культурного и языкового конверта. Миграция рассматривается как психическая травма потери дома, культурных ценностей и языка как средства коммуникации. Работа горя по потерянной родине – многолетний и энергозатратный процесс. Те, у кого не получается закончить процесс горевания и осмыслить свое отношение к новой среде и старой идентичности, застревают на полпути проживания горя, часто возвращаясь к различным стадиям и оставаясь в постоянной вялотекущей депрессии и изоляции от общества страны иммиграции. У них не получается осмыслить свою потерю и принять хорошие части новой идентичности в силу личных характеристик и предыдущих нарциссических

¹ Сертифицированный бизнес-коуч (АПКБК)

травм. Данная статья опирается на психоаналитическую теорию и на эмпирические данные, полученные в результате исследования, согласно которым выявлено, что характер отношений с первичными объектами влияет на процесс формирования новой идентичности, длительность и успешность или провал работы горя, что в свою очередь влияет на качество адаптации в новой среде.

Ключевые слова: миграция, адаптация иностранца, иммиграция, эмиграция, психическая травма, потеря идентичности, культурный конверт, языковой конверт, психическая кожа, потеря дома, культурная идентичность.

Миграционные процессы существовали на протяжении всей истории человечества, и адаптация к новой среде проживания всегда представляла большую проблему для мигрантов и их семей. В последние несколько десятков лет наблюдается взрывной рост миграции, который актуализировал психологические проблемы мигрантов и подтолкнул многих как отечественных, так и зарубежных психоаналитиков к исследованию данной темы.

В данной статье исследуется специфика работы горя, через которую на протяжении многих лет проходят мигранты, и выявляются основные факторы, влияющие на их адаптацию. Также акцентируется внимание на факторах, которые могут помочь легче адаптироваться в новой среде проживания.

Миграция как психическая травма

Многие современные психоаналитики, такие как В. Волкан, (2014), Гринберг (*Grinberg L., Grinberg R., 1989*), Хаузел (*Hauzel, 1990*), Коган (*Kogan, 2010*), Пападопулос (*Papadopoulos, 2002*), и другие, описывают миграцию в другую страну как психическую травму, которая наступает вследствие потери дома, культурных ценностей и языка как средства коммуникации. Так, Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис писали: «Психическая травма представляет событие в жизни субъекта, которое вызывает особенно сильные переживания и делает субъекта неспособным к адекватной реакции; потрясения и те устойчивые патогенные изменения в психической организации, которые порождает это событие» (Лапланш, Понталис, 2016).

Переезд у иностранца представляет собой травму, потому что на каждом шагу он начинает сталкиваться с трудностями адаптации, которые порождают чувства страха и сильного продолжительного напряжения.

Знакомство с новыми нормами, правилами и требованиями, отличающимися от тех, к которым он привык, вкупе с проблемой незнания местного языка как основного средства коммуникации увеличивают стресс, и так постоянно присутствующий. В связи с этим у эмигранта очень быстро начинают возникать чувства тревоги и гнева из-за перенасыщенности внешними раздражителями, с которыми он не может справиться.

В первое время иностранец занят своим устройством в обществе. Ему нужно снять жилье, найти работу, разобраться с документами и прочими бытовыми мелочами.

Если у него есть семья, то ситуация многократно усложняется. Детей надо определить в школу и помочь им справиться с напряжением и тревогами вследствие переезда. Родителю нужно поддержать и защитить детей, что не всегда получается, так как сам родитель часто испытывает ощущение беспомощности.

Параллельно с этим приехавший из другой страны человек сталкивается с огромным потоком информации, который ему становится все сложнее и сложнее переработать. Внешние факторы, которые он не учитывал и не прогнозировал, начинают перегружать его психическую систему и способствуют появлению длительного стресса, который никак не заканчивается. Как результат включаются защитные механизмы, и иммигранту становится сложно воспринимать новую информацию, он старается изолироваться в том, что ему уже давно известно. Чаще всего это работа, учеба, семья и закрытые группы своих соотечественников, которые дают иммигранту ощущение уверенности в своих силах и хоть какой-то стабильности.

Где бы иммигрант ни находился и что бы он ни делал, он все делает неправильно, отлично от всех остальных. Правила пользования общественным транспортом, местные правила поведения в общественных местах, правила обращения к разного рода государственным ведомствам – всему надо учиться заново. Иммигрант в новом обществе чувствует себя чужим и непринятым, отвергнутым из-за неспособности установить контакт с окружением. Очень быстро он начинает ощущать, что нет ни одной привычной сферы жизни, где бы он чувствовал себя уверенно. Его захватывают чувства беспомощности, малоценности и растерянности.

Миграция в другую страну – неоднородное событие. В процессе миграции многие факторы переплетены.

В процессе адаптации иностранца к новой культурной среде можно выделить четыре травмирующих фактора:

1. Сепарация, потеря и дезорганизация;
2. Регресс и инфантилизация;
3. Угроза потери идентичности;
4. Чувство вины перед оставшимися на родине родственниками и друзьями.

Для индивида миграция представляет собой серьезную психическую дестабилизацию и дезорганизацию, так как потеря дома объединяет большую группу факторов, влияющих на нашу идентичность. Дом здесь имеет более широкое значение и представляет собой совокупность близких родственников и друзей, обычаев, неписаных правил повседневной жизни, отношений между людьми, законов, истории, системы ценностей, культуры, языка и т. д.

Так как родина и дом ассоциируются с матерью и материнскими функциями, потеря родины идентифицируется с потерей ребенком матери. В результате иммиграции, так же как и при потере матери, у человека

появляются чувства беспомощности и покинутости. Так, Пападопулос отмечал: «Всегда, когда происходит потеря дома, все организующие и контейнирующие функции перестают проявлять свои защитные свойства и появляется риск дезинтеграции на всех трех уровнях: на уровне индивида, на уровне семьи и брака и на социально-экономическом и политическом уровне».

В силу того что миграция близко связана с сепарацией, индивиды, у которых сепарация с первичным объектом не произошла или произошла с осложнениями, могут испытать не только чувство потери, но и опустошение как результат раннего травматического опыта. Особо тяжело процесс адаптации переносят индивиды с нарциссической травмой, полученной в раннем детстве, так как новая травма адаптации актуализирует старую.

В процессе первичной адаптации к внешнему миру ребенок не в состоянии самостоятельно интегрировать свои чувства. Он нуждается в психической помощи взрослого окружения, которое разделит с ним этот опыт. Если Я было дезинвестировано, то у него нет модели поведения, которую бы он мог интегрировать и повторять во взрослой жизни. При миграции и потере родины у индивида происходит актуализация предыдущих травм, что может повлечь за собой связанные с этим осложнения в процессе гомеостаза.

Травма, полученная в результате миграции, может привести к регрессу и психическим изменениям. Это особенно заметно у индивидов, у которых наблюдается пограничный уровень организации личности. Потеря «Другого», обеспечивающего психологически-социальную идентичность, провоцирует нарциссическую дерегуляцию, которая может иметь серьезные последствия для индивида.

Поэтому своя культура, родина, дом являются защитными факторами против таких регрессивных процессов, защищающими от архаических модальностей психического функционирования.

Язык также играет важную роль в процессе адаптации и является основополагающим фактором, влияющим на регресс иностранца, который не может вести полноценную коммуникацию в новой социальной среде. Ему приходится пользоваться языком жестов и знаков, и, когда это повторяется много раз, он начинает регрессировать до уровня маленького ребенка, который не может высказать свои основные потребности, что порождает чувство полного бессилия и отчаяния.

Иностранцам кажется, что им приходится заново учиться говорить, учиться социально приемлемым правилам поведения в новом обществе так же, как в младенчестве, что усугубляет их регресс.

Дети в эмиграции часто быстрее осваивают новый язык и правила поведения в новом обществе, чем их родители. В таких ситуациях родители вынуждены обращаться к детям за помощью в переводе при общении с официальными или неофициальными лицами. Вследствие этого они осознают, что находятся в психологической зависимости от своих детей в вопросе общения с местными. Происходит «перевертыш» в отношениях между детьми и родителями, где дети становятся взрослыми, а взрослые – детьми, что дополнительно влияет на регресс и инфантилизацию.

иммигранта. В то же время у детей появляется чувство незащищенности, что может влиять на их самооценку.

Некоторые авторы, такие как Леон и Ребека Гринберг, считают, что миграция для индивида может представлять катастрофические изменения (*Grinberg L., Grinberg R., 1989*).

Акхтар убежден, что миграция представляет собой комплексный психосоциальный процесс, со значимым и продолжительным влиянием на идентичность индивида (*Akhtar, 1999*). Брундл и Коган пишут, что у многих иммигрантов горевание является отсроченным в течение первого года, пока они заняты активностями, связанными с внешней интеграцией в общество другой страны, такими как поиск жилья, работы и другие повседневные заботы (*Kogan, Brundl, 2005*).

Некоторые иммигранты застревают в патологической депрессии, будучи не в состоянии осознать свою потерю и двинуться дальше от стадии депрессии и потерянности к стадии интеграции и новой ориентации в обществе.

Мигранты часто испытывают чувство вины по отношению к родственникам, друзьям, предкам. Оно влияет на их рациональное поведение по отношению к тем, кто остался на родине. Они часто совершают нерациональные покупки, отправляют деньги родственникам и друзьям – таким образом они пытаются искупить свою вину за то, что «бросили» их, за то, что живут лучше или что у них есть больше возможностей для обеспечения себя и своей семьи, чем у их друзей и родственников. Они стараются почаще приезжать на родину в отпуск и часто долго копят средства на эти поездки.

Одновременно такое поведение может поддерживаться окружением, оставшимся на родине, и декларироваться не только как правильное, но и как обязательное, как долг перед родиной и семьей. Если такое не происходит, появляется зависть и ненависть у оставшихся на родине. Это происходит потому, что оставшиеся друзья и родственники могут чувствовать себя брошенными и забытыми, думать, что там, куда уехал их близкий, лучше или что он больше не нуждается в этих отношениях.

Психическая кожа и психический конверт

Французский психоаналитик Дидье Хаузел вводит термин психического конверта, объясняя этим контейнирующую функцию группы, семьи и культуры (*Hauzel, 1996*). В его понимании концепции контейнера психическая кожа (Анзье, 2011) и психический конверт в сути своей являются разными аспектами одного и того же явления.

С рождения у ребенка формируется привязанность к значимым фигурам, и по мере взросления этот психический конверт увеличивается и растет в объеме. Появляются другие конверты: семейный, культурный, языковой. Подобно кокону он имеет защитную функцию от внешних раздражителей. Согласно концепции Анзье, психическая оболочка имеет два слоя – внутренний и внешний, которые отличаются между собой по своей структуре и функциям (Анзье, 2011). Внешний слой более твердый,

повернут к внешнему миру и является защитой от раздражителей, в то время как внутренний слой более гибкий, чувствительный и имеет функцию получения сигналов, знаков и записывания следов. Описывая этот феномен, Анзье указывал: «Это одновременно пленка и интерфейс: пленка хрупкая, двусторонняя, одна сторона которой обращена к внешнему миру, другая – к внутреннему, то есть интерфейс, разделяющий два этих мира и ставящих их в отношения».

Концепт психической кожи, или, как ее еще назвал Анзье, Я-кожи, является разработкой метафоры оболочки, которую изначально представил Фрейд для описания психического аппарата. Топографическую структуру Я Фрейд развивал в нескольких своих работах. Первое описание, которое было дано в 1896 году, Фрейд назвал «психическим аппаратом» (Фрейд, 2017). В нем Фрейд говорит про «контактные барьеры». Эти «контактные барьеры» представляют зачатки концепции Я-кожи, которую дальше развивал Анзье.

Создание психического конверта происходит постепенно, в течение всей жизни, но самая активная часть процесса приходится на период психосексуального формирования личности. Ранние отношения с матерью и людьми, которые ухаживали за ребенком, дают ему первичное чувство привязанности, а следом, во взрослом возрасте, и чувство безопасности. Чувство первичной привязанности к материнской фигуре, которое формируется у ребенка, впоследствии, когда он становится взрослым, дает ему веру и надежду, что у него все будет хорошо, а все перемены временные и являются неотъемлемой частью жизни. Наш первый жизненный опыт, надежность и поддержка, которые мы получали в детстве, влияют на нашу способность расставаться и переносить любые изменения и сложности в жизни.

Сначала формируется семейный конверт, где ребенок узнает первые правила и устанавливает первые отношения с членами семьи. По мере взросления формируется новый слой психической кожи – в результате отношений с обществом и принятия культурных ценностей, правил и обычаев жизни появляется культурный конверт. С самого начала жизни у ребенка начинает формироваться языковой конверт.

На протяжении долгой истории существования человека как вида принадлежность к группе имела важнейшую роль для его выживания. Это всегда означало более безопасную среду и возможность защититься от внешних хищников. В этом смысле чувство принадлежности и привязанности к группе являются самыми важными характеристиками психического конверта индивида.

Мигранты часто страдают от выраженного конфликта принадлежности. В новой стране они долго находятся в статусе иммигранта. Они чувствуют себя другими, не принятыми обществом новой страны, что порождает чувства отверженности и неполноценности. Одновременно, как результат отдаления от родины, у них появляется чувство вины или обесценивания своей родины из-за частичной потери своей личной и культурной идентичности.

Таким образом, со временем некоторые мигранты начинают чувствовать, что не принадлежат полностью ни к одной из этнических групп. Они не до конца принимают культурные ценности новой страны и не чувствуют общность с ее гражданами. Они будто попадают в вакуум или расщелину между двумя тектоническими плитами, не принадлежат ни к одной из культур. Временами они чувствуют себя в полном одиночестве.

В случае положительного прохождения периода адаптации иммигрант может начать чувствовать свою принадлежность к обеим культурам и ощущать себя принятым обоими обществами, понимая и принимая свои отличия и сходства с ними.

При прохождении периода адаптации у индивида формируется новая психическая кожа. Наподобие змеи, которая сбрасывает свою физическую кожу, индивид сбрасывает старую психическую кожу, которая ему больше не нужна в той мере, в которой была необходима в старой среде.

Тем не менее очень часто происходит своего рода смесь старого и нового, когда он приобретает новую кожу, но одновременно сохраняет некоторые индивидуально детерминированные элементы старой.

Чтобы появилась новая психическая кожа как психический конверт, во время адаптации у индивида происходят одновременно два процесса: работа горя по утерянной родине и процесс становления нового психического конверта через формирование нового языкового и культурного конверта. Эти два процесса взаимозависимы.

Языковой конверт и культурный конверт

Одновременно с процессом работы горя у индивида начинает формироваться новый культурный и языковой конверт как новая психическая кожа, которая ему необходима для выживания и приспособления в новых реалиях.

Насколько язык важен для коммуникации и выражения мыслей, можно понять, обратив внимание на то, как формируется этот языковой конверт у младенца. В своей концепции «Я-кожа как психический контейнер» Анзье обращает внимание на значимость сонорной или аудитивно-фонетической оболочки в формировании самости, наравне с тактильными и визуальными ощущениями (Анзье, 2011). Винникотт (*Winnicott, 1971*) говорит, что лицо матери и реакция окружения ребенка играют роль первого зеркала, формирующего его самость на основе того, что было отображено. В отличие от Винникотта, Анзье считает, что сонорное зеркало на самом деле существовало еще до приобретения способности различать реакции матери и символизировать знаки, полученные извне.

Он приводит выводы физического анализа акустических параметров звуков, издаваемых новорожденным, который провел Вульф (*Wolff, 1969*). Исследователь выделил четыре различных крика, представляющих собой чистые физические рефлексy.

В периоде с третьей недели у ребенка появляется «ложный крик бедствия, для того чтобы привлечь внимание» (*Wolff, 1969*), который сильно отличается от остальных четырех видов крика. Он издает первую

сонорную интенциональную передачу – первый звук, представляющий собой коммуникацию. Материнский голос ребенок начинает отличать от остальных в пять недель, еще до того, как он начинает отличать ее лицо от других (Анзье, 2011).

Анзье показывает, насколько привычные звуки изнутри и извне важны для индивида с самого раннего периода его развития и еще до формирования самости. Он утверждает, что сонорное пространство, которое состоит из «купели» звуков внешнего пространства и внутренних звуков тела, представляет первое психическое пространство для ребенка.

Демонстрация того, что звуки, голос, язык и его интонация глубоко связаны с первым жизненным опытом ребенка через формирование сонорной оболочки с одновременным формированием обонятельной и вкусовой оболочки в виде запахов и вкусов, играет решительную роль в формировании идентичности индивида с его языковым и культурным конвертом. В этом смысле инвестирование в новый языковой и культурный конверт происходит не только с изучением нового языка, культуры, обычаев, системы ценностей в обществе, но и с адаптацией к новой пище и новым звукам.

Имея в виду вышесказанное, можно предположить, что иностранцу кажется невыносимо сложным принять новый язык и культуру, одновременно отказавшись от своего языкового и культурного конверта, так как они существовали у него с первых моментов жизни.

Исследования Каффи и Моффит, которые приводятся Анзье (Цит. по: Анзье, 2011), подтвердили, что фонетическая перцепция десятидневных младенцев намного превосходит их способность к воспроизведению звуков. Кроме того, исследование Баттерфельда показало, что некоторые младенцы проявляли симпатию к классической или популярной музыке или к напеваемой мелодии через более активное сосание соска в часы кормления, сопровождаемого музыкой, по сравнению с обычным кормлением (Цит. по: Анзье, 2011). Анзье резюмирует: «Эти работы подтверждают теорию Боулби, согласно которой первичное влечение привязанности функционирует одновременно с оральным сексуальным влечением и независимо от него. Но они вносят важную поправку: ментальные способности проявляются сначала на акустическом материале».

Тогда можно с уверенностью сказать, что первые зародыши языкового и культурного конверта у младенца формируются в самом раннем возрасте и представляют элемент первичного влечения привязанности.

Абаси и Конси (Цит. по: *Kogan*, 2010) утверждают, что потеря среды, где индивид слышит в основном свой родной язык, представляет огромную потерю для него. Изучение нового языка, столкновение с новой культурой и одновременная невозможность пользоваться своими культурным и языковым конвертами, приобретенными с самого рождения, представляют психическую сверхнагрузку для мигрантов.

Они изначально ощущают панику и агрессию по отношению к новому языку и стараются отложить изучение нового языка на как можно более поздний срок. Они становятся перегруженными количеством необходимых изменений, что оборачивается сильным стрессом. Вследствие этого

появляются нервное напряжение, снижение концентрации, внимания и способности к запоминанию изучаемого ими языка.

В итоге иностранцы часто пользуются примитивным языком, формируя образ неграмотного человека, вызывающего пренебрежение местного населения, что порождает чувство собственной неполноценности.

Иногда иностранцы, которые стараются принять новую культуру и выучить язык, могут чувствовать себя неловко и испытывать стыд за свою этническую группу. У них могут появиться сложности при поиске жилья из-за стигматизации со стороны коренного населения, потому что их этническую группу могут ассоциировать с нечистоплотностью, недисциплинированностью, низкой моралью и т. д.

Они могут стыдиться разговаривать на родном языке в общественных местах и чувствовать себя разобщенными с детьми в том случае, когда их дети отказываются изучать родной язык или разговаривать на нем.

Непонимание и неприятие новой культуры с ее языком и культурными ценностями приводят к еще большему одиночеству и отчуждению. В ситуациях, когда индивид старается изолироваться, держаться за старую систему ценностей, отказывается меняться, он как будто застывает в прошлом. Он уже не живет в новой реальности, находясь в своей, внутренней, которая не дает ему возможности погоревать и отпустить старое, чтобы обрести новое.

Работа горя

Переезжая в другую страну, иммигрант проходит через процесс работы горя по потере родины, даже если адаптация протекает без осложнений. Работа горя в период адаптации к новой культуре для большинства иностранцев занимает долгий период времени, а у тех, у кого происходит осложненное горе, она может длиться всю жизнь.

Работа горя представляет собой внутриспсихический процесс дезинвестирования в утраченные отношения, в ходе которого субъекту удается постепенно отстраниться от объекта и отпустить его. Происходит своеобразная переработка отношений со своей родной культурой и языком, которым надо найти место в новой реальности, где они со временем становятся воспоминаниями и личными культурными кодами.

Наше горевание определено историей наших прошлых утрат и индивидуальными особенностями взаимоотношений. Одна и та же потеря у разных людей может переживаться по-разному, даже если она имела схожее значение для них обоих.

Глубина и длительность переживания горя зависит как от индивидуальных особенностей, так и от степени готовности к грядущей потере. Если иммигрант продолжительное время готовился к переезду, изучал язык и культуру, обсуждал возможные сложности с другими иммигрантами и у него есть круг знакомств в новой среде, он уже несколько готов к грядущим изменениям. У него есть возможность мысленно и в фантазиях подготовиться к этому. И соответственно, для тех, кто не готовится заранее и не понимает глубоко, куда он переезжает, это может стать сильным

стрессом. В таких обстоятельствах человек может впасть в ступор из-за большого количества неожиданных изменений, произошедших одновременно.

В процессе адаптации иностранцев происходит дезинвестирование в родину через потерю близких отношений с людьми, которые там остались, потерю привычных запахов, вкусов, языка, культурных ценностей и т. д.

Человеку нужно понять личный смысл и значение переезда, найти место в своем прошлом и настоящем для всего того, от чего он отделяется и с чем прощается, а также для того, с чем он не готов проститься. Происходят переоценка и переосмысление утрачиваемого и приобретаемого с целью дать всему, от чего отказывается иммигрант, место в новой системе координат и место в прошлом.

Рассмотрим работу горя по потере родины с точки зрения психоаналитического подхода, описанного Фрейдом в работе под названием «Печаль и меланхолия» (Фрейд, 1998), чтобы понять экономическую составляющую работы горя в период адаптации иммигранта в новой среде, а также наиболее популярную психологическую модель Э. Кюблер-Росс о стадиях работы горя.

В ходе работы над концепцией нарциссизма Фрейд сталкивается со случаем Шребера и начинает исследовать меланхолию как состояние осложненного горя, исходя из экономического подхода.

Общая картина горевания такая же, как при печали, но все признаки горя выражены намного сильнее. Индивид поглощен своим горем настолько, что ему сложно функционировать в реальности. Человек знает, кого он потерял, но не может осознать, что это значит для него. У него заметно выражены заторможенность, психическое отсутствие, нереалистичные фантазии самообвинения и бред ожидания наказания. Появляется гипермания как защита от чувства горя. Периоды гипермании сменяются периодами глубокой депрессии.

В меланхолии происходит выбор объекта по нарциссическому, а не по либидинальному типу, из-за чего происходит нарциссическое отождествление с объектом. В этом смысле происходят нарциссическая идентификация с потерянным объектом и, соответственно, утрата субъекта: «Тень объекта упала на Я». Субъект это ощущает как потерю себя. Это полное обеднение Я характерно для меланхолии, пишет Фрейд: «При печали обеднел и опустел мир, при меланхолии – само Я» (Фрейд, 1998).

С самого рождения младенец должен приспособливаться и справляться с потерями. Если они происходят в надежном окружении, у ребенка формируется положительная психологическая модель горевания, которая будет его сопровождать в течение всей жизни.

Меланхолия – сложный, энергозатратный процесс, где происходит потеря интереса к внешнему миру. Заторможенность и безразличие объясняются работой горя, которое поглощает Я. Этим обусловлены потребность в самоизоляции у некоторых мигрантов и незаинтересованность в происходящем в новой среде обитания.

В печали по утерянному объекту, когда у субъекта есть положительный опыт проработки горя, субъект осознает свою потерю и может самостоятельно с ней справиться без потери инвестиций в других сферах жизни. В ходе работы горя субъект должен отпустить объект и полностью отнять либидо, направленное к этому объекту. Фрейд объясняет, что «теми же признаками отличается и печаль, за исключением только одного признака: при ней нет нарушения самочувствия».

По окончании работы горя Я становится свободным и снова может инвестировать либидо в другой объект.

В психологической теории существуют разные модели, описывающие стадии работы горя. Самой популярной среди них являются стадии работы горя по Э. Кюблер-Росс (Кюблер-Росс, 2001). Согласно ей, основными являются: 1) шок или отрицание, 2) гнев, 3) сделка или переговоры, 4) депрессия и 5) принятие. В течение горевания различные стадии могут чередоваться и переживаться по несколько раз с разной интенсивностью. Они также могут иметь размытые границы, что осложняет их определение.

Каждая последующая волна воспоминаний и тяжелых моментов горевания проходит менее интенсивно и короче по времени. Хотя сведение к пяти стадиям сильно упрощает весь спектр эмоций, которые испытывает человек во время печали, оно помогает людям понять, что любая потеря временна. Это дает надежду на то, что интенсивность горя пройдет и человек справится с изменениями в сложных жизненных ситуациях. Надежда – это важная нить, соединяющая все стадии.

При любой потере активируются примитивные страхи беспомощности и одиночества. В первый момент после утраты у индивида появляется паника как первая реакция на потерю. Ее корни находятся в первом жизненном опыте, который младенец испытывает при разлуке с матерью. Паника является реакцией на беспомощность и явную опасность, которую младенец не может пережить без материнской заботы (физически) и любви (психически).

Сначала человек не хочет поверить в то, что произошла утрата. Он отрицает происходящее, у него поднимается сопротивление по отношению к новой реальности. Человек пользуется разными возможностями для объяснения происходящего вплоть до отхода от реальности, чтобы защититься от слишком болезненных эмоций. В нормальных условиях печали реальность все-таки берет верх, и он понимает, что утрата произошла.

Тем не менее психический двойник будет существовать у индивида еще долго, так как процесс работы горя проходит медленно, маленькими, сменяющимися друг друга шагами.

Основной причиной такой длительной проработки потери является большая затрата эмоций и энергии, поскольку человек тратит очень много сил и времени, чтобы понять личное значение потерянного и его место в прошлом.

Большинство людей, переехав в другую страну, считают, что переезд временный. Изначально у них появляются эйфория и синдром туриста, они везде видят только положительные моменты переезда, смотрят на

мир сквозь «розовые очки» и идеализируют текущую ситуацию и перспективы их адаптации. Если переезд был к лучшему, то они долго стараются закрывать глаза на проблемы, возникающие в процессе адаптации, полагая, что они временные и случайные.

В таких условиях иммигранты отрицают возможность того, что им придется надолго, а может быть, и навсегда остаться в этой стране, заводить семью и растить детей в новой культуре. Они обманывают себя в том, что культура и язык новой страны им нужны только в минимальном объеме и что необходимости меняться нет. Поэтому иммигранты стараются чаще навещать свою страну, следить за ее политической и культурной жизнью, смотреть ее телевизионные каналы и общаться только со своими соотечественниками.

В процессе адаптации мигранта к новой культуре стадия отрицания может длиться годами. Она одновременно чередуется с периодами агрессии и обесценивания по отношению к новой культуре и культурным ценностям нового места жительства, иммигранты часто стараются изолироваться от культуры новой среды.

В этот период у мигранта появляется комплекс иностранца, и на каждом шагу он сталкивается с тем, что вокруг него все новое. Часто он ощущает свою непринадлежность к этому обществу. Со временем, через несколько лет и по мере непринятия новой культуры, это чувство непринадлежности может начать распространяться и на непринадлежность к своей родной культуре и ее ценностям, что приводит к полному опустошению и чувству глубокого внутреннего одиночества.

Понимая, что утрата случилась, человек не может сразу ее принять, так как невозможно сразу отнять либидо от объекта, даже в случаях наличия ему замены.

Поднимается тревога, которая чередуются с агрессией и обесцениванием. Человек прибегает к любой возможности обмануть себя и обвинить другого, чтобы не принимать горькую правду, что ответственность за переезд и необходимые всеобъемлющие изменения лежит только на нем.

Агрессия по отношению к утраченному объекту поднимается из-за чувства бессилия, ощущаемого индивидом. Он склонен проецировать свои плохие части вовне, на другого, обвинять потерянный объект в произошедшем: все плохое – там, а у него – все хорошее. Идеализация потерянного объекта чередуется с его обесцениванием – сначала сильным, а потом, со временем, в случае положительного прохождения работы горя по потерянному объекту, – все менее выраженным, более близким к реальному месту утраченного объекта в прошлом индивида.

Чувство непринятия и комплекс иностранца в силу незнания местного языка и невозможности общения порождают агрессию к новому обществу. Проблемы иммигранта растут как снежный ком. Прожив какое-то время в другой стране, человек начинает злиться и сравнивать новую культуру и ее систему ценностей со своей родной, одновременно идеализируя последнюю.

Причины переезда в другую страну начинают казаться не такими важными, а проблемы, вызванные необходимостью принятия новой культуры,

расстраивают иностранца, из-за чего он злится на общество, в котором находится и которое его не принимает полностью. Как результат необходимости прохождения больших и сложных изменений в идентичности индивида у него в некоторых случаях может происходить обесценивание родной культуры и общества, чтобы облегчить себе работу горя при потере одной идентичности и принятии другой. В таком случае все характеристики новой страны идеализируются и обращается внимание только на положительные моменты, а отрицательные отвергаются или игнорируются.

У многих иностранцев, уехавших в более благополучные страны, часто встречается чувство вины перед своей нацией, как будто они совершили измену по отношению к своим предкам и будущим поколениям. Это может выражаться в переносе чувства вины на свой народ и общество из-за которого ему пришлось уехать в поисках лучшей жизни, и связанном с этой виной гневом по отношению к разным моментам в своей родной стране.

После того как человек принимает тот факт, что утрата объекта произошла, у него появляется желание двигаться дальше – он перестает остро переживать по поводу своего горя. Хотя эмоциональное присутствие потерянного объекта все еще ощущается, постоянная трата психической энергии заставляет индивида подчиниться необходимости пересмотра своего отношения к потерянному объекту. Человек снова рассматривает утраченные отношения, воспроизводит их в памяти, в снах или фантазиях.

Положительные воспоминания пробуждают чувства счастья, в то время как отрицательные заставляют снова и снова проигрывать картину горя, испытывать ощущения печали или разочарования.

Основной целью такого пересмотра является потребность в конечном итоге взглянуть на прошлое и принять его таким, какое оно есть. Чем более близкими были отношения и чем дольше длилось общее прошлое, тем более амбивалентными могут быть чувства, с которыми нужно справиться и которые следует переработать, чтобы печаль отступила и работа горя могла завершиться.

Тем не менее некоторые индивиды застревают в депрессии на очень долгое время, иногда навсегда. Это проявляется в виде меланхолии, усугубляющейся с каждым новым опытом потери, из-за чего человек не может добиться разрешения своего горя. Он как будто постоянно ходит по кругу. У него не получается найти выход из ситуации и посмотреть на нее с другой стороны, пережить ее по-другому и принять утрату.

Стадия депрессии у мигрантов протекает с ощущением ностальгии как устойчивого чувства потери и разлуки со своими близкими, окружением, обычаями и образом жизни. Учитывая, что иностранец всегда с трудом и в течение долгого периода времени адаптируется в новой среде, где он долго чувствует себя непринятым в обществе, можно предположить, что его субъективное ощущение статуса в новой стране всегда будет ниже, чем на родине.

Также отмечается особое отношение мигрантов к их статусу в новом обществе. Тех, у кого не произошло принятие потери родины, больше

беспокоит то, каким мог бы быть их статус на родине и как он отличается от имеющегося в данный момент, чем реальный, объективный статус в новом обществе. Они часто сравнивают себя с друзьями и родственниками, которые остались, и им кажется, что на родине их статус был бы выше. Или же, если в прошлом он и был выше, мигранты фантазируют о том, что теперь он мог бы быть еще значительно выше. Это субъективное чувство статуса иностранца в эмиграции может являться только частью работы горя, где происходит переоценка прошлых отношений с родиной, а может быть и состоянием вялотекущей депрессии, в котором он проживает свой опыт адаптации в течение многих лет.

С появлением новых видов транспорта, средств связи и интернета мигранты имеют больше возможностей контактировать и поддерживать общение с теми, кто остался на родине. Хотя это и уменьшает чувство ностальгии и грусти по потерянной среде, это не позволяет индивиду отпустить полностью свою утрату, принять новую реальность, адаптироваться и стать полностью частью нового общества.

Принятие приходит постепенно, изначально сменяясь с периодами депрессии, погружением в чувство тоски и грусти по утерянному объекту. Отгоревав по какому-то воспоминанию, мы его отпускаем и помещаем в свой исторический и эмоциональный контекст.

По мнению Вамика Волкана, который и сам являлся эмигрантом, мы идентифицируем себя с самыми важными для нас чертами психического двойника того, о чем или о ком горюем, и инкорпорируем их, делая это частью своей идентичности: «Тем самым мы сможем с чем-то расстаться и одновременно остаться с ним, обогатившись нашим опытом утраты».

В случае горевания по родине есть очень много бессознательных моментов, по поводу которых мигранту приходится горевать. Поэтому даже много лет спустя после адаптации в новой среде эмигрант может вдруг ощутить, как всплыли старые чувства, которые кажутся давно понятными, но которые все еще его цепляют. Тогда приходится снова искать связи и значения в своем прошлом и горевать по своей утерянной идентификации, только на этот раз более осознанно и с меньшей интенсивностью.

Эмпирическое исследование на основе интервью с семьей иностранцами из нескольких стран в возрасте от 40 до 55 лет, проживающими в разных странах и имеющими различный жизненный опыт, подтвердило, что новая идентичность, которая формируется в процессе адаптации как новая психическая кожа, становится смесью интроецированных частей старой, родной и новоприобретенной кожи. Все опрошенные мигранты проходили через процесс работы горя по утерянной родине в течение долгого периода времени, а способность к адаптации в новой среде напрямую зависела от их способности горевать.

Индивидуальные характеристики личности до периода миграции, реакция и значимость людей, оставшихся на родине, и реакция общества, в которое иностранец переезжает, играют важную роль в потенциальном развитии травматического опыта у иностранца.

Надо обратить внимание на то, что в процессе адаптации участвует много факторов, которые между собой взаимосвязаны. Предыдущий

травмирующий опыт может негативно повлиять и усложнить процесс работы горя, необходимый для адаптации в новой среде. Такие психологические состояния, как тревога и психологическая боль вследствие травмирующего опыта, приводят к сохранению отрицательного опыта адаптации.

Особо тяжело она проходит у людей, которые были сильно травмированы до переезда. Они могут регрессировать до более низкого пограничного или даже психотического уровня, что делает процесс сепарации с родиной еще более сложным и препятствует прохождению необходимого целительного процесса работы горя.

И хотя процесс адаптации является для индивида многолетней сложной психологической работой принятия нового и одновременного горевания по потере прежнего, он не всегда представляет серьезную психическую травму со значимыми последствиями. Это будет зависеть от личных характеристик и уровня психического функционирования, с одной стороны, и поддержки близких, общества и среды страны переезда – с другой.

В случае положительного прохождения периода адаптации иммигрант может начать чувствовать свою принадлежность к обеим культурам и ощущать себя принятым обоими обществами, понимая и принимая свои различия и сходства с каждым из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. Ижевск: Ergo, 2011.
2. *Волкан В., Зинтл Э.* Жизнь после утраты. Когито-Центр, 2014.
3. *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. Киев: София, 2001.
4. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. Спб., М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 591.
5. *Фрейд З.* Заметки о чудо-блокноте. Ижевск: Ergo, 2017.
6. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. СПб.: Алетейя, 1998.
7. *Akhtar S.* (1999) Immigration and identity: Turmoil, treatment and transformation. Northvale, NJ, London: Aronson.
8. *Grinberg L., Grinberg R.* (1989) Psychoanalytic perspectives of migration and exile. English translation by Festinger. N. New Haven, CT: Yale UP.
9. *Hauzel D.* (1990) The concept of psychic envelope. In: D. Anzieu (Ed.). *Psychic envelopes.* London: Karnac.
10. *Hauzel D.* (1996) The family envelope and what happens when it is torn. *International Journal of Psychoanalysis.*
11. *Kogan I., Brundl P.* (2005) Childhood beyond trauma and alienation. Frankfurt: Brandes & Apsel.
12. *Kogan I.* (2010) Migration and Identity: Different perspectives. *International Journal of Psychoanalysis.*
13. *Papadopoulos R. K.* (2002) Therapeutical care for Refugees: No place like home. Karnac Books.
14. *Winnicott D.* (1971) Mirror role of mother and family in child development. In *Playing and reality.* London: Tavistock.

15. *Wolff P.* (1969) The natural history of crying and other vocalizations in early infancy. In B. Foss (Ed.). *Determinants of infant behavior*. London, England: Mathuen.

Adaptation of immigrants in a new culture through the creation of a new cultural and linguistic envelope

D. D. Vranjes, O. V. Chekunkova

Vranješ Dragana D., executive and team coach, organisational consultant, psychoanalytical and TFP-therapist, GRC consultant. Clinical psychology (Pirogov RNRMU). APCBC certified business coach and Board member, ISPSO member, ISPSO AM PDW Chair and member of Selection Committee, member of ECPP and ISTFP, candidate to certified members of ISTFP. Chekunkova Olga V., psychoanalytical psychotherapist, clinical psychologist, candidate of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), candidate of the International Psychoanalytical Association (IPA), senior lecturer and senior supervisor of the Master's programs of the National Research University Higher School of Economics "Psychoanalysis and Business Counselling" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy".

This article explores the phenomenon of migration and adaptation in a new culture from a psychoanalytic perspective as a grieving process and the loss of a native cultural identity, as well as the creation of a new psychic skin through a formation of a new cultural and linguistic envelope. Migration is seen as a mental trauma due to the loss of home, cultural values and language as a means for communication. This article can be used in psychoanalytic practice when working with patients experiencing difficulty adapting to a new environment. The empirical data obtained as a result of this study revealed that the nature of the relationship with one's primary objects has a major effect on the process of forming a new identity, the duration and success/failure of a grief process and subsequent adaptation to a new culture.

Keywords: migration, immigration, relocation, adaptation of foreigners, mental trauma, loss of identity, regression, cultural envelope, language envelope, psychic skin, new identity, grieving process.

ПСИХОАНАЛИЗ БИЗНЕСА

Психоаналитические аспекты формирования бизнес-партнерств

*Е. В. Колесник, Д. А. Коробкина,
Е. М. Офёркина, М. Г. Ситковская,
Е. Г. Цимбалюк*

Колесник Елизавета Вячеславовна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант.

Коробкина Дарья Александровна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант.

Офёркина Евгения Михайловна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант.

Ситковская Мария Геннадьевна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант.

Цимбалюк Евгения Геннадьевна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант.

Большая часть российских предпринимателей ведет бизнес в партнерстве. Это объяснимо, ведь с экономической точки зрения существует множество преимуществ: расширение возможностей привлечения ресурсов, совместные усилия для достижения бизнес-целей, распределение рисков.

Помимо чисто деловых аспектов в системе бизнес-партнерств скрыты сложные психологические и эмоциональные механизмы, влияющие на их психодинамику. Эти механизмы влияют на принятие решений, эффективность руководства и качество взаимоотношений. Многие бизнес-партнерства сталкиваются с конфликтами и распадаются.

Период пандемии дал начало терапии пар бизнес-партнеров в Кремниевой долине. В России также усилился запрос на улучшение взаимодействия в бизнес-партнерствах. В ответ на этот запрос Школа управления «Сколково» запустила программу «Тандемократия», а юристы развивают формат партнерских сессий, где бизнес-партнеры договариваются о формальных и неформальных условиях совместного ведения бизнеса.

Мы предположили, что на формирование и динамику бизнес-партнерства оказывают влияние бессознательные фантазии партнеров, и решили проверить эту гипотезу с помощью серии исследовательских коучинговых сессий.

К сожалению, на данный момент существует критически мало психоаналитической литературы, посвященной бизнес-партнерствам. В связи с этим подход, выбранный для

проведения исследования, основываясь на психоаналитических теориях и методиках, применяемых в семейной терапии, которые уже были протестированы при терапии пар бизнес-партнеров на Западе.

Эти методики были синтезированы во фреймворк, протестированный на 13 парах бизнес-партнеров, а также была проведена психоаналитическая интерпретация. В результате сформирован подход, на базе которого в будущем может быть разработан новый метод в работе с предпринимательскими парами.

Ключевые слова: бессознательная фантазия, бизнес-партнерство, разделяемая фантазия, первофантазм, стадия развития пар, контрперенос, тандем.

Бизнес-партнерства в современном контексте

Бизнес-партнерства играют стратегически важную роль в современном мире бизнеса. Они представляют собой форму сотрудничества между независимыми участниками, объединяющими ресурсы и усилия для достижения общих целей.

Существует множество вариаций бизнес-партнерств. В фокусе нашего исследования – партнерства, состоящие из двух бизнес-партнеров. Чаще всего их называют «тандемами», но так ли это? Парное бизнес-партнерство – это совместная предпринимательская деятельность двух людей, направленная на достижение совместного результата в бизнесе, которая в процессе своего существования может стать или не стать тандемом – особой формой партнерства, уникальным союзом родственных душ, дающим суммарный эффект, которого никто из участников не достиг бы ни в одиночку, ни в сочетании с любым другим человеком (Михайлова и др., 2022).

Яркими примерами успешных мировых бизнес-партнерств, которые, на наш взгляд, можно назвать тандемами, являются Уоррен Баффет и Чарльз Мангер, Билл Гейтс и Пол Аллен, Ларри Пейдж и Сергей Брин, Билл Хьюлетт и Дейв Паккард, Пьер Омидьяр и Джеффри Сколл, Уильям Проктер и Джеймс Гэмбл. Создание компаний из первого десятка списка Forbes с многолетней историей, получение Нобелевской премии, реализация самых смелых стратегий на финансовых рынках, совершение открытий в разных сферах – все это и многое другое мы можем увидеть среди результатов деятельности бизнес-партнерств. Пришли бы или нет партнеры к таким же результатам в одиночку – это большой вопрос, но неоспоримым является тот факт, что каждый из них отмечает вклад другого в достигнутую ими цель.

По данным исследования Стэнфордской высшей школы бизнеса, 35% компаний, ставших единорогами в 1997–2021 годах, имеют двух основателей, и только 15% компаний одного. Но при этом то же исследование говорит о том, что 70% партнерств терпят неудачу и распадаются (Михайлова и др., 2022).

В России несколько лет назад наметился тренд на объединение бизнеса: появились бизнес-клубы, ассоциации и объединения, которые помогают предпринимателям решать задачи вместе, и сейчас около 75% российских предпринимателей ведут бизнес в партнерстве (Подцероб, 2023). Но из-за сложных психологических и эмоциональных механизмов, влияющих на психодинамику партнерств, около трети (32%) предпринимателей уже в первый год партнерства сталкиваются с конфликтными ситуациями (Подцероб, 2023).

Мир меняется, пандемия повысила и без того высокий уровень тревожности, предприниматели даже при наличии семьи, команды и коллег часто чувствуют нехватку общения с теми, кто сможет выслушать, понять проблематику и справиться с возникающими ежедневно вызовами. Партнер в бизнесе может быть как раз тем, с кем можно разделить ответственность, тем, кто поддержит и сможет помочь. Но что делать, если возникает напряжение с партнером?

Именно пандемическая ситуация, повлекшая изменения во всех сферах жизни людей, дала начало терапии в парах бизнес-партнеров в Кремниевой долине (Schiffer, 2020), которая показала эффективность методов семейной терапии для бизнес-партнеров. В России также усилился запрос на улучшение взаимодействия в бизнес-партнерствах. В ответ на этот запрос Школа управления «Сколково» запустила программу «Тандемократия», а юристы развивают формат партнерских сессий, где бизнес-партнеры договариваются о формальных и неформальных условиях совместного ведения бизнеса.

Гипотеза исследования

Мы предположили, что на формирование и динамику бизнес-партнерства оказывают влияние бессознательные фантазии партнеров, и решили проверить эту гипотезу с помощью серии исследовательских коучинговых сессий.

Участие в исследовании было предложено членам одного из крупных бизнес-сообществ Москвы. Всего за одни сутки было получено более 20 откликов. Предприниматели приходили с запросом разобраться глубже, как устроено их партнерство, снять намечающийся или давно существующий конфликт, проработать отношения, чтобы чувствовать больше тепла и поддержки от партнера, очертить роли ответственности.

Исследовательские сессии проводились двумя коуч-парами, состав которых не менялся на протяжении всей работы. Был создан фреймворк работы, который включал анкету, высылаемую исследуемой паре бизнес-партнеров до начала работы и включающую вопросы о бизнес-партнерстве, план сессий и возможные вопросы для первой групповой сессии.

Для изучения гипотезы о том, что бессознательные фантазии партнеров оказывают влияние на формирование и динамику бизнес-партнерства,

были проведены четыре коучинговые сессии с 13 парами бизнес-партнеров из различных сфер бизнеса, а также организованы интервизии для обсуждения результатов исследования.

Было выявлено, что каждая пара партнеров имеет свою уникальную историю, особенности и характеристики, при этом исследование было сфокусировано на поиске ответа на вопрос о том, как бессознательные фантазии партнеров влияют на динамику внутри их пары.

Подход к работе с бизнес-партнерами

Подход, выбранный для проведения исследования, основывался на синхронизации тавистокского подхода, описанного в книге Мэри Морган «Парное состояние сознания» (Морган, 2021), методике проведения семейной терапии из книги «Терапия пар в теории объектных отношений» Джилл Сэвидж Шарфф и Дэвида Е. Шарффа (Шарфф и др., 2008), а также идеях Мелани Кляйн (Кляйн, 2008, 2009, 2018), на которые опирались Э. Бэйдер, П. Пирсон – авторы книги «В поисках мифической пары» (Бэйдер и др., 2008), когда описывали стадии отношений в семейных парах.

Основой тавистокской школы является работа с бессознательной фантазией, а также развитие концепции разделяемой бессознательной фантазии. Бессознательная фантазия влияет на восприятие и интерпретацию реальности. Обратное также верно: реальность влияет на бессознательную фантазию. Значительная часть терапевтической деятельности – это попытка преобразовать бессознательную фантазию в осознанную мысль.

Бессознательная фантазия воздействует на то, как каждый партнер воспринимает другого в парных отношениях и переживает взаимодействие с ним. Другой важный аспект бессознательной фантазии, четко видимый в парных отношениях, состоит в том, что она может создавать ожидаемый отклик у другого. Бессознательная фантазия ощущается как реальность, и она действительно реальна – в том смысле, что является психической реальностью. Однако, если происходит психическое развитие, внутренняя психическая реальность модифицируется, когда она не соответствует внешней реальности.

В парных отношениях некоторые бессознательные фантазии одного партнера сходятся с фантазиями другого, и партнеры разыгрывают некие бессознательные истории вместе. Разделяемые фантазии и иллюзии существуют во всех парах, но в тех, где меньше тревоги и больше гибкости, взаимодействие между партнерами будет модифицироваться благодаря меняющимся требованиям жизненных переживаний.

Если фантазии партнеров не совпадают, то один партнер может помочь другому скорректировать фантазию реальностью, если совпадают, то общая фантазия может быть еще прочнее. Разделяемая фантазия связана с общей тревогой. Чтобы справиться с ней, пара устанавливает общую защиту. Разделяемые бессознательные фантазии могут рассматриваться как то, что бессознательно объединяет пару.

Фантазия представляет собой содержание потребности или чувств, таких как желание, тревога, триумф, любовь или сожаление. В работе с бессознательными фантазиями пар мы полагались на идею Фрейда о первичных фантазмах, таких как первосцена, соблазнение ребенка взрослым, кастрация, возвращение в утробу матери, каннибалистическая трапеза, а также фантазм семейного романа (Фрейд, 2007).

Из наработок супругов Шарфф мы взяли сеттинг, предложенный ими для семейной терапии пар. Работа была построена как в формате «терапевты – пара» (в исследовании два коуча и два партнера соответственно), так и в формате «терапевт – клиент» (в исследовании один коуч и один партнер соответственно). Такая комбинация встреч в процессе исследования позволила соотнести и дополнить динамики личных встреч партнеров с общими групповыми, а также более объемно увидеть основные паттерны и конфликты пары, определяющие качество отношений в партнерстве.

Из описания стадий отношений Бэйдера в семейных парах (Бэйдер и др., 2008) были взяты основные принципы диагностики и поиск некоторой отправной точки – стадии, на которой находится пара. Были сформулированы предположения о том, на какой из стадий (симбиоз, дифференциация, обучение или установление отношений) сейчас находится каждый из партнеров. Эти предположения помогли выдвинуть гипотезы для дальнейшей работы с парой.

Особую значимость в таких исследованиях представляют техники работы с парой: недирективное слушание повторяющихся бессознательно тем, слежение за аффектами, анализ фантазий пары, а также ассоциаций, предоставляемых обоими членами пары, исследование истории каждого из партнеров, которая касается текущих отношений пары.

Важное внимание уделялось анализу контрпереноса коучей в процессе работы с парами, который наряду с супервизиями и интервизиями стал важнейшим инструментом в исследовании пар бизнес-партнеров через призму психоаналитического подхода.

Все методики, описанные выше, были взяты за основу и синтезированы во фреймворк, который был протестирован на 13 парах партнеров. В результате был сформирован подход, на базе которого в будущем может быть разработан новый метод в работе с предпринимательскими парами.

Мы предполагаем, что этот подход имеет следующие характеристики:

- Применим на любой стадии партнерства.
- Может помочь партнерам решить не только парные, но и индивидуальные сложности, так как основан на взаимодействии со значимыми фигурами.
- Предполагает парную работу коучей с парой партнеров, которая дает много материала для исследования в переносах и контрпереносах. Их удастся точнее замечать и исследовать как паре коучей, так и на супервизионных группах.
- Дает возможность увидеть полноценную динамику, существующую в паре, благодаря наличию в структуре индивидуальных сессий. Мы увидели, что большинство партнеров не приносят на групповые сессии

тот материал и те мысли, которые у них появились в ходе индивидуальных сессий. Как правило, это касается причин участия в исследовании, чувств, которые испытывает партнер в ходе обсуждения партнерства, а также различных фантазий про партнеров и индивидуальной семейной истории. Мы связываем это с тем, что на старте работы для пар было недостаточно пространства, чтобы разбирать глубинный запрос, который служил импульсом для участия в исследовании их партнерства, а также это происходит из-за естественного затруднения идти глубже в расширенном составе участников сессии. Как правило, партнеры уходили от диалога между собой, рефлексии и новых способов обсуждения тех ситуаций, которые происходят в партнерстве.

- Помогает выстроить общее контейнирующее пространство для обоих партнеров. Многие партнеры отмечали, что раньше они не обсуждали друг с другом различные аспекты своего партнерства, да и вообще редко находили время для общения, за исключением решения бизнес-задач.

Примеры кейсов

В исследовании мы искали закономерности, анализируя, как именно бессознательные фантазии партнеров могут влиять на формирование и динамику партнерства и на ситуацию в бизнесе. В каждом кейсе удалось сделать предположение о двух бессознательных фантазиях партнеров, связанных одной общей темой, которая могла стать предпосылкой общего первофантазма. Также было сделано предположение о стадиях развития пары партнеров. Прделанная работа помогла сформулировать потенциальную разделяемую фантазию пары бизнес-партнеров, которая, по нашему мнению, может помочь в дальнейшей коучинговой работе с ними.

Ниже продемонстрированы структура и ход размышлений по выдвижению гипотезы о разделяемых фантазиях партнеров, об их первофантазме, а также некоторые аспекты психодинамики партнеров, которые учитывались при формулировании предположений на примере нескольких кейсов бизнес-партнерств.

В целях гарантии конфиденциальности некоторая информация была изменена, а факты и детали, имеющие значение для понимания бизнес-контекста, были существенно модифицированы для исключения возможности опознавания конкретных личностей.

Кейс «Проклятое наследство»

Анатолий и Николай – предприниматели со стажем примерно 50 лет, находятся в партнерстве более 17 лет, занимаясь лизингом транспортных средств в B2B-сегменте. Участие в исследовании от пары партнеров инициировал Анатолий.

При прояснении запроса Анатолий поделился, что хотел бы понять, где у партнера болевые точки, чтобы не давить на них, а Николай отметил, что хотел бы «уйти от накопленного конфликта», усилить открытость и доверие в партнерстве. Анатолий пришел в бизнес после работы в найме,

у Николая ранее было несколько бизнес-проектов с другими партнерами, а также работа в найме, откуда он и перенял бизнес-идею, реализуемую в текущем партнерстве.

Бизнес находится в процессе существенной реструктуризации, так как количество партнеров уменьшилось с пяти сначала до трех, а за последнее время до двух человек. Когда управляющих партнеров было трое, то основными блоками задач были продажи, за которые отвечал Николай, производство, которое находилось в зоне ответственности Анатолия, а за финансовую отчетность и операционное управление отвечал третий партнер – Борис.

Стоит отметить, что имя Бориса неоднократно появлялось в материале сессий, при этом Николай и Анатолий не хотели «развивать мысль» и рассказывать более подробно, чем именно третий партнер был так плох, но эта тема постоянно звучала в ходе обсуждения «между строк».

Интересно, что факт «привнесения» третьих лиц в работу наблюдался не только в приведенном кейсе. У части анализируемых пар в том или ином виде появились «третьи лица»: «неполноценные партнеры», «бывшие партнеры», бизнес-ассистенты и так далее. Динамика, которая разворачивалась вокруг «привнесенных персонажей», помогла прояснить конфликт в партнерстве и отследить некоторые паттерны взаимодействия.

Николай называл Бориса социопатом и говорил, что это не первый раз, когда Борис «бросает» бизнес без предупреждения, не выходит на связь, подводит партнеров, а Анатолий добавлял, что устал от постоянных конфликтов между Николаем и Борисом, хотя иногда они и давали положительный эффект, так как наблюдалась конкуренция, которая стимулировала рост продаж. Теперь Борис покинул страну, забрав все наработанные активы компании, без уведомления Анатолия и Николая. Последние решили обезопасить себя написанием нового партнерского соглашения, заверенного нотариусом и закрепляющего новое партнерство двоих. Составление и подписание партнерского соглашения поднимает много тревог, есть надежда на то, что «третий», юрист, поможет партнерам договориться о деталях партнерского соглашения.

Анатолий пытается канализировать свою тревогу и не пойти «дальше и глубже» на сессиях с коучами, а также фантазирует о том, что им с Николаем помогли бы карточки с вопросами для вступающих бизнес, ответив на которые партнеры уменьшили бы неопределенность.

В материале сессий прозвучали факты, показывающие, что Борис проявлял себя как благонадежный и предприимчивый партнер в периоды кризиса: под угрозой банкротства вовремя находил крупных инвесторов, подписывал ключевые сделки, отвечал за коммуникации с крупными объектами. Также выяснилось, что сам Борис считал произошедшее рейдерским захватом. Отстранение его от дел, в том числе нотариально заверенное непродление срока его полномочий, Борис воспринимал как нелегитимные действия по захвату его части бизнеса.

Коучи предложили партнерам поделиться ассоциациями об их партнерстве, Анатолий сравнивает себя с «огромной сильной черной собакой, которая тащит на себе двоих, но не может при этом кусаться», а сейчас

«эти двое» слезли: один отвалился, а второй сам гребет, и стало легко. «Затишье на корабле, но паруса не раскрыли», – добавил он. Николай соглашается с метафорой партнера и добавляет, что «корабль шатало изнутри, так еще и шторм за окном».

В заключительной сессии пара говорит о коучах как о медиаторах или арбитрах. Это интересный факт в разрезе того, что пара приходила на сессии, не анонсируя состояние конфликта и не озвучивая его. Слышатся достаточно «острые» фразы, например, «довысказаться друг в друга», что еще раз наталкивает коучей на размышления о том, почему в них видят медиаторов или арбитров при, казалось бы, начавшихся «затишье и штиле» в партнерских отношениях.

Эта интересная тенденция часто прослеживается во время работы: каждый раз паре коучей приписываются различные роли – врачей, судей, арбитров, наставников, психотерапевтов, медиаторов и проч. Соответственно, представления о работе коучей формируются «наделяемой ролью», которая также была проанализирована в совокупности с материалом сессий и контрпереносом. Проекции, направляемые на коучей, помогали раскрыть частично осознаваемые ожидания партнеров от работы с нами, что являлось неким «маркером» текущего состояния дел в бизнесе.

В контрпереносе коучи ощущали, что время тянулось медленно, что передавалось через метафору «вязкости и болота, в котором ты застрял». В начале сложилось ощущение, что партнеры – незнакомые друг другу люди. Коучи чувствовали некоторый диссонанс между реальным возрастом партнеров и уровнем конфликтов, которые разыгрываются в большей мере из детской, инфантильной части партнеров. Каждый по-своему партнеры упоминали, что сейчас очень важно перераспределить роли и задачи по управлению бизнесом, но в течение сессий так и не приступили к этому обсуждению.

Мы предполагаем, что за сложной динамикой партнерства стоит конфликт эдиповых бессознательных фантазий об исключении отца и присвоении его «наследства» и чувства вины в результате совершенного действия.

Фигуру отца оба партнера проецируют в этом конфликте на Бориса и вступают в бессознательный сговор, завершающийся удалением или изгнанием Бориса из компании. Николай после этого затоплен чувством вины (исключенный партнер был его другом детства) и не может «присвоить» наследство, как задумывалось, через получение «благословения». Анатолий же вины не чувствует, его желание присвоить отцовскую роль через агрессивную позицию с целью овладения всеми атрибутами «отцовского мира» может пронизывать бессознательное чувство вины, которое и приводит партнеров к ситуации, когда они связаны совершенным действием и не могут разойтись.

Динамика партнерства Анатолия и Николая отсылает нас к первофантазму о каннибалистической трапезе – убийстве отца и поглощении всего, чем он обладает. Материал сессий пронизан связью с неисправимым

событием, которое, с одной стороны, объединяет партнеров, а с другой – является постоянным напоминанием о содеянном. Появляется отщепленное чувство вины, превращающееся в «постоянную битву при дворе», с которым Анатолий пытается справиться и овладеть им, Николая же он «сбивает с ног» – партнер делится, что начались более частые болезни и депрессивные состояния, приводящие его к экзистенциальным вопросам, поискам «духовности» и разным психосоматическим проявлениям. «Убитый» отец превращается в сбежавшего предателя и становится «козлом отпущения», а брошенное им «наследство» превращается в проклятие.

Отвечая на вопрос, возникающий у коучей во время работы с парой, что держит партнеров до сих пор в совместном проекте, они рожают метафору, что партнеры будто связаны семейными узами, которые невозможно разорвать просто так, они вынуждены после произошедшего проходить этап за этапом, находясь в равной позиции, похожей на позиции братьев в семье, в то время как фигура «отца» была свергнута ими, а к оставленному наследству невозможно притронуться.

Коучи задумываются о количестве проекций на Бориса, скрываемой тоске по нему и невозможности проговорить тему его нехватки. Возможно, все негативные части партнеров отщеплены и помещены в Бориса, и, наоборот, все положительные части приписываются оставшимся партнерам. Ощущаются страх быть уязвимыми с обеих сторон и непонимание, связанные с неготовностью перейти на новую ступень развития бизнеса, так как легче, не «раскрываясь» и не обсуждая, остаться в том периоде, когда партнеров объединяла фантазия о «свержении отца».

«Братья» каждый по-своему бессознательно фантазировали о занимаемом месте отца, и теперь каждый реализует свою фантазию: так, Анатолий нацелен на достаточно прагматичный подход к бизнесу, где вовремя сдается отчетность, каждый получает со своего юридического лица оплату и т. д., в то время как Николай бессознательно испытывает чувство вины и не хочет в целом заниматься бизнесом – по словам Анатолия, «находит на него два часа в день». Битву «братья» пережили, но теперь отца нет, нет заданного курса, никто не знает, куда идти, а говорить об этом они не могут, поэтому и привлекают постоянно «третьих фигур» – неких арбитров.

Потенциал разделяемой фантазии пары можно сформулировать следующим образом: «Договорились, как делить наследство».

Партнеры размышляли на сессиях и о карточках, которые помогут структурировать то, что обычно обсуждают на «старте» бизнеса, и юристе с нотариусом, которые помогут составить и зафиксировать партнерское соглашение и новые регламентирующие документы. Но для этого нужно ответить на главные вопросы: в каком направлении они, двое партнеров, хотят развивать бизнес, каких результатов они от него ждут, кто займет «место отца», а кто какое-то другое место. «Битву» и ее конфликт партнеры каким-то образом пережили, теперь необходимо понять, какие роли и задачи каждый берет на себя из «всего отцовского мира», так как двух отцов не бывает.

Успешным разрешением конфликта как раз может стать новая общая разделяемая фантазия пары, из которой каждому будет понятно, что делать после того, как ими будет принято «содеянное» – отца больше нет. Какая роль, кроме места отца, возможна для каждого? Как взаимодействовать по-новому в этих ролях? Будет ли это работа коучей или другого «третьего», кто поможет им договориться между собой, «что дальше делать с наследством»: составить партнерское соглашение, обсудить роли, наметить дальнейший план развития бизнеса.

На основании предположения о бессознательных фантазиях и первофантазме мы сформулировали гипотезу о дальнейшей работе с парой. Мы считаем, что партнерам предстоит интеграция новых после «передела» ролей в реальность, с учетом и преобразованной агрессивности, и чувства вины. Возвращение «взрослой части» партнерства также может происходить не через попытки найти «третью фигуру», куда будут помещаться все «отщепленные и темные части себя», а через понимание и присваивание тех ролей, которые «достаточны» для каждого из них. Одним из первых шагов могла бы быть формулировка общего запроса пары, для того чтобы в дальнейшем обсуждение, куда будет двигаться бизнес, стало возможным. Сейчас в паре не хватает пространства как для диалога между собой, так и при работе с коучами.

В этом и ряде других кейсов мы заметили, что глубина понимания сложностей пары партнеров сильно зависела от степени их открытости, то есть выраженности копинг-стратегий и защит, демонстрируемых при работе с коучами. Мы видим связь между тем, насколько нам удалось установить рабочий альянс с парой партнеров, и количеством материала, который мы могли использовать для анализа бессознательных фантазий партнеров и их вклада в динамику отношений между партнерами.

Кейс «Игра на счастливом острове Чунга-Чанга»

Анна и Светлана – предпринимательницы со стажем приблизительно 30 лет. Первые попытки вести совместный бизнес девушки предприняли около девяти лет назад, познакомившись и сблизившись на совместной учебе. Текущий бизнес существует более пяти лет и реализуется в двух направлениях: собственное производство линейки свечей и продажа бьюти-средств. Участие в исследовательской работе было инициировано Анной.

Общий запрос пары звучал следующим образом: «Хотелось бы сделать партнерство и бизнес более эффективными». Под «эффективностью» подразумевалось «меньше делать, в то время как бизнес будет давать крутые результаты».

Партнеры рассказали, что периодически в их бизнесе наступает «точка безысходности» – состояние, когда бизнес не показывает результатов, не развивается и не растет. В этот момент партнеры обычно предпринимают решительные действия, зачастую связанные с вложением крупных (в масштабах их бизнеса) сумм денег в различные проекты: нанимают наставников, вкладываются в рекламу и проч.

Коучи замечают, что сверхожидания, накладываемые в моменты отчаяния на привлеченных экспертов, транслируются и при участии в нашем исследовании. Предпринимательницы не раз озвучивают, что ожидают от коучей обратную связь, что им укажут верное направление и посоветуют, как сделать бизнес эффективнее.

Эта закономерность отчетливо прослеживается и в работе с другими парами: динамика, которая разыгрывается в паре партнеров, отличается низкой подвижностью, то есть способностью к изменениям, способ, которым участники пары привыкли обращаться друг с другом и внешним периметром партнерства в лице подрядчиков, клиентов, конкурентов, партнеров, контрагентов и т. д., находит свое проявление и «здесь и сейчас» – при взаимодействии с парой коучей.

Партнеры не готовы на данный момент пойти в масштабирование бизнеса, который они называют «игрой» и ассоциируют с «весельем» и опытом удовольствия от совместной деятельности. Рефлексивная способность практически не прослеживается: не конкретизированы цели бизнеса, нет выстроенного диалога по поводу реперных точек или ранее принятых неудачных решений в бизнесе, нет выстроенной системы для определения стратегии развития, нет конкретики в количественных показателях бизнеса. Партнеры затрудняются ответить, в чем разница между «удачными» и «неудачными» решениями в их бизнес-контексте.

Девушки готовы делать друг за друга какие-то задачи, но в целом свои роли в бизнесе четко не обозначают, существует только небольшое количество конкретных задач, закрепленных за Анной. Анна характеризует партнерство как некое «мероприятие», которое должно выглядеть «весело и задорно», а Светлана добавляет, что изначально хотела вывести их дружеские отношения на новый уровень через построение совместного бизнеса.

Коучи предполагают, что существует общее желание периодически брать крупные суммы денег, подкрепленное иллюзиями, что кто-то со стороны точно поможет и «подарит» им свой наработанный опыт. Партнеры соглашались с такой интервенцией и добавляли, что не готовы набирать в команду других специалистов, так как нет доверия к тем, с кем не работали ранее или не имеющих рекомендации.

На индивидуальной сессии Светлана подчеркивает, что единственный вариант роста бизнеса – это вложение средств или найм специалиста. Также упоминает, что продолжает работу в найме, так как это закрывает ее материальные нужды, а бизнес на данный момент не может ей обеспечить сопоставимый уровень дохода. На индивидуальной сессии с Анной звучит полное отрицание негативных эмоций, так как они ассоциируются с грустью и печалью, в то время как причина успешности бизнеса, по ее мнению, – это позитивный настрой партнеров.

Коучи практически все сессии чувствовали агрессию, так как речь о реальных бизнес-показателях не шла, любые фундаментальные проблемы обходились партнерами и игнорировались. В дискурсе партнеров часто звучали «оторванность» от вызовов бизнеса, игнорирование рефлексии о результатах принятых решений, транслировалось «бесконечное

веселье». Нивелирование издержек такого подхода к бизнесу вызывало раздражение у коучей и желание «структурировать и систематизировать» партнерство.

Мы предполагаем, что за динамикой, разыгрываемой между партнерами в бизнесе, стоит пара схожих бессознательных фантазий, которые относятся к периоду, когда младенец получает все, что ему нужно «здесь и сейчас», немедленно и беспрекословно. Это фантазии о нарциссическом рае, в котором нет тревог, разочарований и потерь, присутствующие у обоих партнеров, но с некоторыми нюансами. Для Анны это, как мы предполагаем, – «мой рай не закончится никогда», нет желания думать, что могут быть какие-то конфликты или негативные ситуации. Для Светланы же бессознательная фантазия может звучать следующим образом – «я не хочу, чтобы мой рай заканчивался». Делая шаги (работа в найме), которые ей позволяют тестировать реальность, Светлана стремится в то место, где все «легко, весело и просто», ведь ситуация, когда рай прекращается, ей уже известна, быть там совершенно не хочется. Светлана молниеносно реагирует на обесценивающие фразы Анны, говоря, что работа в найме не может быть столь интересной, как ведение своего бизнеса, что та могла бы быстро завершить карьеру в найме, если бы их бизнес начал приносить другие доходы, что соотносится с нашим предположением.

На схожесть бессознательных фантазий в партнерстве указывает и то, как ведут себя партнеры во время сессии. Когда звучит вопрос, на что похоже их партнерство, или просят привести метафору о бизнесе, партнеры инстинктивно принимают одинаковую позу и одинаковое положение рук, каждая говорит, что ей нечего добавить к тому, что сказал первый из партнеров.

Динамика партнерства отсылает нас к первофантазму о возвращении в материнскую утробу – желании раствориться в состоянии счастья. Чтобы родиться и начать новую «другую» жизнь (бизнес с новым подходом), нужно вернуться «обратно» или вернуться и не родиться – умереть (никогда не построить эффективный бизнес).

На наш взгляд, предполагаемые бессознательные фантазии оказывают существенное влияние на бизнес, который воспринимается партнерами как совместная игра, где каждый хочет моментально реализовывать свои потребности, что не получается. Отсюда и «точки безысходности», и «желание без усилий получать эффективный результат», и «невозможность реализовать свои желания через результаты бизнеса».

Партнерам сложно пофантазировать, куда бы они направиликратно возросший доход, они приходят к мысли, что «вывели бы деньги из бизнеса, купив хотелки», что еще раз убеждает нас в верности направления наших размышлений.

Возможно, внутренний конфликт пары, обусловленный динамикой бессознательных фантазий, лежит в плоскости желания «навести порядок» и сделать бизнес эффективнее, с одной стороны, и, с другой – желания «оставить все как есть»: не определять критерии эффективности, не конкретизировать цели, не давать права на масштабирование.

Потенциал разделяемой фантазии пары можно охарактеризовать следующим образом: «От фантазии к рождению». Пара партнеров может достаточно долго существовать на данном этапе бизнеса, так как у одного есть запрос на «игру», а у второго на «веселье», откуда мы можем думать, что удовольствие от процесса игры превалирует над гипотетическим результатом, к которому может прийти бизнес в результате выхода из инфантильной младенческой позиции. Отсутствие диалога между бизнес-партнерами, возможно, позволяет поддерживать бессознательный сговор о продолжении «рая на двоих», так как, если вдруг появится возможность проговаривать проблемы и конфликты, партнерство может начать движение к выходу из привычного ему симбиоза, «рождению», после чего придется проходить путь развития, признавая ограничения и отвечая на вызовы.

Дальнейшая работа с партнерами может быть ориентирована на повышение уровня тестирования реальности, обсуждение конфликтов и негативных аспектов бизнеса и партнерства, которые сейчас игнорируются.

При работе с данной парой и частью других на заключительной сессии отчетливо наблюдалась тревога сепарации, партнерам было важно получить обратную связь о качестве их партнерства, а кто-то и вовсе открыто транслировал желание услышать ответ на весьма экзистенциальный вопрос: «Может ли наше партнерство вообще существовать?» Так как наша работа с парами партнеров носила исследовательский характер, мы лишь тестировали предположения и аккуратно «подсвечивали» конфликты и ограничения, с которыми сталкивается партнерство, однако даже при таком характере непродолжительных взаимоотношений созданное пространство становилось надежной базой для партнеров, с которой каждая из пар обращалась привычным способом.

Результаты исследования бизнес-партнерств

Обобщенные результаты исследования по всем 13 парам бизнес-партнеров представлены в виде таблицы (см. Приложение.).

Мы заметили следующие закономерности:

- Бессознательные фантазии партнеров зачастую связаны общей темой и общим первофантазмом.

- В некоторых кейсах мы наблюдали схожие бессознательные фантазии, но пришли к выводу о разных первофантазмах (один общий первофантазм в одной паре партнеров, другой – в другой паре партнеров). Таким образом, нельзя говорить о строгой связи между определенными бессознательными фантазиями и первофантазмом.

- Нет явной закономерности между стадией развития пары партнеров и первофантазмом: пары партнеров с одинаковым первофантазмом могут находиться на разных стадиях развития, а пары партнеров на одной стадии развития – иметь разные первофантазмы.

- Даже при схожих бессознательных фантазиях и одинаковом для некоторых пар партнеров первофантазме мы предполагаем разные и уникальные для каждой пары партнеров разделяемые фантазии.

Приведенные выше выводы говорят о том, что каждая исследуемая пара бизнес-партнеров представляет собой уникальный кейс. На данный момент нет собранного «атласа бессознательных фантазий», который может помочь в анализе динамики, что еще раз подтверждает мысль, что работа с парой бизнес-партнеров разворачивается уникальным и непредсказуемым образом, несмотря на одинаковую структуру и сеттинг работы.

В текущей экономической реальности все больше предпринимателей рассматривают для себя бизнес-партнерство как наиболее привлекательную форму ведения бизнеса не только из-за диверсификации рисков и экономических выгод, но и из-за более глубоких и скрытых психоаналитических причин, которые остаются неявными для партнеров. Одной из таких причин являются бессознательные фантазии партнеров, исследованию которых посвящена наша статья.

Проведенное исследование показало, что психоаналитический подход к работе с бизнес-партнерами позволяет исследовать взаимоотношения партнеров, а также анализировать динамику их отношений, опираясь на концепцию бессознательной фантазии.

Работа психоаналитически ориентированного коуча с бизнес-партнерами может привести к новой динамике в отношениях, снизить тревогу, помочь получить новый взгляд на себя в партнерстве и партнера, лучше понять его. В России только начинает появляться культура коучинга для бизнес-партнеров. Это уникальная возможность для пары предпринимателей получить профессиональную помощь в разрешении конфликтов, улучшить качество взаимодействия в паре и укрепить партнерство.

Приложение. Обобщенные результаты исследования по 13 парам бизнес-партнеров

Пара бизнес-партнеров	Пилотная пара	Пара №1	Пара №2	Пара №3	Пара №4	Пара №5
Метафорическое название пары	«Проект X: дорвались»	«Проклятое наследство»	«Игра на счастливом острове Чунга-Чанга»	«Экспериментальный образец ракеты в музее»	«Переплывающие Босфор на время в километре друг от друга»	«Vogue против мужичков под водочку»
Бессознательная фантазия первого партнера	«Я одерживаю триумф над родителями»	«Я становлюсь как отец»	«Мой рай не закончится никогда»	«Мое детство заканчивается»	«Я хочу развиваться самостоятельно»	«Я лучше отца»
Бессознательная фантазия второго партнера	«Я одна в родительской спальне навсегда»	«Я убиваю отца и занимаю его место»	«Я не хочу, чтобы мой рай заканчивался»	«Я хочу вернуться в детство»	«Я желаю материнскую грудь»	«Я одержу триумф над матерью»
Общая тема бессознательных фантазий	Желание повзрослеть и занять место родителей	Исключение отца	Младенец в раю	Вечное детство	Отношения с матерью	Исключение родительской фигуры
Общий первофантазм	Первосцена	О каннибалистической трапезе	О возвращении в материнскую утробу	Кастрация	Соблазнение	Первосцена
Потенциальная разделяемая фантазия	«Возьми меня за руку, вместе мы сильнее»	«Договорились, как делить наследство»	«От фантазии к рождению»	«Старт уже близко»	«Общий фарватер»	«От боев без правил к тяжелому люксу»
Стадия развития пары	Обучение – обучение	Симбиоз – симбиоз (враждебно-зависимый)	Симбиоз – симбиоз	Дифференциация – симбиоз	Дифференциация – симбиоз	Симбиоз – симбиоз

Пара бизнес-партнеров	Пара №6	Пара №7	Пара №8	Пара №9	Пара №10	Пара №11	Пара №12
Метафорическое название пары	«Девочки в лесу»	«Катамаран-авианосец»	«Неидеальные атланты»	«Рабочий и колхозница»	«Цирк ищет нового CEO»	«CtrlC+CtrlV»	«Рок-н-рольщик и калькулятор»
Бессознательная фантазия первого партнера	«Мои потребности в игре полностью удовлетворяются»	«Я на месте матери»	«Я хочу все и сразу»	«Я единственный, кто заслуживает внимания мамы»	«Мой новый родитель мне ни в чем не отказывает»	«Я боюсь занять место отца»	«Я идеальный отец для каждого, кто попадает в близкий круг»
Бессознательная фантазия второго партнера	«Мои потребности в игре полностью удовлетворяются»	«Я на месте отца»	«Я хочу жить вечно и не взрослеть»	«Я боюсь и выиграть, и проиграть конкуренцию с мамой»	«Мне нужен большой другой»	«Я хочу остаться младшеньким»	«Хочу семью, где я сам играю»
Общая тема бессознательных фантазий	Младенец в раю	Желание занять место родителей	Вечное детство	Отношения с матерью	Замена родителей на более значимых	Страшно взрослеть	
Общий первофантазм	О возвращении в материнскую утробу	Первосцена	Кастрация	Кастрация	Семейный роман	Кастрация	Семейный роман
Потенциальная разделяемая фантазия	«Играть можно не только вдвоем»	«Капитаном корабля может быть один»	«Взрослеть не страшно»	«От рабочего и колхозницы к маме и папе»	«Наш тандем больше, чем любые родители»	«Спустить псов с цепи»	«У каждого в тандеме может быть свой рок-н-ролл»
Стадия развития пары	Симбиоз – симбиоз	Обучение – обучение	Симбиоз – симбиоз	Обучение – обучение	Симбиоз – обучение	Дифференциация – симбиоз	Дифференциация – симбиоз

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэйдер Э., Пирсон П. В поисках мифической пары. Эволюционный подход к диагностике и психотерапии пар. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 302 с.
2. Кляйн М. Эдипов комплекс в свете ранних тревог и другие работы 1945–1952 гг. Т. 5 // М. Кляйн. Собрание сочинений: в 5 т. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2009. 312 с.
3. Кляйн М. «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920–1928 гг. Т. 1 // М. Кляйн. Собрание сочинений: в 5 т. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2008. 374 с.

4. *Кляйн М.* Психоанализ ребенка. Т. 3 // М. Кляйн М. Собрание сочинений: в 5 т. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2018. 370 с.
5. *Михайлова В., Наханетян Г.* Тандемokratия. Как построить систему отношений в бизнесе и жизни. М.: Альпина Про., 2022. 262 с.
6. *Морган М.* Парное состояние сознания. Психоанализ пар и модель института «Тавистокские взаимоотношения». М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2021. 299 с.
7. *Подцероб М.* Российские предприниматели все чаще объединяются в бизнес-партнерства // Ведомости [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/10/23/1001900-biznes-partnerstva> (дата обращения: 05.04.2024).
8. *Фрейд З.* Навязчивые состояния. Человек-крыса. Человек-волк // З. Фрейд. Собрание сочинений: в 26 т. Т. 9. М.: Терра – Книжный клуб, 2007.
9. *Шарфф Д. Э., Шарфф Д. С.* Терапия пар в теории объектных отношений. М.: Когито-Центр, 2008. 383 с.
10. *Schiffer Z.* (2020) Co-founder therapy teaches tech bros how to be in their feelings. The Verge. URL: https://www.theverge.com/2020/3/18/21183555/co-founder-therapy-counseling-tech-bros-feelings-silicon-valley?fbclid=IwAR3m_PIO_EIPTURQVWY7GvJbQyuHS7AMb-6yQRtqFf7dukNlrtywDn6jspk (дата обращения 05.05.2024).

Forming a Business Partnership: Psychoanalytic Aspects

*E. V. Kolesnik, D. A. Korobkina, E. M. Oferkina,
M G. Sitkovskaya, E. G. Tsymbalyuk*

Kolesnik Elizaveta V., MPsycho (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic counsellor.

Korobkina Daria A., MPsycho (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic counsellor.

Oferkina Evgeniya M., MPsycho (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic counsellor.

Sitkovskaya Mariya G., MPsycho (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic counsellor.

Tsymbalyuk Evgeniya G., MPsycho (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic counsellor.

Most Russian entrepreneurs conduct business in partnership. This is understandable, because from an economic point of view there are many advantages: increased opportunities to attract resources, joint efforts to achieve business goals, distribution of risks.

In addition to purely business aspects, the system of business partnerships contains complex psychological and emotional mechanisms that influence their psychodynamics. These mechanisms influence decision making, leadership effectiveness, and the quality of relationships. Many business partnerships face conflicts and fall apart.

The pandemic period gave rise to therapy for couples of business partners in Silicon Valley. In Russia, there has also been an increased demand for improved interaction in business partnerships. In response to this request, the Skolkovo School of Management launched the Tandemocracy program; and lawyers are developing the format of partnership sessions, where business partners agree on formal and informal terms for doing business together.

We hypothesized that the formation and dynamics of business partnerships are influenced by partners' unconscious fantasies and decided to test this hypothesis through a series of exploratory coaching sessions.

Unfortunately, there is practically no psychoanalytic literature devoted to business partnerships. Therefore, the approach we chose to conduct the study was based on psychoanalytic theories and techniques used in family therapy.

These techniques were synthesized into a framework, which we tested on 13 pairs of business partners and made a psychoanalytic interpretation. Based on the results, an approach was formed, on the basis of which a new method for working with entrepreneurial couples can be developed in the future.

Keywords: unconscious fantasy, business partnership, shared fantasy, first fantasy, stage of couples' development, countertransference, tandem.